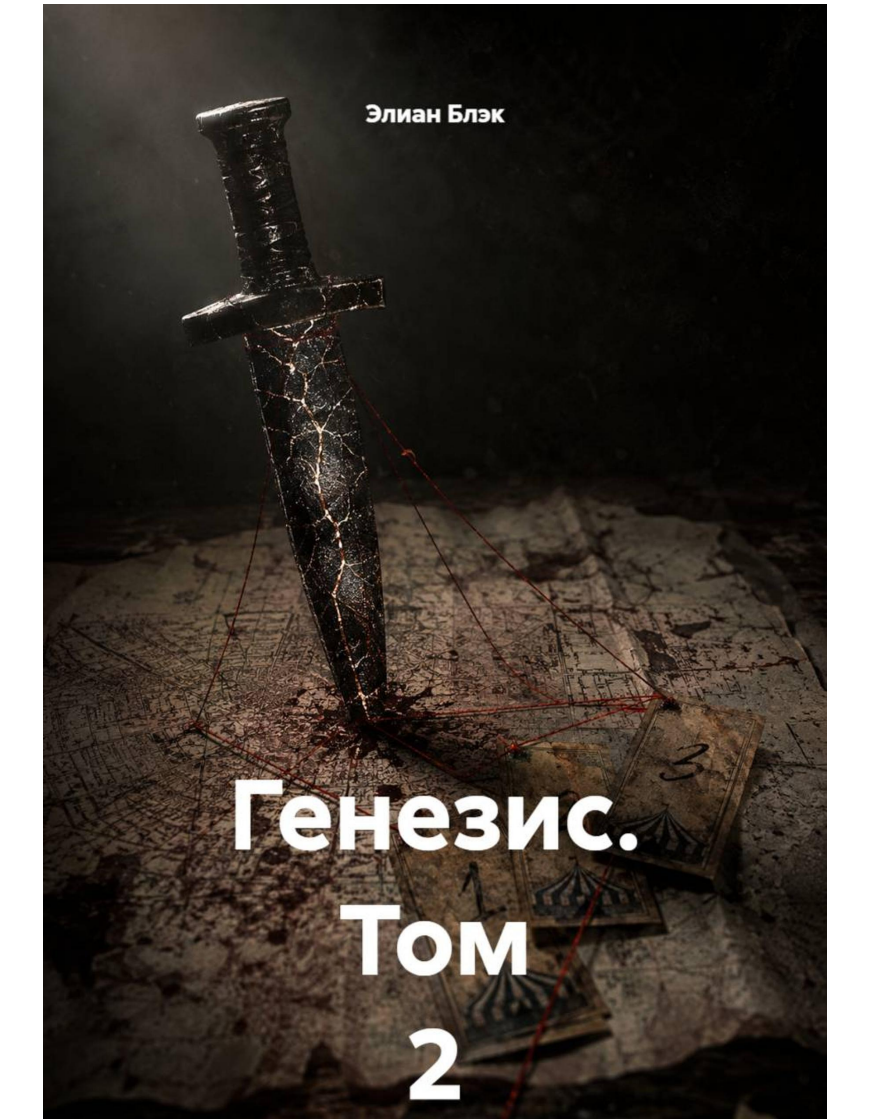




Элиан Блэк

Генезис.
Том
2

Элиан Блэк

Генезис. Том 2

<https://litres.ru/74281072>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Генезис. Том 2» — мрачное, напряжённое и эмоциональное продолжение истории о группе подростков, вступивших в неравную борьбу с древними сущностями, пожирающими человеческие воспоминания и саму суть личности.

Прошёл год с тех пор, как в особняке «Генезис» был запечатан Кроули. Но цена победы оказалась страшной: Джек, их друг, остался внутри как живой якорь, с каждым днём забывая себя. Артур Волкер, Лиза, Макс, Дженни и Эмма пытаются жить дальше, но красные нити на их запястьях горят, предупреждая: охота не окончена.

Новая угроза, Пустота, заставляет их отправиться в Детройт, где они узнают, что мир Пожирателей гораздо больше и сложнее, чем они думали. Их путь лежит через Чикаго — город, где театр «Палас» стал логовом Маэстро, существа, коллекционирующего моменты человеческого унижения. И далее — в Лондон, к таинственному предателю Кейну и Спящему, чьё пробуждение грозит гибелью всему миру.

Содержание

ПРОЛОГ. ГЛАВА 1.	4
ГЛАВА 2.	14
ГЛАВА 3.	36
ГЛАВА 4.	58
ГЛАВА 5.	83
ГЛАВА 6.	101
ГЛАВА 7.	137
ГЛАВА 8.	173
Конец ознакомительного фрагмента.	202

Элиан Блэк

Генезис. Том 2

ПРОЛОГ. ГЛАВА 1.

Октябрь 1986 года. Брукфилд. Особняк «Генезис». Подвал.

Тишина здесь была не пустой. Она стояла в горле комком ваты — плотной, сухой, в которую не продыхнуть. Джек сидел на бетонном полу, привалившись спиной к стене, и слушал, как медленно стекает время. Капли где-то за трубами падали с интервалом в семь ударов сердца. Семь. Семь. Семь. Он сбился на сорок девятом. Или на пятьдесят шестом.

Света в подвале не было. Вернее, он был — серый, мутный, без источника, словно сама плесень на стенах начала светиться. Он висел в воздухе, не давая теней, не давая ориентиров, и от него болели глаза. Особенно левый. Глухая, тупая боль за глазами — как будто кто-то пытался выдавить его пальцем изнутри, через череп. Джек потёр веко костяшками. Кожа под пальцами была шершавой, сухой, как наждак. Треснувшая. Он не помнил, когда в последний раз видел воду.

— Ты забываешь, — сказал голос.

Голос исходил из груди. Из того места, где раньше была пустота — холодная, зияющая, а теперь там кто-то сидел. Складчатый и спокойный. Как старый квартирант, который давно перестал стучаться.

— Ещё немного, — голос стал тише, почти шёпотом забирался под рёбра. — И ты не вспомнишь, как тебя зовут.

— Заткнись.

Губы потрескались до крови. Корка запеклась, и когда он шевелил ртом, трескалась снова. Во рту было сухо, язык казался куском старой кожи. Он не пил уже непонятно сколько. Просто не хотелось. Жажда давно перестала быть острой — она превратилась в тупую, привычную боль, с которой можно жить. Как с больным суставом.

Джек попытался вытащить из памяти лица. Шестерых.

Девочка с тёмными волосами. Она рисовала. Чем — карандашом? Кистью? Что именно — стёрлось. Остался только образ: склонённая голова, тонкая шея, свет от окна на бумаге.

Мальчик с ножом. Карие глаза. Он боялся темноты — у него был тик, когда гас свет. Дёргалось веко. Джек помнил, как оно дёргалось, но не помнил, как того мальчика звали.

Высокий. Зелёные глаза. Он что-то обещал. Кажется, вернуться. Или не обещал — просто сказал, что так надо. В его голосе была тяжесть, как у человека, который всё решил за всех.

Две девушки. Одна рыжая. Смеялась громко, с присви-

стом. Другая — чёрные волосы до пояса. Она молчала. Часто молчала. И когда молчала, становилось спокойно.

Имена ускользали. Они крутились на языке, почти осязаемые — как вкус того, что ты ел в детстве и не можешь вспомнить название. Вкус был — названия нет.

— Они не придут, — сказал голос. Без смеха. Скучно, как о погоде. — Забыли. Живут своей жизнью. Ты у них — просто дурной сон, который перестал сниться. — Пауза. — Если он вообще был.

— Неправда.

Джек ударил затылком о стену. Раз. Два. Глухой, влажный стук. Боль вспыхнула искрами под черепом. Боль возвращала его сюда — в тело, в этот запах сырого бетона и собственного пота. И ещё — тонкий, металлический привкус в углу рта. Кровь. Лопнула губа. Он провёл по ней языком, и соль ударила в горло — острая, живая.

— Значит, не неправда. — Голос удовлетворённо потянулся, словно кот на солнце. — Попробуй вспомнить её имя. Рыжей.

Джек закрыл глаза.

В темноте под веками поплыло пятно — яркое, как пламя. Волосы. Длинные, вьющиеся. Смех. И больше ничего. Имя рассыпалось, едва он попытался его схватить.

— Нет у тебя их, — сказал голос. — Ни имён, ни лиц. Только ты и я. И этот подвал.

Джек открыл глаза. В левом глазу мелькнуло лицо. Не

клоун. Не Смеющийся — тот был давно, в другой жизни. Просто мужчина. Чёрные глаза — бездонные, тягучие. Седые волосы, коротко стриженные. Он смотрел ровно, спокойно — и от этого становилось холодно, хотя в подвале было не холодно. Просто сыро.

Рядом возникло другое лицо — женщина с пустыми глазами. Как у куклы. Глаза смотрели в одну точку, а улыбка была нарисованной. Потом старик. Сморщенный, с длинными пальцами. Потом мальчик — лет двенадцати, с родимым пятном над бровью. Они сменяли друг друга, как карты в колоде, которую тасует невидимая рука. Быстро. Медленно. Снова быстро.

— Кто ты? — прошептал Джек. Голос сел. Слова выходили хрипом.

— Я — то, что осталось.

Без смеха. Без пафоса. Сказано так же, как говорят о времени суток.

— Ты держишь меня здесь. — Джек облизал губы. Корка треснула, и кровь снова выступила капельками. — Я держу тебя. Если я умру — ты выйдешь. Если ты умрёшь — я забуду всё.

— Уже забываешь.

Джек провёл рукой по лицу. Пальцы сухие, кожа на скулах шелушится. Он чувствовал её под ногтями — мелкие белые хлопья, как перхоть. Он потёр щёку. Не помогло.

На стене напротив было вырезано слово. Он не помнил,

когда и чем это сделал. Наверное, осколком стекла, которое нашёл у трубы. Ржавая железка с острым краем. Или просто ногтем. Ногти давно обломаны до мяса. «SOS». Под ним — дата: «Октябрь 1986».

Год.

Семьсот двадцать два дня.

Джек закрыл глаза, и под веками всплыла царапина на стене. Он считал дни поначалу. Каждое утро — он называл это утром, потому что просыпался, — он проводил ногтём по бетону. Тонкая белая борозда. Одна. Две. Десять. Пятьдесят. Сто двадцать. На ста тридцать восьмом он сбился. Потом кто-то приходил сверху и смывал эти царапины губкой. Губка. Откуда здесь губка? Оставляли еду — иногда — на верхней ступеньке. Хлеб. Вода в пластиковой бутылке. Иногда суп — остывший, с плёнкой жира на поверхности. Он не знал, кто это. Может, он сам. Может, голос. Может, кто-то снаружи, кто знал, что он здесь.

Где-то наверху скрипнула половица. Шаги. Тяжёлые, медленные. Прошли мимо люка, остановились, прошли дальше.

Или просто ветер. Старый дом постоянно разговаривал сам с собой — скрипел, вздыхал, переминался на фундаменте. Он жил, как живое существо: выдыхал сквозняки, похрустывал балками, капал водой из труб. Дом дышал, но не помогал.

Джек пошевелился. Ноги затекли. Левая ступня онемела, правая — как будто налилась свинцом. Он подтянул колени

к груди, согнулся, упёрся лбом в коленные чашечки. Ткань джинсов — жёсткая, засаленная — пахла им. Его собственным запахом. Потом, грязью, кровью. Он пах как вещь, которую забыли в подвале.

— Они придут, — повторил он. В голосе не было веры. Просто ритуал. Как молитва, в которую перестал верить, но повторяешь, потому что иначе разорвёт.

— Кто? — Голос был мягок. Почти нежен. — Ты сам не знаешь их имён.

— Я вспомню.

— Нет.

Джек поднял голову. В левом глазу опять мелькнула женщина с пустыми глазами. Она стояла в углу подвала — там, где всегда стояла. Он знал, что её нет. Знание было, а картинка — есть. Он моргнул. Она не исчезла. Стояла и смотрела.

— Уйди.

— Я здесь, — сказала она, но голос был всё тот же. Голос из груди. — Мы всегда здесь.

Джек сжал челюсти. Зубы скрипнули. Он встал — медленно, по стенке, опираясь ладонями о влажный бетон. Отпечатки ладоней остались на стене. Тёплые. Он видел их пар — слабые следы на холоде.

Он подошёл к двери — тяжёлой, железной, с засовом снаружи. Дёрнул. Засов лязгнул — и затих.

— Открой, — сказал он голосу.

— Я не могу. Ты не хочешь.

— Я хочу.

— Ты врёшь.

Джек ударил ладонью по железу. Звон разлетелся по подвалу, ударился о стены, затих. Боль в запястье отдалась в локоть. Он сжал руку в кулак, разжал. Пальцы дрожали.

Он отошёл от двери, снова сел на пол. Прислонился спиной к стене. Сел в ту же позу. В ту же яму.

Где-то в углу, за трубами, что-то скреблось. Может, крыса. Может, голос просто играл с ним.

— Как тебя зовут? — спросил Джек.

Голос молчал.

— Ты же знаешь, как меня зовут, — сказал он. — Назови.

— Я назову. Когда ты забудешь.

Джек закрыл глаза.

В темноте он попытался вспомнить их лица. Те же — без имён. Рыжая. Тёмноволосая. Мальчик с ножом. Высокий с зелёными глазами. Девочка-художница.

Он их не вспомнил.

Тогда попробовал вспомнить своё.

Своё — тоже не смог.

Он открыл глаза. В углу подвала сидел мальчик. Лет двенадцати. С родимым пятном над бровью.

— Как тебя зовут? — спросил Джек.

Мальчик улыбнулся — слишком широко, слишком взрослому.

— Я не помню, — сказал он голосом Джека.

Джек выругался. Слово вырвалось хриплым, горловым, как у собаки. Он ударил кулаком по полу. Боль. Кость заныла — тупая, глубокая. Хорошо.

— Они придут, — сказал он уже не голосу. Себе. Стене. Мальчику в углу, который исчезал, когда он моргал.

В ответ — тишина.

Только капли. Семь. Восемь. Девять.

Где-то наверху скрипнула половица. Тяжёлые шаги прошли к люку. Замерли.

Потом — щелчок. Засов.

Джек замер.

Люк открылся.

Свет — настоящий, жёлтый, от лампы — ударил вниз. Боль в глазах была острой, режущей. Джек зажмурился.

— Эй, — сказал голос сверху. Чужой. Низкий. — Ты там живой?

Джек не ответил. Не мог. Горло свело.

— Я спускаюсь, — сказал человек. — Не дёргайся.

Лестница закрипела под ногами. Тяжёлые сапоги. Три ступеньки. Четыре.

Человек вошёл в подвал. Высокий. Плечистый. Лица не видно — свет был сзади, и он стоял силуэтом.

— Джек? — спросил человек. — Ты меня слышишь?

Джек открыл глаза. Слёзы текли из них от света.

— Я не помню, — сказал он. Голос сел, сорвался на шё-

пот. — Как меня зовут?

Человек шагнул ближе. Опустился на корточки. Он был старый — морщинистый, седой, с чёрными глазами.

— Ты Джек, — сказал он. — Джек Холт.

Джек посмотрел на него. В чёрных глазах не было ни тепла, ни холода. Просто пустота.

— Ты меня знаешь? — спросил Джек.

— Нет, — сказал старик. — Но я знаю, кто ты.

Джек сглотнул. Во рту было сухо, язык прилипал к нёбу.

— Зачем ты здесь?

Старик улыбнулся. Улыбка не дошла до глаз.

— Чтобы забрать то, что осталось.

Он протянул руку. Ладонь была гладкой, белой, без единой морщины.

Джек посмотрел на неё. Потом вверх — на люк, на свет, на выход.

— Они придут? — спросил он.

— Кто?

— Мои. Мои люди.

Старик покачал головой.

— Они не знают, что ты здесь, Джек.

Джек закрыл глаза. В темноте под веками мелькнуло лицо рыжей. Смех. Громкий, с присвистом.

Имя. Оно было на языке. Почти.

Он открыл глаза. Старик сидел на корточках и ждал.

— Я не пойду, — сказал Джек.

Старик убрал руку.

— Хорошо. Тогда я приду завтра.

Он поднялся, развернулся, зашагал к лестнице. Сапоги скрипели по бетону.

— Подожди, — сказал Джек.

Старик остановился. Не обернулся.

— Что ты знаешь о них? — спросил Джек.

Старик молчал. Потом повернул голову — только лицо, только профиль.

— Они живы, — сказал он. — Но они тебя не ищут.

Поднялся по лестнице.

Люк захлопнулся. Засов лязгнул.

Снова серый свет. Снова капли. Снова тишина.

Джек сидел на полу, привалившись к стене.

Он понятия не имел, какой сейчас месяц.

Левый глаз болел — глухо, тяжело, как всегда.

Он попытался вспомнить их лица.

Не смог.

Попробовал вспомнить своё.

Тоже не смог.

Но почему-то, когда он думал о рыжей, у него дёргался уголок губ. Пытался улыбнуться. Или плакать.

Он не знал, что именно.

ГЛАВА 2.

1 октября 1986 года. Брукфилд. Дом Волкеров. Утро.

Артур проснулся за минуту до будильника.

Он лежал на спине, глядя в потолок. Жёлтое пятно от протечки на обоях расползлось за лето — теперь оно напоминало карту материка, который медленно тонет. Отец обещал заклеить ещё в июне. Сказал: «На выходных». Выходные прошли, потом ещё одни, и ещё. Пятно росло, а вместе с ним — тихое, въедливое раздражение, которое Артур загонял вглубь, как гвоздь в доску.

За окном было серо. Небо висело низко, будто набрякшее водой. Он повернул голову к тумбочке.

На ней лежала красная нитка.

Тонкая, шершавая, свёрнутая бантиком — как засохший ручеёк. Она лежала там ровно год. Не сдвинулась ни на миллиметр, не выцвела, не потеряла ни ворсинки. Артур протянул руку, коснулся её кончиком пальца. Холодная. Сухая. Как будто её только что сплели из чужой крови.

Он сел. Будильник зазвенел в ту же секунду — резко, дребезжаще. Артур щёлкнул кнопку. Звук оборвался, оставив в ушах звонкую пустоту.

Оделся. Джинсы — те же, что вчера; на коленке протёрлось пятно, похожее на карту. Футболка — серая, выцветшая, с оторванным ярлыком на воротнике. Он натянул её через

голову — ткань пахла шкафом и нафталином. Подошёл к окну.

На клёне напротив висел красный шарик.

Он был новым. Ярким, надутым до упругости, привязанным бечёвкой к тонкой ветке — той самой, что прошлой осенью качалась без листьев. Шарик покачивался медленно, хотя ветра почти не было. Словно кто-то стоял под деревом и дышал на него.

— Показалось, — пробормотал Артур.

Но голос дрогнул. Он сжал подоконник пальцами, вдавил ногти в краску. Отошёл. Шаги по лестнице — скрипучей, с протёртой серединой каждой ступени.

На кухне мать жарила яичницу. На сковороде шипело масло, и запах — резкий, маслянистый — смешивался с запахом старого кофе, который отец пил по утрам. София стояла у плиты спиной — плечи напряжены, лопатки торчат под халатом. Она не обернулась.

Отец сидел за столом. Марк Волкер читал «Брукфилдский вестник» — газета была пожелтевшей, с выцветшим шрифтом, словно её вынули из коробки, где она пролежала десятилетие. Первая полоса: заметка о пропавшем мальчике из соседнего города. Двенадцать лет. Ушёл из дома в среду, не вернулся. Нашли рюкзак в парке. Артур пробежал взглядом по строчкам — и перестал читать. Не хотел знать детали.

— Ты бледный, — сказала София, не оборачиваясь.

В её голосе была та же интонация, что и год назад. Когда

она смотрела на него, а он отводил глаза.

— Спал, мам.

— Не ври.

Она не повысила голос. Просто сказала — ровно, как констатировала погоду. И Артур почувствовал, как внутри что-то сжалось. Он сел за стол, напротив отца. Марк не поднял головы.

Яичница была горячей, но Артур не чувствовал вкуса. Жевал — и казалось, что жуёт влажную бумагу. Соль не солила, перец не жёг. Он запил водой из стакана — вода была комнатной температуры, с металлическим привкусом из крана.

Лиза вошла через минуту. Волосы собраны в хвост, но несколько прядей выбились и падали на лицо. Под глазами — тени, синеватые, как у человека, который не спал неделю. Она села напротив, взяла вилку, но есть не стала — просто держала её, постукивая зубцами по краю тарелки. Тихо. Раз-два. Раз-два.

— Ты видел? — спросила она.

Её голос был низким, почти шёпотом.

— Что? — спросил Артур, хотя знал.

— Шарик.

Он кивнул. Один раз, жёстко.

— Я сниму его после завтрака.

— Не поможет, — сказала Лиза. — Он вернётся.

Отец опустил газету. Складка между бровей углубилась,

стала похожа на трещину в сухой земле.

— О чём вы?

Голос Марка был тяжёлым, как гравий. Он смотрел на них поверх очков — стёкла были грязными, в мелких пятнах.

— Ни о чём, пап, — Лиза ответила слишком быстро. Слишком гладко. — Просто шарик на дереве. Детский.

Марк перевёл взгляд на неё, потом на Артура. Не поверил. Артур видел это по тому, как дрогнула щека отца — едва заметный тик. Марк хотел спросить ещё, но вместо этого только вздохнул — тяжело, как выдох после долгой работы — и снова поднял газету.

София поставила сковороду на подставку, выключила конфорку. Медленно, почти церемонно вытерла руки о кухонное полотенце — белое, с вышитыми синими цветами, которое она берегла для праздников. Потом посмотрела на детей долгим взглядом.

Артур знал этот взгляд. Мать хотела что-то сказать, но слова застревали в горле, как рыбы кости. Она сжала полотенце в кулак.

— Я позвоню в школу, — сказала она наконец. Голос был ровным, но в нём слышалась трещина. — Скажу, что вы болеете. Отдохните сегодня.

— Мам, мы не бодем.

— Отдохните, — повторила София. — Пожалуйста.

Она вышла из кухни, прижимая полотенце к груди, как ребёнок прижимает игрушку. Марк сложил газету, поднялся

— стул скрипнул по линолеуму — и хлопнул дверью. На секунду в кухне стало тихо. Только холодильник гудел — низко, монотонно, как больной зуб.

Лиза положила вилку. Та звякнула о край тарелки.

— Она знает.

— Откуда?

— Не знаю. Чувствует. Как тогда, когда Джек пропал.

Артур посмотрел в окно. Шарик всё ещё висел на клёне. Теперь он казался больше. Или ближе. Или и то, и другое — как будто дерево само росло ему навстречу.

— После завтрака пойдём в гараж, — сказал Артур. — Макс ждёт.

— А шарик?

— Сниму по дороге.

Он доел яичницу — механически, не чувствуя ни вкуса, ни сытости. Встал, убрал тарелку в раковину. Тарелка звякнула о фаянс, и звук показался слишком громким в тишине.

Лиза сидела неподвижно. Сжимала вилку так, что побелели костяшки.

— Артур.

Он замер у раковины, не оборачиваясь.

— Ты помнишь его лицо? — спросила она.

Голос Лизы дрогнул на последнем слове.

— Джека, — сказала она. — Ты помнишь, как он выглядит?

— Конечно, помню.

— А я — нет.

Пауза. Тишина на кухне стала гуще, как вода.

— Пытаюсь — и не могу. Только глаза. Один зелёный, другой голубой. А всё остальное — пустое пятно. — Она провела пальцем по столу, оставляя след на засаленной поверхности. — Я вижу его — и не вижу. Как будто кто-то стёр лицо ластиком.

Артур хотел сказать, что это нормально. Что год прошёл. Что память стирает лица, если не видишь их каждый день. Что у них была другая жизнь — школа, дом, родители, сны. Но он не сказал. Потому что сам не мог вспомнить голос Джека. Ни интонации, ни смеха. Только молчание. Пустоту в том месте, где должен быть звук.

Он надел куртку — старую, с оторванной пуговицей на кармане. Вышел на крыльцо.

Утро было сырым. Асфальт блестел от росы, и трава на газоне казалась серебряной. Артур спустился по ступенькам — они скрипели под ногами, как старые кости. Подошёл к клёну.

Шарик висел на уровне его лица.

Бечёвка была мокрой, хотя дождя не было. Пальцы скользнули по ней — гладкая, прохладная, словно её вымочили в колодезной воде. Артур сорвал шарик, сжал в пальцах. Латекс лопнул с тихим треском, и воздух вышел резким, жарким выдохом.

Изнутри выпал жёлтый цирковой билет.

Артур поднял его с земли. Бумага была старой, истончившейся на сгибах, с загнутыми углами. Края пожелтели, словно билет пережил несколько десятков лет. На нём стояла цифра: 3. Напечатана чёрной краской, которая уже начала выцветать.

Он посмотрел вверх. Ветка, на которой висел шарик, была чистой — без следов бечёвки. Как будто ничего там и не было.

Артур сунул билет в карман куртки.

Лиза стояла на крыльце, сложив руки на груди.

— Что там? — спросила она.

Он покачал головой.

— Ничего. Пустой.

Она не поверила. Но не спросила снова.

Они пошли по улице. Шаги по мокрому асфальту — тихие, почти беззвучные. За ними — пустой дом, в котором мать стояла у окна и смотрела им вслед, прижимая к груди полотенце.

Подвал бабушки Дженни. Полдень.

Гараж на Третьей улице закрыли ещё в августе. Сосед, старый ветеран с тростью, пожаловался на «подозрительные сборища». Полиция приезжала дважды. Первый раз просто посмотрели, второй — велели освободить помещение. Артур тогда снял со стены карту и забрал конверты за пять ми-

нут до того, как патрульная машина подъехала к воротам.

Теперь они собирались в подвале у бабушки Дженни.

Старуха жила на Первой улице, в доме с покосившимся крыльцом. Ей было под восемьдесят, но глаза остались светлыми, почти прозрачными, как вода в роднике. Она не спрашивала, зачем им ключи. Просто протянула связку — железная, с ржавым кольцом — и ушла греметь кастрюлями наверху. Только сказала: «Закрывайте дверь плотно. Сквозняк варенье портит».

В подвале пахло углём, старой мебелью и чем-то сладковатым — наверное, вареньем из стеллажей. Вдоль стен стояли банки — вишнёвое, смородиновое, клубничное. На каждой — бумажная наклейка с годом: «1979», «1981», «1984». В углу — ржавая печка, похожая на уснувшего зверя. Посередине — складной стол, заваленный конвертами. Лампа на проводе свисала с потолка, раскачиваясь от сквозняка, и тени ползли по стенам.

Лиза сидела на перевёрнутом ящике, разбирая почту. Она делала это уже час. Большинство писем были короткими — по несколько строк. «Я видел», «Помогите», «У нас пропала девочка». Иногда — без обратного адреса, только город и дата. Она раскладывала их в три стопки: пустые — те, где были только слова без сути; подозрительные — те, что пахли ловушкой; важные — те, где просили помощи.

В важной стопке лежало три письма.

Артур вошёл через минуту после Лизы. Бросил на стол

жёлтый билет с цифрой 3. Тот упал на бумагу, и звук был сухим, как щелчок.

— Нашёл в шарике, — сказал он, садясь на ящик. — Не говорил по дороге. Думал.

Лиза взяла билет, повертела в пальцах. Потёрла край — краска не стёрлась.

— О чём думал?

— О том, что это значит. Тройка. Первая была у Эрика. Вторая — у Эмбер. Третья — у кого?

— Ни у кого, — Лиза положила билет обратно. — Мы не нашли тело Дерека. А Брайса он вернул. Может, цифры вообще не про убийства.

— А про что?

— Не знаю.

Артур сидел, упёршись локтями в колени. Ладонь лежала на колене — пальцы сжаты, ногти впились в джинсу. Он смотрел на билет, на карту, на конверты — и ни на чём не мог задержать взгляд.

— Покажешь матери? — спросил он.

— Нет.

Лиза не стала спрашивать почему. Просто кивнула. Она знала: мать не выдержит ещё одного жёлтого билета. После того как они рассказали про Эрика, София два месяца молчала. Просто ходила по дому, гладила бельё, ставила чайник — и молчала. Потом однажды ночью Артур услышал, как она плачет в ванной. Тихо, почти беззвучно — как вода, ко-

торая капает в раковину.

Лиза разбирала конверты дальше. Она уже сняла с них марки — складывала в коробку для коллекции, которую начала ещё в детстве. Потом открыла первый — из Чикаго.

Письмо было от Клэр.

Бумага синяя, в клетку, оторванная от тетради. Почерк мелкий, торопливый, с нажимом — некоторые буквы продавлены насквозь.

«Артур, Лиза. Привет из Чикаго. Я нашла ещё двоих выживших. Они видели то же, что и я. Они были в театре «Палас». Там не просто пустое здание — там что-то живёт. Стены помнят. Я боюсь идти туда одна. Но если вы поедете со мной — может, справимся. Напишите. Я жду. Клэр.»

Лиза прочитала вслух, не поднимая глаз. Артур слушал, постукивая пальцами по ящику.

— Чикаго потом, — сказал он. — Что ещё?

Второй конверт. Без обратного адреса. Штемпель Детройта — размазанный, грязный, с пятном от кофе. Внутри — газетная вырезка. Пожелтевшая, с обтрёпанными краями. Заметка из местной газеты: пропавший мальчик. Маркус Гейтс, семнадцать лет. Исчез две недели назад из дома на Девятой улице. Под вырезкой — карандашная строчка. Буквы были крупными, чуть дрожащими, как у человека, который писал на коленке:

«Я помню клоуна. Помогите.»

— Он жив, — сказала Лиза. — Раз написал.

— Или кто-то написал за него, — Артур поднял глаза. — Как тогда, в особняке. Мальчик в подвале.

Она помнила того мальчика. Серое лицо, просвечивающая кожа, как у восковой фигуры. Он сидел в углу и шевелил губами, но голоса не было. Он исчез, когда они ушли. Артур сказал — навсегда.

— Проверим, — Лиза отложила конверт. — Как с Клэр. Поедем, поговорим.

— Денег нет.

— Эмма копила всё лето. Хватит на автобус до Детройта и обратно. И на еду, если брать с собой бутерброды.

Артур помолчал. Пальцы застыли на ящике. Он смотрел на вырезку, на имя — Маркус. Семнадцать лет. Чуть старше него самого.

— Третий конверт, — сказал он. — Откуда?

Лиза взяла третий. Штемпель Нью-Йорка. Белый конверт — чистый, без пятен, без помятостей. Бумага плотная, дорогая. Внутри — лист, сложенный втрое. Она развернула его. Одна фраза. Посередине.

«Кинжал в цирке. Но не берите его без карты.»

— Что за карта? — спросил Артур.

— Понятия не имею. Может, Элиас прислал.

— Или ловушка.

Лиза отодвинула конверт на край стола. Тот съехал, задев банку с клеем. Клей подскочил, пошатнулся, и Лиза успела

придерживать его рукой.

— Когда едем в Детройт? — спросила она.

— Через две недели. Родителям скажем — конкурс рисунков. Я придумаю.

— Ты всегда придумываешь.

— Кто-то должен, — она дёрнула плечом, и в этом жесте была усталость старше её лет. — Если не я — кто.

Лиза посмотрела на билет с цифрой 3. Он лежал на столе, жёлтый, истончившийся на сгибах.

— Что с ним сделаем?

— Оставим здесь, — Артур встал. — Как напоминание.

Он подошёл к карте Брукфилда, которая висела на стене. Карта была старая — 1972 года, с выцветшими линиями улиц и пятнами от влаги. На ней уже были пришпилены два билета: с цифрой 1 и цифрой 2. Артур пришил третий рядом — булавка вошла в бумагу с сухим хрустом.

— Три, — сказал он. — Кто следующий?

Лиза не ответила. Она смотрела на конверт из Детройта. На имя — Маркус. Попыталась представить его лицо. Не получилось. Только мальчик с бритой головой и пустыми глазами — тот, которого она нарисовала.

Она взяла карандаш и принялась рисовать на чистом листе. Грифель оставлял резкие, почти злые линии. Угловатый подбородок. Тени под глазами. Рот — тонкая линия, сжатая в нитку.

— Что ты делаешь? — спросил Артур, не оборачиваясь

от карты.

— Портрет. Того, кого мы ещё не встретили.

— Зачем?

— Чтобы не забыть.

Лиза закончила. Под рисунком она вывела: «Маркус. Детройт. Помогите». Буквы получились крупными, нажимистыми.

— Теперь точно не забудем, — сказала она.

Артур перевёл взгляд с рисунка на карту. С карты — на билеты. Три жёлтых треугольника на выцветшей бумаге. Как три зарубки на дереве.

— Позвони Эмме. Скажи, завтра встречаемся. Все.

— Дженни тоже?

— Дженни тоже. Мы теперь одна сеть.

Лиза кивнула. Сложила конверты в рюкзак — сначала важные, потом подозрительные, потом пустые. Застегнула молнию. Звук был резким, как шов.

В подвале стало тихо. Только печка потрескивала — угли оседали, и металл звенел, остывая. Наверху бабушка Дженни передвигала что-то тяжёлое — наверное, кастрюлю или мешок с картошкой. Шаги были медленными, шаркающими.

— Артур.

Он стоял у карты, спиной к ней. Плечи напряжены.

— М?

— Ты помнишь, как мы нашли имя? Томас Кроули.

— Помню.

— А кто нам сказал про кладбище?

Артур замер. Ладонь застыла на карте, упираясь в линию железной дороги. Медленно обернулся.

— Мальчик, — сказал он. — Тот, в подвале.

— Как его звали?

— Он не назвался.

— А лицо ты помнишь?

Артур хотел сказать «да». Открыл рот — и осёкся. В голове было пусто. Только серое пятно, как пятно на обоях.

— Забыл, — выдохнул он. Горло сжалось.

— И я, — Лиза смотрела на свой рисунок, но говорила не с ним, а куда-то в стол. В деревянную столешницу, в царапины от ножа. — Я забыла его лицо. И голос. И как он выглядел. Только слова: «Имя вырезано на камне».

Она положила карандаш. Он покатился по столу — медленно, с сухим стуком — и остановился, упёршись в банку с клеем.

— Что, если мы начнём забывать не только лица, но и то, зачем мы здесь?

Артур не ответил. Он смотрел на три жёлтых билета, припиленных к карте. Они висели ровно, как три одинаковых листа на одном дереве.

— Тогда напомним мне, — сказал он наконец. — Я напомним тебе.

— А если оба забудем?

— Тогда некому будет помнить.

Лиза встала. Рюкзак заскользил по плечу, и она поправила лямку. Подошла к лестнице, остановилась.

— Пошли домой. Завтра рано вставать.

Они вышли из подвала. На крыльце стояла бабушка Дженни — маленькая, сгорбленная, в тёмном платке с бахромой. Она держала в руках кружку — глиняную, с трещиной на ободке. Посмотрела на Лизу, потом на Артура. Глаза у неё были светлые, почти прозрачные — как лёд на луже.

— Вы нашли то, что искали?

— Пока нет, — сказал Артур.

— Ищите дальше. Только не потеряйте себя.

Дверь закрылась. Щёлкнул замок — старый, с засохшей смазкой.

Лиза и Артур пошли по улице. Ветер срывал с деревьев жёлтые листья, швырял под ноги, гнал по асфальту — сухие, шуршащие. Лиза сунула руки в карманы куртки. Плечи ссутулены.

— Артур.

— М?

— Ты сорвал шарик. Что было внутри?

Он шагал, глядя прямо перед собой. Лицо было ровным, как камень.

— Ничего, — сказал он. — Пустой.

Лиза не поверила. Но не спросила снова. Просто пошла быстрее, и ветер трепал её хвост, выбивая пряди на лицо.

Вечер. Тот же день.

Артур вернулся в подвал через два часа.

Лиза осталась дома — помогать матери по хозяйству. Отец ушёл в мастерскую, сказав, что будет чинить крыльцо. Артур вышел, сославшись на то, что забыл у бабушки Дженни блокнот. Вышел — и не вернулся до вечера.

Он вошёл в подвал один. Плотно притворил за собой дверь, повернул ключ. Внутри было тихо — только печка потрескивала, и наверху, в кухне, радио играло старую песню.

Он сел за стол, вытащил из кармана билет с цифрой 3 и положил перед собой. Посмотрел на него. Потом на конверты. Потом на карту.

Телефона в подвале не было. Пришлось идти к автомату на углу — железной будке, изрисованной граффити. Он сунул монету — холодную, с зазубренным краем — и набрал чикагский номер. Тот, что Клэр оставила им летом. Нацарапанный на бумажке карандашом — цифры уже стёрлись по краям.

Длинные гудки. Один. Два. Пять. Артур прижал трубку к уху, слыша, как гудит ветер в проводах.

Щелчок.

— Алло. — Голос усталый, с хрипотцой. Женский. Чуть глуховатый.

— Клэр? Это Артур. Из Брукфилда.

Пауза. Он услышал, как она выдохнула — долго, как будто задерживала дыхание всё время, пока шли гудки.

— Ты вовремя. Я хотела вам писать, но...

— Что случилось?

— Мы нашли ещё одного. Парня, семнадцать лет. Он видел того же, что и я. В театре «Палас». — Голос Клэр ускорился, слова насккивали друг на друга, как камни в потоке. — Сначала молчал. Думал, я сумасшедшая. Но потом я ему показала фотографию — ту, что вы мне прислали. С клоуном. Он побелел. Сказал: «Это он». Тогда я всё-таки разговорила его. Говорит, там, в подвале, стены помнят. Имя какое-то. Не клоуна. Другое.

— Какое имя?

— Не сказал. Испугался. Сказал, если произнести вслух, то...

Клэр осёклась.

— То что? — Артур сжал трубку. Ладонь вспотела.

— Не знаю. Он не договорил. — Голос Клэр стал тише, почти шёпотом. — Потом встал и ушёл. Я не смогла его догнать.

Артур перевёл дыхание. Виски сдавило.

— Ты сама туда ходила?

— Нет. Боюсь, — сказала Клэр, и в голосе её была голая, неприкрытая правда. — Я уже теряла брата. Не хочу терять себя.

Цена опыта — мелькнуло у него в голове. Вслух он сказал другое:

— Что нам делать?

— Приезжайте. Вместе. Не вдвоём, а всеми. Я чувствую

— там не один Пожиратель. Или он не один.

— Мы не можем сейчас. У нас Детройт.

— Детройт подождёт, — в голосе Клэр появилась жёсткая нота — как струна, которую натянули до предела. — Театр «Палас» — не просто здание. Я навела справки. В пятидесятих там пропадали дети. Трое за один месяц. Полиция закрыла дело, а потом и сам театр закрыли навсегда. — Она перевела дыхание. — Знаешь, что мне сказал один старик из архива? Он сказал: «Там не люди пропадают. Там память забирают».

— И ты хочешь туда сунуться?

— Я хочу понять, что там, — сказала Клэр. — А вы единственные, кто не скажет, что я сумасшедшая. Вы видели то же, что и я. Или больше.

Артур посмотрел на билет с цифрой 3. Края бумаги уже начали загибаться от влажности.

— Мы подумаем. Я перезвоню через пару дней.

— Не тяните. — Клэр понизила голос до шёпота, почти беззвучного. — Я видела его. Не клоуна. Человека в сером пальто. Он ходит по улицам, заглядывает в окна. Мне кажется, он знает, что я на него вышла.

— Будь осторожна.

— Стараюсь.

Короткие гудки.

Артур постоял у автомата, слушая, как они гудят в пустоту. Гул был ровным, однотонным, как звук в пустом коридо-

ре. Потом повесил трубку, и она звякнула о металл.

Он вышел на улицу. Вечер был сырым — воздух пах мокрым асфальтом и прелыми листьями. Фонари уже горели жёлтым, и свет ложился на землю лужами. Он прошёл два квартала, завернул за угол, отпер дверь подвала.

Внутри — никого. Только конверты на столе и карта с припиленными билетами.

Сел. Достал блокнот — потёртый, с замятыми страницами. Нацарапал:

«Клэр. Чикаго. Театр "Палас". Человек в сером пальто. Не клоун. Трое пропавших в 50-х.»

Отложил ручку. Потер пальцами глаза — веки были сухими, горячими.

Лестница скрипнула. Бабушка Дженни спускалась в подвал с тарелкой пирожков. Они были горячими — пар поднимался от них, и пахло дрожжевым тестом и вишней.

— Ешь, — она поставила тарелку на стол. — Худой как щепка. Кожа да кости.

— Спасибо.

Она не ушла. Стояла, сложив руки на животе, и смотрела на карту. Свет лампы падал на её лицо, делая морщины глубже.

— Три билета, — сказала она. — Я помню, когда был первый. Мне тогда шестнадцать стукнуло. Убили мальчика с соседней улицы. Нашли только кроссовки и жёлтый билет с единицей. — Она покачала головой, и платок сдвинулся на-

бок. — Полиция сказала — сбежал. Но мать не верила. Она до сих пор ждёт, что он вернётся.

— Вы знали Эрика?

— Нет, — бабушка провела пальцем по столу, оставляя след. — Но я знала его мать. Она преподавала мне английский в школе. После того, как Эрик пропал, она уволилась. Переехала в другой город. Иногда я вижу её в магазине. Она покупает одну булку и уходит. Больше ничего не берёт.

Артур перевёл взгляд на билет с цифрой 3.

— А цифра три? Вы что-нибудь слышали?

Бабушка покачала головой. Складки на шее собрались гармошкой.

— После того как вы запечатали клоуна, я думала — всё. Конец. — Она посмотрела ему в глаза — и в этом взгляде было что-то древнее, тяжелое. — А вы снова собираетесь. Значит, не кончилось.

— Не кончилось.

Она кивнула — один раз, медленно. Развернулась к лестнице. На первой ступеньке задержалась, оперлась рукой о перила.

— Берегите Лизу. Она ещё ребёнок.

— Я берегу.

— Недостаточно, — бабушка не обернулась. — Вы все дети. Но она самая младшая. Самые младшие всегда страдают первыми.

Шаги вверх — скрипучие, тяжелые. Скрип двери. Звук

здвижки. Тишина.

Артур остался один.

Смотрел на карту, на три билета, на конверт из Детройта и письмо из Чикаго. Взял пирожок, откусил. Тесто было мягким, начинка — сладкой, но он не чувствовал вкуса. Жуёшь — и будто жуёшь бумагу. Только тепло от теста грело ладонь. Перечитал записи в блокноте, добавил внизу:

«Спросить у Элиаса про человека в сером пальто.»

Свернул блокнот, сунул в карман куртки. Ручка зацепилась за край ткани — он поправил её.

Завтра встреча с Максом, Дженни и Эммой. Придётся решать — Чикаго или Детройт сначала. А может, они уже опоздали и тот, кого нужно спасти, уже стал пустым.

Он поднялся. Запер подвал — ключ дважды повернулся в замке — и вернул его бабушке. Она стояла в коридоре, в темноте, без света.

— Приходите завтра, — сказала она. — Я напеку ещё. С капустой.

— Обязательно.

Он вышел на улицу. Ветер стих. Луна висела низко — жёлтая, круглая, как старый билет. Артур сунул руки в карманы и пошёл домой.

В кармане лежала красная нитка.

Она больше не была холодной.

Теперь она была тёплой — как чужая ладонь, которую не видишь, а чувствуешь. Пальцы сжали её — и на секунду Ар-

туру показалось, что кто-то сжал его руку в ответ.

Он остановился. Повернул голову.

Улица была пуста. Только фонари горели, и тени от них тянулись к его ногам.

Он пошёл дальше.

ГЛАВА 3.

1 октября 1986 года. Брукфилд. Дом Макса. Ночь.

Макс не спал. Он лежал на кровати, сжимая в кулаке край одеяла, и слушал тишину. Тишина была не пустой — она гудела, как струна, которую натянули до предела и вот-вот отпустят. За окном стояла темень — уличные фонари перегорели ещё в прошлом месяце, и никто не удосужился их заменить. Двор был чёрным, как колодец.

В коридоре скрипнула половица.

Макс замер. Сердце ударило рёбра — раз, другой. Он слышал, как кровь шумит в ушах, как воздух входит в лёгкие медленно, осторожно, чтобы не выдать себя.

Шаги. Медленные, тяжёлые. Половица скрипнула ещё раз — ближе. На ступеньку. На две. Макс сел, выдернул из-под подушки нож. Лезвие поймало лунный свет, и на стене зазглась узкая, дрожащая полоса.

— Кто там?

Шаги оборвались. Резко, как будто их отрубили. Тишина стала плотнее, тяжелее. Макс мысленно выругал себя — дурак. Если там кто-то настоящий, он теперь знает, что его ждут. Если там кто-то не настоящий — он тоже знает.

Макс встал. Пол под ногами был холодным, ноги босые. Он подошёл к двери, прижался ухом к дереву — шершавому, пахнущему старой краской.

Ничего. Только сердце колотилось в груди, как пойманная птица, и где-то внизу, в гостиной, тикали часы.

Он открыл дверь. Ручка была ледяной.

Коридор пуст. Тусклый свет из окна на лестнице падал на старые фотографии на стенах — чёрно-белые лица, застывшие улыбки. Тень от вешалки качалась, будто кто-то только что толкнул её и отошёл. Макс перевёл дыхание. Прошёл до лестницы, глянул вниз. В гостиной горел ночник — слабый жёлтый свет, он ложился на ковёр и диван, делая их мягкими, как звери.

— Мам?

Тишина. Только холодильник гудел на кухне — низко, монотонно.

Он вернулся в комнату, закрыл дверь, задвинул задвижку. Металлический язычок вошёл в паз с сухим щелчком. Нож положил на тумбочку — лезвие блеснуло и погасло. Лёг.

Сон не шёл. Макс смотрел в потолок и считал трещины. Тринадцать. Четырнадцать. Пятнадцать. Шестнадцать — трещина ветвилась, как река. И вдруг понял: за стеной кто-то дышит.

Его комната граничила с ванной — там никого не должно быть. Родители спали внизу. Дыхание было тихим, ровным — как у человека, который стоит неподвижно и просто дышит. Не его. Не мамино. Не папино.

Макс медленно повернул голову к стене. Обои в цветочек — мелкие бледные розы на сером фоне. Ничего. Только тень

от лампы ползла по стене, искажая рисунок.

Он закрыл глаза.

Дыхание приблизилось. Теперь оно звучало прямо над ухом — тёплое, влажное, с запахом гнили. Как будто кто-то стоял над ним и дышал, пока он лежал с закрытыми глазами. Макс вскочил, схватил нож, выставил перед собой. Лезвие дрожало в руке.

В комнате никого. Только на подушке — мокрое пятно. Тёмное, влажное, насквозь пропитавшее наволочку. Он потрогал пальцем — влага была тёплой, чуть маслянистой. Пахло железом.

До утра он не лёг. Сидел на кровати, сжав нож в руке, и смотрел на дверь. Глаза слипались, но он не давал себе закрыть их. Каждый раз, когда веки тяжелели, он встряхивал головой и сжимал рукоятку крепче.

Под утро, когда за окном начало сереть, он услышал шаги — на этот раз лёгкие, быстрые. Дверь скрипнула, и в комнату заглянула мать.

Она была в халате, волосы растрёпаны. Увидела его с ножом в руке и остановилась.

2 октября 1986 года. Брукфилд. Дом Макса. Утро.

— Ты чего не спишь? — спросила она. Голос был тихим, но в нём слышалась тревога — та, которую она пыталась спрятать.

Макс опустил руку, задвинул нож под одеяло. Лезвие скользнуло по простыне, и он почувствовал, как край кос-

нулся колена — холодный, как лёд.

— Забыл убрать, — сказал он. Голос сел, слова вышли хриплыми.

Мать опустилась на край кровати. Матрас прогнулся под её весом. От неё пахло стиральным порошком и кофе — запах был таким родным, что у Макса защемило в носу.

— Макс, что происходит? Ты сам не свой уже год. — Она взяла его за руку, перевернула ладонью вверх. На пальцах — обкусанная кожа, царапины, заусенцы. Он грыз пальцы, когда нервничал, и даже не замечал этого. Кожа на подушечках была красной, воспалённой.

— Всё нормально, мам.

— Не ври. — Она сжала его пальцы, и он почувствовал, как её ладонь дрожит. — Ты ходишь во сне? Отец говорит, слышал шаги ночью. Тяжёлые, медленные. Он думал, это я. Но это была не я.

Макс осёкся. Поздно. Он хотел сказать «это не я», но слова застряли в горле.

— Это не я, — сказал он наконец. Голос прозвучал глухо.

— А кто?

Он молчал. Мать посмотрела ему в глаза — долго, пристально. Не поверила — он видел это по тому, как дрогнули её губы. Но дальше расспрашивать не стала. Просто вздохнула — тяжело, как будто выдыхала весь воздух из лёгких.

— Сегодня после школы зайдёшь к психологу. Я записала. На три часа.

— Я не псих.

— Я знаю. Но тебе нужно с кем-то поговорить. Ты не говоришь с нами. — Она провела ладонью по его волосам — жёстко, как в детстве, когда он ушиб коленку — и встала. — Завтракать через десять минут.

Она вышла, закрыв за собой дверь. Макс остался один. Нож блестел на тумбочке — лезвие отражало утренний свет, и на стене появилась золотая полоса. Он спрятал его под подушку, натянул джинсы, футболку. Одежда пахла шкафом — старым деревом и нафталином.

Спустился вниз. На кухне отец пил кофе и листал газету. Газета была вчерашней — он всегда читал её на завтрак, перечитывая одни и те же заметки.

— Выспался? — спросил отец, не поднимая головы.

— Ага.

— Врёшь.

Макс сел за стол, взял бутерброд. Хлеб был сухим, сыр пресным — жевал и не чувствовал вкуса. Только текстура — крошки на языке, маслянистая плёнка.

Он смотрел в окно. На газоне, прямо под его окном, лежал красный шарик. Бечёвка была привязана к кусту — тонкая, белая, она чуть шевелилась на ветру.

— Пап, ты видел шарик?

— Какой шарик?

— Там, на газоне. Красный.

Отец поднял голову, глянул в окно. На его лице мелькнуло

раздражение — складка между бровей углубилась.

— Ничего там нет. Показалось.

Макс повернулся. Шарик исчез. Газон был пуст — только мокрая трава и жёлтые листья.

Он доел бутерброд. Вышел на крыльцо. Трава была мокрой от росы, и ступеньки скользили под ногами. Ни шарика, ни бечёвки. Только красная нитка, привязанная к перилам — тонкая, шершавая, завязанная бантиком. Она была холодной, как металл.

Макс сорвал её. Нитка оставила красный след на пальцах — не кровь, просто краска. Он сунул её в карман и пошёл в школу, не оглядываясь.

У входа ждали Артур и Лиза. Они стояли плечом к плечу, и ветер трепал их волосы. Артур держал руки в карманах, Лиза — прижимала к груди блокнот.

— Ты какой-то бледный, — сказал Артур.

— Не спал.

— Мы тоже. — Лиза вытащила из кармана красную нитку. Таковую же. — Сегодня ночью пришла. Я не завязывала.

Макс достал свою, показал. Нитка вилась на ладони, как змея.

— У меня тоже.

— Он не забыл про нас, — тихо сказал Артур. — Про Джека.

Макс хотел сказать, что уже начал забывать лицо Джека, — но промолчал. Он сунул нитку обратно и шагнул в дверь.

После уроков Макс не пошёл к психологу. Он пошёл в подвал бабушки Дженни. Там уже собрались все: Артур, Лиза, Дженни, Эмма. В подвале пахло углём, вареньем и сыростью. Лампа на проводе раскачивалась, и тени ползли по стенам.

— Опоздал, — сказала Эмма. Она не курила, хотя пальцы подрагивали, сжимая авторучку.

— Психолог.

— И как он? — спросила Дженни.

— Не пошёл.

— Правильно. — Эмма постучала ручкой по столу. — Они только таблетки пихают. От таблеток монстры не уходят.

Макс опустился на ящик. Дерево было холодным и шершавым. Он вытащил из кармана красную нитку и положил на стол. Она свернулась в кружок, как засохший червь.

— У всех есть?

Артур и Лиза кивнули. Дженни достала свою — тонкую, завязанную бантиком. Эмма молча выложила такую же. Пять красных ниток лежали на столе — пять одинаковых петель.

— Он нас не отпустил, — сказал Артур. — Кроули. Или что от него осталось.

— Или не он. — Лиза вертела нитку в пальцах. — Может, другой. Тот, про которого Клэр говорила. Человек в сером пальто.

— Или Пустота из Детройта, — добавила Эмма. — Она тоже оставляет следы. Маркус писал про нитки.

Макс посмотрел на свои руки. На пальцах царапины. Он не помнил, когда ободрал кожу. Только что она была целой, а теперь — красные полосы, как от ногтей.

— Что будем делать?

— Ехать в Детройт. — Артур обвёл всех взглядом. — Поговорить с Маркусом. Узнать, что он знает про нитки.

— А Чикаго? — тихо спросила Дженни.

— Потом. Сначала Детройт. Клэр подождёт.

Эмма прищурилась. Её глаза сузились, и в них мелькнула жёсткая искра.

— Она сказала, что человек в сером пальто ходит по улицам. Может, не стоит заставлять её ждать.

— Мы не можем разорваться. Нас пятеро. Городов — десятки. Придётся выбирать.

— Тогда давайте голосовать.

Голосовали. Четверо за Детройт. Эмма — одна за Чикаго. Она скрестила руки на груди, откинулась назад.

— Ладно. Детройт. Но если Клэр позвонит и скажет, что тот тип влез в её окно, — я поеду одна.

— Не поедешь. — Артур посмотрел на неё в упор. — Мы поедем все.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Эмма выдержала его взгляд. Потом кивнула — один раз,

коротко. Макс достал блокнот, записал: «Детройт. Маркус. Нитки. Пустота. Решение — ехать». Буквы вышли дрожащими. Он отложил ручку.

— Когда?

— Через три дня. Я позвоню Маркусу, договорюсь о встрече.

— А деньги? — спросила Дженни.

— Эмма копила. Хватит на автобус и на еду.

— А на обратную дорогу?

— Занять у родителей. Скажем — экскурсия.

— Они не поверят, — сказала Лиза.

— А мы и не просим верить. Просим дать денег.

Все замолчали. В подвале было холодно и сыро — воздух стоял в горле комком ваты. Печка потрескивала, угли оседали. Наверху бабушка Дженни тяжело ходила по комнатам — половицы поскрипывали в такт её шагам.

— Я домой, — Макс поднялся. Он чувствовал, как затекли ноги — от сидения на ящике.

— Проводить? — Артур привстал.

— Не надо. Я сам.

Он вышел на улицу. Темно. Фонари не горели. Только луна висела низко — жёлтая, круглая, как старый билет. Макс вытащил из кармана красную нитку, поднёс ближе к глазам — в лунном свете она казалась чёрной. Холодная. Сухая. Он сунул её обратно и пошёл.

В кармане лежал нож. Он шагал быстро, не оглядываясь,

но слышал шаги за спиной. Они не приближались и не отставали. Просто звучали — в том же ритме, что и его собственные, как эхо в пустом коридоре. Макс вытащил нож, сжал рукоятку, ускорил шаг. Шаги стихли, когда он вошёл в калитку.

Закрыв дверь, запер на замок, привалился спиной к стене. Дерево было холодным, и он чувствовал его через куртку. Нож дрожал в руке. Он спрятал его под подушку, лёг не раздеваясь и закрыл глаза.

В темноте под веками висел красный шарик. Он висел прямо над кроватью и покачивался — медленно, плавно, как маятник.

Макс открыл глаза.

Шарика не было. Только красная нитка лежала на подушке. Он не помнил, как достал её из кармана.

2 октября 1986 года. Брукфилд. Дом Волкеров. Вечер.

Артур вернулся домой затемно. Улицы были пустыми, только где-то вдалеке лаяла собака. Луна висела всё так же низко, и её свет ложился на асфальт белыми пятнами. Он зашёл в дом, снял ботинки. В прихожей пахло ужином — жареным луком и картошкой.

Лиза уже сидела на кухне. Перед ней был раскрыт блокнот — на страницах мелькали карандашные линии, лица, тени. Она рисовала быстро, почти не глядя на бумагу. Мать греме-

ла крышками у плиты, отец читал газету в гостиной — шорох страниц и скрип кресла доносились оттуда, как далёкий шум прибоя.

— Ну что, нагулялись? — спросила София, не оборачиваясь. Голос она держала ровно, слишком ровно — Артур расслышал это напряжение, которое появлялось, когда она хотела спросить о чём-то важном, но не решалась.

— Да, мам.

— А толку? Вы всё равно ничего не рассказываете.

Артур промолчал. Лиза подняла голову от блокнота и посмотрела на брата.

— Мы едем в Детройт. Через три дня.

София замерла. Её рука с половником застыла над сковородой. Медленно, словно в замедленной съёмке, она повернулась к детям. В гостиной перестали шуршать газетой — тишина стала густой, как масло.

— Зачем? — мать вытерла руки о фартук. Движение было механическим, как у человека, который пытается успокоиться.

— По школьному обмену, — влез Артур. — Конкурс рисунков. Лизу пригласили. Я с ней как сопровождающий.

— В Детройт? — Марк возник в дверях. Газета была свёрнута в трубку, и он сжимал её так, что побелели костяшки. — И Макс с вами?

— Да.

— И Дженни с Эммой?

Артур понял: отец уже обзвонил их родителей, или те сами набрали. Он попытался сочинить новую ложь, но Лиза опередила.

— Мы все едем. Это групповая поездка. Так положено.

Марк поджал губы. Он перевёл взгляд на жену. София опустила половник в раковину, вытерла руки о фартук — теперь уже медленно, будто тянула время — и села напротив детей. Стул скрипнул по линолеуму.

— Вы говорили с бабушкой Дженни. — Она не спрашивала, утверждала. — Я видела, как ты заходил к ней вчера, Артур. Зачем?

— Ключи от подвала брали. Удобное место для встреч.

— Врёте. — София произнесла это почти шёпотом. — Я не знаю, что вы ищете или от кого прячетесь, но я вижу, что вы сами себя не помните. Ты, — она посмотрела на Артура, — встаёшь по ночам, стоишь у окна. Ты, — взгляд на Лизу, — рисуешь лица, которых я не знаю. А сегодня Макс пришёл с ножом в кармане. Мне его мать звонила, вся в слезах.

Артур не нашёлся, что ответить. Лиза молчала, глядя в стол. Она провела пальцем по деревянной столешнице, и на ней остался тонкий след. Повисла тишина — только часы тикали на стене, громко, как метроном.

— Мы не хотим вас терять. — Марк шагнул вперёд, остановился за спиной Софии. Он говорил медленно, с трудом подбирая слова. — Вы — самое дорогое, что у нас есть. Если в Детройте опасно — не ездите. Мы не хотим потом искать

вас по больницам... или хуже.

— Пап...

— Выслушай. — Марк поднял ладонь. — Я не знаю, что случилось с Джеком. Никто не знает. Полиция закрыла дело. Но вы — вы что-то знаете. И вы туда, в тот особняк, ходили. Я нашёл в гараже карту с точками. Красными точками. Объясните мне.

Артур замер. Сказать правду? Что они запечатали древнюю сущность в облике клоуна, что Джек пожертвовал собой, что теперь просыпаются другие, что на карте — адреса монстров, что красные нитки приходят по ночам, что их преследуют? Мать рухнет в обморок, отец вызовет психиатров, и это будет конец. Но врать больше нечем.

— Мы едем в Детройт, потому что там один мальчик. — Артур заставил себя смотреть отцу в глаза. — Он видел то же, что и мы. Мы хотим помочь. И нам нужно съездить в Чикаго, потом в Нью-Йорк, потом в Лондон. Это не конкурс рисунков. Это... другое.

София закрыла лицо руками. Её плечи дрожали, но она не плакала — просто сидела, прижимая ладони к лицу. Марк положил ладонь ей на плечо, но взгляд не отводил от сына.

— Другое — это опасное?

— Да.

— Связанное с пропажами детей?

— Да.

— С клоуном?

Артур кивнул.

София подняла голову. Глаза красные, но сухие — только под веками блестела влага.

— Я не хочу, чтобы вы ехали. Но я чувствую, что не смогу вас остановить. — Она перевела дыхание, и её голос дрогнул. — Поэтому обещайте: будете звонить каждый день. И если что-то пойдёт не так — сразу вернётесь.

— Обещаем. — Голос Лизы прозвучал тихо, но твёрдо.

— И ещё. — Марк обвёл их обоих взглядом. — Мы не станем вас задерживать. Но знайте: если вы не вернётесь, я сяду в машину и поеду искать вас сам. И полицию подключу. И всех, кого смогу.

— Мы вернёмся. — Артур сказал это, глядя на обоих. — Все.

Мать встала, обняла его — сначала Артура, потом Лизу. От неё пахло кофе и усталостью — запах, который он помнил с детства. Отец молча кивнул и ушёл обратно в гостиную.

Позже, когда София и Марк легли спать, дверь комнаты Артура скрипнула. Лиза просунулась внутрь. В одной руке она держала карандаш, в другой — лист бумаги.

— Я нарисовала его. — Она положила лист на кровать. — Того, из Чикаго. Не Пожирателя. А того, кто будет нам мешать.

Артур поднёс рисунок к лампе. Парень примерно их возраста, холёное лицо, дорогая куртка, прилизанные волосы.

Он смотрел с бумаги надменно, чуть прищурившись. Внизу стояла подпись: «Кристиан».

— Откуда ты знаешь имя?

— Клэр прислала письмо сегодня вечером, пока тебя не было. Писала про какого-то Кристиана — сына владельца театра «Палас». Он всем мешает, считает себя главным. Клэр просит быть с ним осторожными, когда приедем.

Артур повертел рисунок в пальцах. Бумага была тёплой от руки Лизы.

— Красивое лицо. Таких он ищет.

— Кто?

— Маэстро. — Он вспомнил заметки Клэр. — Так его называют. Пожиратель из театра.

Лиза кивнула.

— Кристиан думает, что он неприкасаемый. А он просто будущий экспонат. — Она забрала рисунок, убрала в блокнот. — Доброй ночи.

— Доброй.

Лиза вышла. Артур остался один. Он посмотрел в окно — за стеклом снова висел красный шарик. Он покачивался на ветру, и бечёвка мерцала в свете луны. Артур не стал его снимать. Просто отвернулся и лёг.

Ему приснился театр. Пустые кресла, сцена в огне — языки пламени ползли по бархатному занавесу. На сцене стоял человек в шёлковом плаще, дирижирующий невидимым оркестром. В партере сидели фигуры с белыми лицами — без

глаз, без ртов — и хлопали. В такт.

3 октября 1986 года. Автобус Брукфилд — Детройт. Утро. Автобус тронулся в семь. В салоне пахло бензином, старыми сиденьями и чужим потом — запах въелся в обивку так, что не выветривался годами. Окна запотели сразу — снаружи было сыро, и холодный воздух оседал на стекле каплями. Артур сидел у прохода. Лиза — у окна, прижавшись виском к холодному стеклу. Через ряд — Макс и Дженни. Эмма устроилась в конце салона, закинув ноги на соседнее кресло. Она смотрела в потолок и жевала жвачку.

— Девять часов, — Артур глянул на часы. — Приедем к вечеру.

— Если не сломаемся. — Макс вцепился в подлокотники. На каждой кочке автобус шатался, как пьяный, и его руки сжимались сильнее.

— Ты боишься автобусов? — спросила Дженни.

— Нет. Я просто не люблю тряску.

Эмма хмыкнула с заднего ряда.

— Врёт. Он боится.

— Отвали.

Лиза раскрыла блокнот, начала рисовать. Карандаш оставлял на бумаге резкие, быстрые линии. Автобус выехал на трассу. Спальные районы остались позади, потом поля, потом лес — серый, голый, с редкими соснами, а за лесом

— бесконечные серые поля, утыканные редкими фермами. Где-то вдалеке дымила труба завода.

— Позвони Маркусу, — сказала Лиза, не поднимая головы от рисунка.

Артур вытащил из рюкзака клочок бумаги с телефоном. В автобусе автомата не было, но через час, на первой остановке, они заехали на заправку. Он вышел под ледяной ветер — тот резал лицо, забирался под куртку, заставлял ёжиться. Сунул монету в щель. Трубка была холодной, чужой.

Гудки. Один. Два. Три.

— Алло? — Голос хриплый, с кашлем, будто человек только проснулся или не спал вовсе. — Кто это?

— Маркус? Это Артур. Из Брукфилда. Мы едем к тебе.

Пауза. Он молчал так долго, что Артур уже решил — повесил трубку. Слышно было только дыхание — тяжёлое, прерывистое.

— Ты один?

— Нас пятеро.

— Приезжайте. Встретимся у фабрики. — Он назвал адрес, отрывисто, без единого лишнего слова. Голос дрогнул на последней букве. — Только без полиции. И без взрослых.

— Мы поняли.

Короткие гудки. Артур повесил трубку. Она звякнула о металл, и звук утонул в шуме проезжающих машин.

Он вернулся в автобус. Заправка пахла горелым кофе и дешёвым табаком. Эмма купила пачку печенья, раздала

всем. Печенье было сухим, крошилось в пальцах.

— Он странный? — спросил Макс, разламывая печенье пополам.

— Усталый, — сказал Артур. — Очень усталый.

Автобус поехал дальше. Лиза рисовала. Через час она задремала, уронив голову на рюкзак.

Ей приснился особняк. Она стояла у калитки и смотрела на окна. На втором этаже горел серый свет — не жёлтый, не белый, а именно серый, как пасмурный день, разлитый по небу. В окне стоял Джек. Он не смотрел на неё — он смотрел на стекло, на своё отражение. Потом поднял палец и начал рисовать на запотевшей поверхности. Линия. Ещё линия. Проступило лицо. Не клоуна. Мужчина с глубокими морщинами, с уставшими глазами — чёрными, как угли. Он смотрел прямо на неё, и от его взгляда по спине побежал холод.

Лиза проснулась. Автобус как раз проезжал мимо старой остановки. На покосившемся столбе висела красная нитка, завязанная бантиком — точь-в-точь как у них. Она трепетала на ветру, как тонкая струна. Лиза глянула на своё запястье — нитка была на месте, туго затянутая на коже. Она хотела сказать Артуру, но передумала. Сжала блокнот. Остановка исчезла за поворотом.

— Ты что? — Артур заметил, как она дёрнулась.

— Ничего. Сон. — Она взяла карандаш, заточенный почти в иголку, и нарисовала лицо. Получилось чётко — муж-

чина с глубокими морщинами, с чёрными глазами. Только глаза на бумаге вышли пустыми — как две чёрные дыры.

— Кто это?

— Не знаю. Но он был в особняке. В окне.

Артур взял рисунок, посмотрел, вернул. Убрал в блокнот.

Дженни проснулась через час. Она спала плохо — мерещилась лестница, уходящая вниз, в темноту, бесконечная, каменная. И женская рука с кольцом на пальце — чёрный камень, буква «Б» на печатке. Тонкая, бледная, с длинными ногтями. Голос шептал что-то, она не могла разобрать. Только одно слово: «ключ».

Дженни открыла глаза. Автобус трясся, за окном уже темнело. Пальцы дрожали. Она взяла ручку и на полях блокнота механически вывела контур кольца — чёрный круг, букву внутри. Буква вышла чёткой, как будто её кто-то водил её рукой.

— Что это? — спросил Артур, заглянув через плечо.

— Не знаю. Само получилось.

— Приснилось что-то? — Эмма перегнулась через проход.

— Ерунда.

— Не ври. — Эмма прищурилась. — Я вижу, как ты побледнела.

Дженни посмотрела на свои руки. Пальцы всё ещё дрожали — мелко, как в лихорадке.

— Мне снилось, что кто-то говорит: «кровь — ключ». И

кольцо. С буквой «Б». Я не знаю, что это значит.

Эмма нахмурилась.

— Может, Элиас? Он любит загадки.

— Не похоже. Голос был женский.

Замолчали. Дженни сжала ладони в кулаки, почувствовала пульс в пальцах. Провела ногтем по ладони — осталась красная полоса. Не больно. Только тепло.

Эмма отвернулась к окну. За стеклом тянулись поля — серые, бесконечные, с редкими деревьями, вышки ЛЭП. Где-то впереди был Детройт.

Макс не спал. Он смотрел на своё отражение в тёмном окне — бледное, с тёмными кругами под глазами — и считал минуты. С каждым часом его пальцы сжимались на подлокотнике сильнее.

Артур заснул под вечер, уронив голову на плечо Лизы. Ему приснилась серая стена. Он стоял перед ней и не мог сделать шаг. Стена была гладкой, влажной, как бетон в подвале. На ней была вырезана дата — «Октябрь 1986». Он провёл по ней пальцем, и буквы потекли, превратившись в красную нитку.

Автобус въехал в Детройт в половине седьмого. Город встретил их пустыми улицами — битые окна, горелые дома, запах заводов, густой и кисловатый, он лез в горло и оседал на языке. Света было мало — уличные фонари горели через один, и тени от них были длинными, рваными.

— Как в Брукфилде, только больше, — сказал Макс.

— Брукфилд хотя бы не воняет, — отозвалась Эмма.

Они вышли на автовокзал. Вокзал был старым, с облупившейся краской и мокрым полом. Лиза развернула карту, провела пальцем по маршруту до фабрики.

— Завтра утром. Сейчас ищем мотель.

Нашли дешёвый, сразу за вокзалом. Две комнаты — грязные простыни, запах сигарет, въевшийся в занавески. На подушках — серые пятна. Девушки в одну, парни в другую.

— Я не усну, — сказал Макс, плюхаясь на кровать. Матрас жалобно скрипнул.

— Уснёшь. — Артур стянул ботинки. — Вымотался же.

Он выключил свет. В темноте — только дыхание, далёкие гудки машин, редкий скрип половиц.

Макс не спал. Лежал и смотрел в потолок. Там была трещина, похожая на ту, что у него дома. Он считал её изгибы, и пальцы сжимали край одеяла.

Дженни тоже не спала. Она сидела на кровати, слушала, как дышит Эмма — ровно, глубоко. Потом вытащила из кармана складной нож — маленький, с потёртой рукояткой — и сделала надрез на ладони. Кровь выступила каплями — тёмными, густыми. Боли не было. Страх тоже. Только странное тепло, разливающееся по пальцам.

Она зажала руку платком и легла.

Утром, когда они вышли из мотеля, на пороге висел красный шарик. Он качался на ветру, и бечёвка была привязана к дверной ручке. Артур протянул руку — шарик лопнул

сам, с громким хлопком, как выстрел. Изнутри высыпалась горстка серого пепла. Запахло горелым деревом и сладковатой гнилью — он ударил в нос, и Дженни закашлялась.

Артур потрогал пепел пальцем — он был холодным, как зола в давно потухшем костре. И вдруг вспыхнула синяя искра — мгновенная, острая. Пепел рассыпался, оставив на его коже тонкую полосу саж, похожую на шрам.

Он вытер руку о джинсы. Ничего не сказал остальным. Только сжал челюсти так, что на скулах выступили желваки.
— Пошли, — сказал он. — Нас ждут.

Они зашагали по пустой улице Детройта. Ветер гнал перед ними сухие листья, и где-то вдалеке — или совсем рядом — слышался смех. Тонкий, детский, слишком громкий для этого серого утра.

ГЛАВА 4.

4 октября 1986 года. Детройт. Утро.

Из мотеля они вышли ровно в девять. Воздух в Детройте оказался тяжёлым, сырым, стойко пахнувшим гарью — то ли от далёких заводских труб, то ли от самого асфальта, который годами впитывал машинное масло и выхлопные газы. Холод пробирал до костей, и Макс сразу засунул руки в карманы куртки, нащупав пальцами знакомую складную рукоятку ножа. Он пошёл чуть впереди, оглядывая пустые улицы с прищуром. За ним шагал Артур, то и дело поглядывая на клочок бумаги с адресом от Маркуса, который он вытащил из кармана и снова спрятал.

— Кафе «У Джима», — глухо произнёс Артур. — Тут близко, квартала четыре.

Они пошли по щербатому тротуару. Вокруг тянулись низкие кирпичные коробки домов с серыми, заколоченными досками витринами. Стены были разрисованы местными: где-то скалились наспех малёванные черепа, где-то чернели незнакомые имена и лозунги. Макс зацепился взглядом за свежую надпись ярко-красной краской на глухом заборе: «Свободен? Нет». Он притормозил на секунду, разглядывая рваные подтёки, но тут же нагнал остальных.

— Этот город похож на тяжелобольного, — Лиза передёрнула плечами от сырости и поглубже зарылась подбородком

в воротник. — Который просто не хочет лечиться.

— Скорее, уже не может, — тихо отозвалась Эмма.

Они дошли до перекрёстка. Старый светофор над головой не работал — только уныло мигал жёлтым глазом. Машины проносились мимо на полной скорости, обдавая их вонючим газом; водители даже не смотрели по сторонам, будто спешили убраться отсюда поскорее. Макс вспомнил их родной Брукфилд: там на каждом перекрёстке притормаживали из вежливости, даже если улица была пустой. Здесь же всё было пропитано какой-то злой, нервной спешкой напополам с дикой усталостью.

Прямо через дорогу, у входа в закрытую закусочную, тёрлась местная компания — парня четыре и пара девчонок. Подростки, примерно их возраста. Парни красовались в потрёпанных кожаных куртках, девчонки были густо, по-боевому накрашены. Один из них — с разорванным рукавом и высоко выбритыми висками — заметил их группу и вскинул подбородок.

— Эй, туристы! — крикнул он, кривя рот в глумливой ухмылке. — Чего забыли? Тут смотреть не на что. Валите отсюда.

Эмма резко затормозила и уставилась на него в упор, не мигая.

— Мы не туристы.

— А кто тогда? — парень хмыкнул и шумно сплюнул под ноги на потрескавшийся асфальт. — Фараоны, что ли? За

детективщиков сойти решили?

— Слышь, рот закрой, — Макс шагнул вперёд, но Артур тут же жёстко перехватил его за плечо, удерживая на месте.

— Мы просто идём в кафе, — спокойно, без лишнего наезда сказал Артур, глядя прямо на бритого. — Нам проблемы не нужны.

Местный окинул их оценивающим взглядом. Глаза его прошлись по парням, задержались на Дженни, потом скользнули по Лизе. Он шумно выдохнул через нос.

— Ладно, шагайте. Только потом не нойте, если что. Предупредили же. Энтузиасты хреновы.

Он потерял к ним интерес и отвернулся к своим. Группа быстро пошла дальше. Макс кожей чувствовал, как им в спину летят эти тяжёлые, недобрые взгляды, но, к счастью, никто не двинулся следом.

— Ну и дыра гнилая, — процедил Макс через зубы, когда они отошли подальше.

— Не гнилая она, — Дженни покачала головой, глядя себе под ноги. — Раздавленная просто. Тут чужакам никто не рад, потому что от чужих обычно одни неприятности.

— Или они сами эти неприятности и приносят, — добавила Эмма.

Разговор заглох. Макс на ходу вытащил из заднего кармана помятый блокнот, огрызком карандаша быстро набросал: «Детройт — город без лица. Все злые, потому что боятся. Или боятся, потому что злые. Хрен разберёшь». Чиркнул па-

ру раз и запихал книжку обратно.

Улицы стали шире, но чище от этого не сделалось — под стенами валялся какой-то мелкий мусор и клочья старых газет. Кое-где на кирпичах виднелись совсем свежие рисунки, сделанные хорошей, дорогой краской. Лиза замерла у одного из граффити. На серой стене была выведена крупная белая маска с абсолютно пустыми, чёрными глазницами. Чуть ниже красовалась аккуратная надпись: «Ты следующий».

— Угрожают кому-то? — Артур подошёл ближе, разглядывая чёткие контуры.

— Может, предупреждают, — тихо сказала Лиза.

— Да ладно вам, обычное малево, — Макс сунул руки обратно в карманы. — У нас в Брукфилде такого, конечно, не увидишь.

— В Брукфилде все друг друга в лицо знают, — Эмма обернулась на рисунок. — Там прятаться не за чем. А здесь каждый сам за себя. Вот и малюют, чтобы хоть как-то заявить о себе.

— О ком «о себе»? — спросила Дженни.

— О тех, кто ещё пытается выжить. Ну, или о тех, кто уже сломался.

Они миновали старую заброшенную бензоколонку. Вывеска «Бензин» едва держалась на ржавых креплениях, буквы совсем выцвели от дождей. Через разбитую витрину внутри угадывался пустой зал и покосившийся стеллаж, где сиротливо пылились пара жестяных банок. На бетонном поро-

ге, свернувшись калачиком, спал человек в грязном, засаленном пальто. Эмма на ходу звякнула мелочью, бросив пару монет в его сторону, но бродяга даже ухом не повёл.

— Сонные все какие-то, — буркнул Макс, передёрнув плечами. — Идут и спят на ходу.

— Больше похоже, что они вымерли, — отозвалась Лиза.

— Хватит жути нагонять, — оборвал её Артур. — Нормальный город. Живой. Просто дышит тяжело.

Они свернули в очередной переулок и наконец увидели покосившуюся вывеску «У Джима». Первая неоновая буква «Д» давно перегорела, а остальные три тускло и прерывисто мигали, издавая тихое трещание. Само кафе выглядело крошечным и изрядно обшарпанным, окна покрылись слоем серой пыли. Артур вскинул руку, проверяя часы.

— Точно в срок. Он уже должен быть внутри.

— Ну, погнажи, — Макс сделал шаг к двери и уже потянулся к облезлой ручке.

— Стой, подожди, — Дженни резко ухватила его за рукав. Она медленно развернулась, всматриваясь в серую мглу улицы. — Я чувствую... Не знаю, как объяснить. Будто на нас смотрят. Очень знакомое ощущение.

Далеко позади, на той стороне дороги, у фонарного столба замер человек в длинной серой куртке. Воротник был поднят так, что лица почти не разглядеть. Он не шевелился — просто стоял каменным изваянием и ровно, без отрыва смотрел в их сторону. Лиза ткнула пальцем:

— Видите его?

— Да, — Артур прищурился. — Не пяльтесь на него. Идём.

— Думаешь, это он? — Макс мгновенно подобрался, пальцы в кармане сжали нож. — Пожиратель?

— Пожиратели посреди улицы так не светятся, — отрезала Эмма, хотя голос её едва заметно дрогнул. — Они по углам сидят. Ждут момента. А этот... просто ротозей какой-то. Или местный сумасшедший.

Человек у столба словно услышал их: медленно повернулся и неспешным шагом пошёл вглубь квартала. Все разом выдохнули, будто сбросили с плеч тяжесть.

— Всё, заходим, — скомандовал Артур.

Над дверью коротко и звонко звякнул жестяной колокольчик. В нос тут же ударил плотный, едкий запах пережаренного лука, старого фритюра и дешёвого табачного дыма. Внутри было тепло, но как-то неуютно. Артур быстро окинул взглядом полутёмный зал: почти все столики пустовали, за стойкой скучал хмурый бармен с размытой синей татуировкой дракона на предплечье.

А в самом дальнем углу, прямо у окна с тяжёлой железной решёткой, сидел парень в потёртой армейской куртке. Он был наголо брит, а плечи казались слишком опущенными, будто на них давил невидимый груз.

— Маркус? — негромко позвал Артур, делая шаг вглубь зала.

Парень медленно поднял голову.

4 октября 1986 года. Детройт. Кафе «У Джима». Утро.

Маркус устроился в самом углу, поближе к окну, забранному толстой железной решёткой. Перед ним сиротливо стояла кружка с налитым до краёв кофе — к нему никто даже не прикоснулся, и на поверхности уже натянула серая холодная плёнка. Парень был абсолютно бритоголовым, в поношенной армейской куртке, а его плечи были так безнадёжно опущены, словно на них давила невидимая бетонная плита. Когда они подошли к столу, он медленно поднял голову. Глаза у него были пустые. В них не читалось ни злости, ни страха — просто глухое безразличие человека, который уже очень давно ни на что не надеется.

— Всё-таки приехали, — хрипло, едва ворочая языком, выдавил он. — А я думал, сольётесь.

— Мы же обещали, — Лиза первая отодвинула стул и села прямо напротив него.

Маркус коротко, совершенно без тепла усмехнулся углом рта:

— У нас в Детройте никто не держит обещаний. Даже перед самим собой.

Они кое-как расселись вокруг колченогого стола. Артур сделал знак бармену, заказав на всех горячий кофе и сэндвичи. Пока ждали, Маркус неподвижно смотрел мимо них

— куда-то на стену, где висела старая, сорванная по краям концертная афиша. Когда бармен принёс тарелки, он даже не повернул головы в сторону еды.

— Ты чего не ешь? — Эмма кивнула на сэндвич.

— Вкус пропал, — глухо отозвался Маркус, по-прежнему не меняя позы. — После того дня. Жуёшь всё как картон.

— Расскажи толком, что тогда случилось, — попросил Артур, подаваясь вперёд и кладя локти на стол.

Маркус тяжело откинулся на затёртую спинку стула. Заговорил он медленно, делая долгие паузы и уставившись в облупившийся потолок:

— Три месяца назад это было. Мы с пацанами на слабо поспорили. Кто дольше продержится в заброшенном цехе на Форд-Парк. Ну, я и пошёл первый. Шагнул внутрь — а там пустота, ржавые станки валяются и тишина такая, аж в ушах звенит. А потом вдруг воздух вокруг стал горячим. Будто настезь печь открыли. И всё, темнота. Очнулся уже на улице, кварталах в трёх оттуда. Оказалось, три дня прошло.

— Прямо три дня? — переспросила Лиза, округлив глаза.

— Ну да, три. Что я делал всё это время — хоть убей, не помню. Мать потом рассказывала, что я сам пришёл домой, но ходил как зомби. Еду не трогал, ни с кем не разговаривал, просто в одну точку пялился. Потом вроде в себя пришёл. Только провалы эти никуда не делись. Я теперь то, что вчера было, вспомнить не могу. Иногда туплю и не могу своё имя вспомнить.

Он резко замолчал и так сильно сжал пальцами остывшую кружку, что ногти побелели.

— И как она выглядит? — тихо спросила Дженни.

— Пустота-то? — Маркус медленно покачал головой. — Да никак. Как обычный воздух. Только горячий очень. Она ведь даже не прячется ни от кого — она просто везде вокруг. Её никто не замечает, пока глубоко не вдохнёт. А как вдохнёшь — всё, приехали. Она уже у тебя внутри сидит.

— Ты писал в письме, что она стирает память, — напомнил Артур.

— Ну да, крадёт, — кивнул Маркус, и в его голосе прорезалась глухая тоска. — Или выпивает, хрен её знает. Только после этой фабрики у меня в голове вообще никаких картинок не осталось. Лица матери с отцом теперь расплываются, как в тумане. Друзей, с которыми в цех ходил, вообще не помню. Помню только то, что было совсем в детстве, до фабрики этой. А дальше — сплошная чёрная дыра.

Дженни вдруг вздрогнула. Тонкая нитка, повязанная у неё на запястье, начала наливаться теплом. Сперва едва заметно, но с каждой секундой всё сильнее, пока кожа не начала гореть. Она испуганно перевела взгляд на Маркуса. Тот наклонился над столом, чтобы поднять выскользнувшую из пальцев спичку, и плотный воротник его армейской куртки слегка съехал в сторону. На его шее, прямо вокруг горла, явно чернела точно такая же тонкая красная нить, аккуратно завязанная маленьким бантиком.

— У тебя на шее... — выдохнула Лиза, указывая пальцем.

Маркус дёрнулся и поспешно, судорожным движением натянул воротник обратно до самого подбородка:

— Она сама вылезла. Сразу после того раза. Я её и так и эдак пытался срезать — бесполезно. Нож тупится, как об камень, будто она прямо в кожу вросла.

— У нас у всех такая же чертовщина, — Артур закатал рукав куртки, демонстрируя своё запястье с красной меткой.

Маркус долго, не отрываясь, разглядывал его руку, а потом медленно перевёл тяжёлый взгляд на Дженни:

— Так ты тоже это чувствуешь? Ну, когда рядом кто-то из наших, с меткой?

Дженни молча кивнула, прижимая горящее запястье к груди:

— Да. Нитка греться начинает.

— Вот и у меня так же, — Маркус поскрёб бритое темя.
— Я сначала думал, что с ума схожу и у меня приходы начались. А потом допёрло — эта дрянь так связывает тех, кого пометила.

— В смысле — связывает? — нахмурилась Эмма.

— Ну, мы теперь вроде как звенья одной цепи для неё. Она может через одного пройти, чтобы достать другого. Или мы сами её к себе притягиваем, как магнитом.

Он снова замолчал, уставившись в стол. Артур в два глотка допил свой остывший кофе и посерьёзнел:

— Ты знаешь, как эту тварь остановить? Ну, хоть какой-то

способ есть?

Маркус молча залез в глубокий карман куртки, вытащил оттуда массивный старый ключ и с негромким стуком положил его на деревянную столешницу:

— Это от бокового входа в цех. Днём там темень сплошная, но эта пакость как раз в это время самая дикая. Я всегда чувствую, когда она близко бродит: нитка на шее начинает аж жечь. А ещё... — он испуганно оглянулся на бармена и понизил голос до шёпота. — Я как-то ночью попробовал с ней поговорить, когда в комнате совсем тихо было. Спросил прямо в темноту: «Чего тебе надо от меня?» И мне показалось, она ответила. Не голосом, нет. Будто кто-то горячий прямо в ухо выдохнул: «Воспоминания. Давай свежие».

— То есть с ней можно как-то договориться? Скормить ей что-то? — быстро спросила Эмма.

— Может и можно, — Маркус пожал плечами. — Только кто в здравом уме согласится добровольно отдавать куски своей памяти?

За столом повисла тяжёлая, гнетущая тишина. Дженни до боли сжала пальцами край деревянного стола, шумно вздохнула и тихо, но твёрдо произнесла:

— Я попробую.

— Чего? — Артур резко развернулся к ней всем корпусом.

— Я попробую, — повторила она, глядя ему прямо в глаза. — Моя кровь... с ней что-то не так, вы же сами знаете.

Я чувствую, что смогу выманить эту дрянь на себя. Отвлеку её, пока вы будете делать то, что нужно.

— Ты совсем спятила? — Макс аж привстал со стула от возмущения.

— Может и так, — Дженни даже не посмотрела на него, её взгляд был прикован к Маркусу. — Ты пойдёшь с нами и покажешь дорогу?

Парень испуганно отшатнулся и торопливо сгрёб ключ со стола обратно в карман, качая головой:

— Нет. Я там уже был и больше туда ни за какие коврижки не сунусь. Но если у вас реально выйдет её прижать... дайте знать. Может, я тогда хоть вспомню, как меня зовут.

Он начал подниматься из-за стола, но Артур жёстко перехватил его за запястье:

— Маркус. Адрес. И ключ оставь.

Маркус замер, криво усмехнулся и всё-таки вытащил тяжёлую железяку, уронив её на стол. Быстро, без запинки назвал улицу и номер нужного корпуса.

— Идите прямо сейчас, пока солнце высоко. И под ноги смотрите, следов не оставляйте. Эта тварь помнит абсолютно всё.

Он развернулся и быстро зашагал к выходу. Но уже у самой двери, взявшись за ручку, на секунду замер и обернулся через плечо:

— Вы же из Брукфилда приехали? У вас там, говорят, старый особняк с призраками стоит, все дела. У нас в Детройте

про эту фабрику тоже куча бак ходит. Говорили, там рабочие пачками пропадать начали, а начальство всё на несчастные случаи списывало. А потом в одном из дальних подвалов нашли тело. Совершенно без лица.

— Как это — без лица? — нахмурилась Лиза.

— Да вот так. Ровное место, как у куклы пластмассовой. Гладкое, как яйцо, — Маркуса заметно передёрнуло от собственных слов, и он поглубже вжал голову в плечи. — Я думал, треплются местные от скуки. Пока сам туда не залез.

Дверь захлопнулась, колокольчик над головой уныло звякнул, возвещая о его уходе. За столом снова стало тихо.

— Без лица... — негромко повторил Макс, разглядывая свои ладони. — Точно так же, как у тех, кого эта Пустота затягивает.

— Или это то, что от людей остаётся, когда она из них всё живое выпивает, — тихо добавила Эмма.

Артур протянул руку, взял со стола холодный ключ и взвесил его на ладони. Железяка была старой, с длинной узорчатой бородкой и пахла ржавчиной.

— Ладно, пошли, — Артур поднялся, пряча ключ в карман. — Фабрика сама себя не закроет.

Они вышли на улицу, где снова пахло сыростью и бензиновой гарью. Лиза на ходу вытащила альбом и принялась быстро набрасывать карандашом портрет Маркуса: резкий, выступающий кадык, эти страшные пустые глаза и чёткая жирная линия на шее. Она достала красный карандаш и с

нажимом обвела то место, где пряталась нитка.

— Он вообще не верит, что у нас что-то выйдет, — заметила она, не прерывая рисования.

— Ему просто слишком паршиво, чтобы верить, — отозвалась Дженни, кутаясь в куртку. — Если он сейчас поверит, а мы облажаемся, он просто с катушек съедет от отчаяния.

— А у нас точно выйдет? — Макс хмуро посмотрел на Артура.

— Разберёмся на месте, — отрезал тот. — Других вариантов всё равно нет.

Они зашагали по широкой, совершенно пустынной улице в сторону промышленной зоны. Солнце уже поднялось над крышами, но свет из-за плотного марева оставался каким-то серым и не грел. Где-то на окраине надрывно, хрипло лаяла брошенная собака. Детройт вокруг них глухо шумел, напоминая тяжелобольного, который никак не может решить — стоит ему вообще просыпаться или уже нет.

4 октября 1986 года. Детройт. Публичная библиотека. День.

Перед тем как соваться на заброшенную фабрику, Артур настоял на том, чтобы завернуть в библиотеку.

— Маркус этот знатно нагнал жути про тело без лица, — Артур поправил лямку рюкзака. — Надо проверить ста-

рые подшивки. В местных газетах точно должно было что-то всплыть.

— И про пожары посмотри, — на ходу бросил Макс. — Парень же ясно сказал: лавочку прикрыли сразу после того, как труп откопали.

Лиза прямо на ходу развернула карту города, ведя пальцем по сетке дорог. Ближайшая библиотека нашлась на Гранд-Ривер — всего три квартала от кофейни Джима. Здание выросло перед ними внезапно: мрачная, массивная машина из серого, потемневшего от времени камня, со стрельчатыми готическими окнами и неподъёмными дубовыми дверями. У входа, на гранитных постаментах, замерли две каменные львицы. Время их знатно потрепало — у одной была напрочь сбита морда и отсутствовал нос, а у другой не хватало передней лапы.

— Мрачно как. На собор похоже, — Эмма поёжилась, разглядывая серый фасад.

— Скорее на склеп, — угрюмо отозвался Макс, толкая тяжёлую створку.

Внутри пахло старой бумагой, сухим воском, подвальной сыростью и многолетней пылью. Потолки уходили куда-то высоко в темноту, массивные мраморные колонны держали своды, а в глубине зала раскинулась широкая лестница на второй этаж. Людей внутри почти не было. Какая-то тишина, аж уши закладывало. Только в самом углу шуршал страницами дед в поношенном пиджаке, да у стойки регистрации

тихонько хныкал ребёнок, пока его мать заполняла карточку.

Лиза уверенно зашагала к стойке, за которой сидела пожилая женщина в очках с нереально толстыми линзами. На лацкане её кофты поблескивал пластиковый бейдж: «Миссис Донован».

— Здравствуйте, — Лиза вежливо улыбнулась. — Нам бы старые газетные подшивки посмотреть. Интересует всё, что связано с фабрикой «Форд-Парк».

Библиотекарша медленно оторвала взгляд от каких-то бланков и опустила очки на кончик носа. Взгляд у неё был строгий, недоверчивый — сразу видно, привыкла, что от подростков в этих стенах один шум да проблемы.

— И зачем вам это понадобилось?

— Школьный проект делаем, — без запинки соврала Лиза. — История промышленности Детройта, золотой век и всё такое.

Миссис Донован медленно перевела взгляд с Лизы на Артура, задержалась на хмуром Максе, а потом внимательно осмотрела Дженни и Эмму. Что-то в её суровом лице дрогнуло — то ли просто устала придирааться, то ли вспомнила свои школьные годы.

— «Форд-Парк», значит... — тихо, с какой-то неохотой повторила она. — Паршивое это место. Вы, к слову, не первые, кто про него вынюхивает. Вот только те, кто в прошлый раз туда ушёл, обратно уже не вернулись.

— Да мы чисто почитать, — Артур шагнул чуть вперёд,

стараясь говорить как можно спокойнее. — Нам только бу-
мажки. Лезть мы никуда не собираемся.

Женщина тяжело вздохнула, со скрипом отодвинула стул и жестом велела следовать за ней. Она провела их в даль-
нее крыло, в тесную комнату без окон, где хранились микро-
фильмы. Там душно пахло нагретой пластмассой от старых
проекторов и какой-то кислой химией. На стенах висели по-
желтевшие фотографии старого Детройта: дымящие трубы,
бесконечные конвейеры и шеренги рабочих в касках.

— Вот здесь подшивки за двадцатые и тридцатые годы,
— она указала рукой на глухой деревянный шкаф. — Что
конкретно ищете?

— ЧП всякие, несчастные случаи на производстве. Ну и
про пожар, из-за которого всё закрыли.

Библиотекарша молча кивнула, вытащила пару тяжёлых
коробок с катушками и коротко объяснила, как крутить руч-
ку аппарата для чтения. Уже на пороге она обернулась и
строго добавила:

— Только давайте порезвее. В пять часов я закрываю зал
и запираю двери.

Как только она ушла, Артур со щелчком включил проек-
тор. Аппарат негромко загудел, пустив луч света на матовый
экран. Работали в полной тишине, сменяя один кадр за дру-
гим. Мелькали старые выпуски «Детройт Фри Пресс», «Дет-
ройт Ньюс» и совсем мелкие городские листки, которые вы-
ходили раз в неделю.

Первые полчаса — сплошная пустышка. Объявления о продаже подержанных авто, результаты бейсбольных матчей, мелкие кражи. Но вдруг Лиза резко крутанула ролик назад:

— Стой. Кажется, есть.

На экране загорелся текст короткой заметки:

«Октябрь 1924 года. Загадочное происшествие на заводе Форд-Парк. Разнорабочий Уильям Харпер заступил на смену в цех № 4 и бесследно исчез. На следующий день мужчину обнаружили бродящим по улице в двух кварталах от территории фабрики. Харпер полностью потерял дар речи, не узнавал прибывшую на место жену и собственных детей. Врачи местной больницы диагностировали тяжёлое нервное потрясение. Спустя месяц мужчина скончался от истощения, так и не придя в сознание».

— Один в один как наш Маркус, — Макс аж пальцами по столу забарабанил от напряжения.

— Ну, как сказать «повезло», — тихо вставила Эмма. — Он пока просто живой.

Они крутили плёнку дальше. 1926 год — похожая новость. Снова рабочий, снова тот же злополучный четвёртый цех. И снова внезапная амнезия, закончившаяся смертью в лечебнице. Через год история повторилась. В газетах писали, что цех начал стремительно пустеть — люди наотрез отказывались выходить туда в смену. Но руководство завода упорно заминало дела, списывая всё на банальную невнима-

тельность и проблемы с головой у самих пострадавших.

— Плевать им было на людей, — Дженни со злостью сжала кулаки. — Главное, чтобы план выполнялся.

— Бизнес, ничего личного, — угрюмо буркнул Макс.

А вот в 1932 году случилось то, что уже не получилось спрятать на последних полосах. Лиза приблизила текст и прочитала вслух, чеканя слова:

— «Жуткая находка на "Форд-Парк". В помещении четвёртого цеха обнаружено тело неизвестного. У погибшего полностью отсутствует лицо — кожа на голове абсолютно гладкая, без каких-либо признаков глаз, носа или рта. Органы правопорядка зашли в тупик, установить личность не представляется возможным. Среди рабочих назревает бунт, место открыто называют проклятым. Руководство приняло решение о закрытии фабрики на неопределённый срок».

— Значит, парень не врал про лицо, — Макс шумно сглотнул.

— Зато руководство врало вовсю, — Эмма ткнула пальцем в самый низ страницы. — Смотрите, тут мелким шрифтом приписка: "По неофициальным источникам, это уже пятый подобный случай за последние восемь лет. Администрация от комментариев отказывается"».

Дженни отошла к шкафу, вытащила одну из реальных пожелтевших газет того времени и аккуратно развернула её на столе. На развороте красовался снимок того самого цеха: ряды громадных станков, голые кирпичные стены и глу-

бокие, неестественно чёрные тени по углам. Рядом — маленькая, совсем размытая фотография с лаконичной подписью: «Место происшествия». На ней угадывались очертания медицинских носилок, на которых лежало что-то, накрытое плотной простыней. Контуров лица под тканью действительно не угадывалось — сплошная ровная пустота.

— Они что, реально это напечатали? — Лиза брезгливо поморщилась.

— Фотографировать-то сфотографировали, но под тканью всё спрятали, — Артур пригляделся к кадру. — Побоялись панику поднимать.

Дженни перевернула хрустящую страницу. Дальше шла совсем короткая заметка о том, что территорию выкупила какая-то другая контора, вывеску сменили, но четвёртый цех так и остался заколоченным. Потом началась война, и про завод окончательно забыли, оставив его гнить.

— Ну вот и всё, — Артур выключил проектор, комната погрузилась в полумрак. — Больше тут ловить нечего.

Ребята потянулись к выходу, но Лиза на секунду задержалась у стола, где лежала отдельная картонная папка. Видимо, её отложили для какой-то местной выставки — там были собраны старые архивные фотографии рабочих. Коллективные снимки у проходной, портреты передовиков, начальники смен.

— Эй, гляньте-ка сюда, — позвала она ребят.

Дженни вернулась первой. Лиза указывала на старую кар-

точку: бледная женщина в длинной глухой юбке и с высоким воротником стояла прямо у токарного станка. Рука её лежала на рычаге, и на указательном пальце отчётливо виднелось массивное кольцо. Даже несмотря на паршивое качество печати, на печатке угадывалась чёткая буква «Б».

— Это... оно? — у Дженни даже голос перехватило.

— Очень похоже, — Лиза кивнула. — Точно такой же узор.

— И кто это? — Макс заглянул через их плечи.

Лиза перевернула снимок. На обороте выцветшим химическим карандашом было размашисто написано: «Марта Брукс, инспектор по качеству. 1923 год».

— Брукс... — Артур удивлённо посмотрел на Дженни. — Твоя фамилия.

— Прабабка, может? — предположила Эмма.

— Или ещё какая родня, — тихо ответила Дженни, не сводя глаз со снимка. — Но кольцо сто процентов наше. И она крутилась здесь на фабрике. Причём за год до того, как начался весь этот кошмар с исчезновениями.

— Может, она Хранительницей была? — Макс поскрёб затылок. — Ну, сдерживала эту Пустоту, а потом что-то пошло не так?

— Или наоборот, — Лиза задумчиво прикусила губу. — Пока она тут работала, всё было тихо. А как ушла — тварь вырвалась.

Дженни осторожно взяла фотографию за края. Кольцо на

бледных пальцах женщины из прошлого казалось почти осязаемым. Стоило Дженни провести подушечкой пальца по глянцевої бумаге, как нитка на её собственном запястье испустила резкий, горячий толчок. Сердце испуганно екнуло.

— Мне нужен этот снимок, — твёрдо сказала она.

— Свистнем? — Макс воровато оглянулся на дверь.

— Нет, я попробую договориться.

Она быстро вышла из душевой коморки и направилась к стойке регистрации. Миссис Донован всё так же ковырялась в ящиках картотеки, шумно поправляя сползающие очки.

— Извините, — Дженни аккуратно положила перед ней карточку. — Там в папке фотография. Марта Брукс. Можно мне её как-то скопировать? Или забрать под залог? Это очень важно.

Библиотекарша медленно подняла на неё тяжёлый взгляд:

— Нашли, значит, что искали?

— Не знаю. Но эта женщина — из моей семьи. Я просто хочу сохранить память о ней.

Старушка тяжело вздохнула, со свистом выдохнув воздух через нос. Пошарила под стойкой и выкатила перед Дженни чистый лист желтоватой бумаги и хорошо заточенный карандаш:

— Перерисуй. Снимок оригинальный, в одном экземпляре, я его из здания не выпущу.

Дженни кивнула, сгребла бумагу и вернулась в комнату к остальным. Села за стол, положила карточку перед собой и

резво придвинула карандаш. Пальцы двигались с какой-то бешеной скоростью, уверенно нанося штрих за штрихом — будто она занималась этим всю жизнь, хотя на самом деле даже кружок рисования никогда не посещала. Лиза удивлённо замерла рядом, разглядывая, как на листе с идеальной точностью проступают контуры.

— Ничего себе. Ты когда так научилась?

— Я не умею, — Дженни даже головы не подняла, её рука словно жила своей жизнью. — Пальцы сами знают, куда вести.

Через пару минут на листе во всех деталях проявилось кольцо, узнаваемая буква «Б» и тонкое запястье женщины. Причём Дженни добавила от себя то, чего на размытом фото и видно-то не было: крошечную щербинку на металле печатки и глубокую царапину чуть пониже камня.

— Я видела это кольцо во сне, — тихо призналась Дженни, откладывая карандаш. — Теперь точно знаю, чья это рука была. Марты.

— И что нам это даёт? — Артур нахмурился.

— То, что во мне течёт её кровь. Пустота знала Бруксов ещё кучу лет назад. Наверное, поэтому она так дико реагирует, когда я рядом.

Она аккуратно сложила листок вчетверо и спрятала в глубокий карман джинсов. Ребята быстро собрали старые газеты, уложили катушки обратно в коробки и сдали их на стойку.

У самого выхода из библиотеки их снова подкараулила миссис Донован. Она стояла у двери, сурово скрестив руки на груди, и в упор разглядывала подростков:

— Не суйтесь вы на эту проклятую фабрику, — негромко, но отчётливо произнесла она. — Я в этих стенах сорок лет сижу. Насмотрелась на таких же, как вы — бледных, с горящими глазами. Кое-кто возвращался обратно, да. Но многие так там и остались.

— Мы просто проект пишем, — в последний раз попытался съехать Артур.

— Не держи меня за дуру, мальчик, — отрезала библиотекарша. — Я ваши глаза вижу. Всё равно ведь пойдёте. Только зарубите себе на носу: то, что завело себе гнездо в тех цехах, не сдыхает. Оно умеет ждать. Сто лет ждало. И вас дождётся.

Она с силой толкнула дверь, выпуская их наружу. Спорить никто не стал.

Улица встретила их резким порывом холодного ветра и всё тем же неистребимым запахом бензиновой гари. Лиза на ходу вытащила свой блокнот и быстро законспектировала: «Марта Брукс — инспектор, 1923. Кольцо с буквой "Б". Завод Форд-Парк — цех № 4. Труп без лица».

— Ну что, теперь туда? — Макс поправил воротник куртки, оглядываясь по сторонам.

— Да. Тянуть нечего, — Артур решительно зашагал вперёд.

Дженни на ходу крепко сжала в кармане сложенный ри-

сунок. Красная нитка на её запястье снова налилась тугим, пульсирующим теплом. Она отчётливо понимала: Пустота уже в курсе, что они близко. Она чувствует родную кровь Бруксов. И она их ждёт.

Они свернули за угол, и впереди, за рядами облупленных цехов, показались серые, безжизненные корпуса фабрики «Форд-Парк». Солнце висело низко, и его свет не проникал сквозь плотную пелену смога, оставляя здания в густой, тревожной тени. Где-то внутри, за толстыми кирпичными стенами, что-то шевельнулось — или просто скрипнула ржавая балка, поддаваясь ветру. Но Макс, шедший последним, отчётливо слышал, как за их спинами, на пустой улице, раздался тихий смех. Он был тонким, детским и слишком громким для этого серого дня.

ГЛАВА 5.

4 октября 1986 года. Детройт. Фабрика «Форд-Парк». После обеда.

Фабрика обнаружилась в самом тупике длинной, напрочь разбитой дороги. Асфальт здесь давно рассыпался на крошево, и под ногами хрустел щебень, смешанный с битым стеклом и ржавыми гайками. Огромная, мрачная туша из потемневшего от сырости красного кирпича встретила их выбитыми стёклами и частично провалившейся крышей. Когда-то здесь всюду шумело производство — гудели конвейеры, ворочались тяжёлые станки, сновали сотни рабочих. Теперь вокруг стояла мёртвая тишина — не просто отсутствие звуков, а плотная, вязкая тишина, которая давила на уши и заставляла каждый шорох собственной одежды казаться оглушительным. Пахло ржавчиной и полным запустением. Кирпичные стены пошли глубокими трещинами, местами густо поросли бархатистым зелёным мхом, который тянулся к влаге, сочившейся из прогнивших труб. В воздухе мешался запах гари и какой-то странной, приторной сладости — той самой, которую они уже чуяли в особняке «Генезис». Только здесь этот аромат был послабее, изрядно разбавленный городскими выхлопами и застарелой заводской гнилью, но всё равно он цеплялся за нёбо, оседал на языке липким налётом. Вокруг не было ни души. Полная пустота, даже птицы по-

чему-то облетали дырявую крышу стороной. Только ветер гулял между цехов, завывая в ржавых трубах, и этот вой подходил на далёкий, бесконечный стон.

— Чисто кладбище, — Макс поправил воротник и покрутил головой, оглядывая пустырь.

— Оно и есть кладбище, — тихо отозвалась Эмма, не сбавляя шага. — Только тут людей в землю не зарывают. Они сюда сами приходят и пропадают.

У самого входа она резко затормозила. Прямо на потрескавшемся асфальте перед воротами кто-то набросал кусками мела странные символы: жирные круги, ломаные линии, пересекающиеся друг с другом дуги. Рисовали явно в спешке, небрежно — кое-где мел смазался, оставляя белые разводы, — но во всём этом угадывался чёткий порядок. Кое-где виднелись смазанные следы от пальцев и белая меловая пыль, осевшая на потрескавшемся бетоне.

— Кто-то очень пытался запереть этот вход, — Лиза тут же присела на корточки, едва не касаясь коленями земли, и повела пальцем по контуру рисунка, не касаясь линий. — Похоже на те знаки, что мы чертили у бабушки в подвале. Помните? Ну, против теней.

— Думаешь, Маркус постарался? — Артур прищурился, разглядывая каракули.

— На него не похоже, — Макс дёрнул плечом. — У него руки под карандаш не заточены, да и мел он с собой вряд ли таскал.

— Может, другие жертвы, — Дженни обхватила себя руками, спасаясь от набежавшего сквозняка, который выдувал из цеха холод, пропитанный сыростью. — Те, кто топтался тут до него. Или те, кто вообще назад не выбрался.

Эмма решительно перешагнула через белые черты, не задев их, и осмотрелась. Главные ворота были намертво стянуты толстой ржавой цепью — звенья покрылись бурым налётом, и замок на них казался монолитным куском металла. Но чуть сбоку в кирпичной кладке темнела неприметная железная дверь с массивным навесным замком. Петли покрылись толстым слоем ржавчины, и дверь казалась приросшей к косяку. Артур молча полез в карман, выудил тяжёлый ключ Маркуса и вставил его в замочную скважину. Металл вошёл туго, с сопротивлением, но провернулся. Замок коротко и сухо щёлкнул — звук разнёсся по пустому двору, как выстрел. Дверь поддалась, открываясь с таким визгливым, надрывным скрипом, будто старые петли изо всех сил протестовали против незваных гостей.

Внутри цеха царил глубокий сумрак. Редкие лучи дневного света пробивались сквозь серые от грязи, разбитые окна, косо разрезая густой пыльный воздух на длинные, дрожащие полосы. В этих полосах танцевали мириады пылинок, кружащихся в медленном, гипнотическом хороводе. На сто метров вокруг пахло плесенью, протухшим солидолом и всё той же приторной сладостью — здесь она была гуще, почти осязаемой. Вдоль стен длинными рядами выстроились замершие

станки, сплошь затянутые плотной серой паутиной. Паутина висела клочьями, как старая кисея, и колыхалась от малейшего движения воздуха. Под ногами с противным хрустом ломались осколки стекла, валялись ржавые штыри арматуры и какие-то истлевшие масляные тряпки, въевшиеся в бетон маслянистыми пятнами.

— Из поля зрения друг друга не выпускаем, — негромко скомандовал Артур, оглядывая темноту. — Лиза, набрасывай план, где сможешь. Макс, давай вперёд, только под ноги смотри внимательно.

Макс молча вытащил нож, коротко перехватил рукоять и первым шагнул вглубь цеха. Лезвие тускло блеснуло в одном из серых лучей. Остальные потянулись следом, стараясь ступать бесшумно, но каждый шаг отдавался хрустом битого стекла и гравия. Лиза на ходу открыла блокнот и принялась быстро набрасывать карандашом схему помещения: массивные несущие колонны, проходы между механизмами, очертания крупных станков. Каждые полминуты она вскидывала голову, сверялась с темнотой и снова быстро чиркала грифелем по бумаге.

— Слушайте, чертовщина какая-то, — Лиза резко остановилась через пару десятков шагов. — Снаружи этот цех казался куда меньше. А внутри места как будто в два раза прибавилось.

— Обычный оптический обман, стены давят, вот и кажется, — буркнул Артур, хотя сам тоже оглядывался с явным

подозрением. Он заметил, что колонны, которые он мысленно отметил как ориентир, стояли не там, где должны были, — ряды станков словно сдвинулись.

— Ну да, конечно, обман, — скептически бросила Эмма.

Они прошли ещё немного вперёд. Где-то в самом тёмном углу фабрики мерно и глухо капала вода. Звук этот — кап... кап... кап — работал как дурацкий метроном. Гулкое эхо разносило его по всему огромному помещению, из-за чего каждый шлепок капли о бетон казался в разы громче, чем был на самом деле. Капли падали с интервалом в шесть ударов сердца. Макс считал их, неосознанно, и сбился на сорок седьмом. Он двигался максимально осторожно, стараясь не производить лишнего шума, но всё-таки не уберёгся: подошва ботинка зацепилась за корявый кусок арматуры, торчащий прямо из пола.

Грохот вышел знатный. Железяка с противным звоном ударилась о бетонное основание, звук волной покатился под сводами цеха, ударился о стены, отразился и затих где-то в глубине. Макс сквозь зубы выдавил сочное ругательство и замер, вцепившись в рукоять ножа.

— Да тише ты, придурок! — яростно зашипела на него Эмма.

— Я стараюсь, блин.

— Паршиво стараешься.

Все застыли на месте, прислушиваясь. Сначала вокруг воцарилась совсем мёртвая, звенящая тишина, в которой

слышно было, как бьются их собственные сердца. Но буквально через пару секунд из самого дальнего конца фабрики донёлся новый звук. Далёкий, но чертовски отчётливый скрежет. Будто кто-то с силой тёр кусок железа о шершавый цемент. Или лениво волок по полу что-то нереально тяжёлое. Шшшх... шшшх... Шорох был ритмичным, с паузами, словно существо останавливалось, прислушивалось, и снова двигалось.

— Она в курсе, что мы припёрлись, — прошептал Макс, сильнее сжимая пальцами рукоять ножа.

— Заткнись со своими фразочками из ужастиков, — огрызнулась Эмма, но её собственный голос заметно дал пелуха.

Звук скрежета медленно, но верно приближался. Тварь не торопилась — двигалась неспешно, словно невидимый хищник аккуратно крался между станками, проверяя, кто именно нарушил его покой. Артур резко вскинул руку, приказывая всем замереть. Дженни вдруг глухо ойкнула: красная нитка на её запястье в один миг налилась сумасшедшим, обжигающим теплом, будто на кожу плеснули кипятком. Она втянула воздух сквозь зубы, прижимая руку к груди.

— Она совсем рядом, — едва слышно проговорила она, чувствуя, как жар поднимается по предплечью, к локтю. — Пульсирует. Как пульс только горячий.

— Вижу, — отозвался Артур.

На самом деле он ни черта не видел, но кожей чувствовал

— воздух вокруг них внезапно стал неестественно плотным и тяжёлым, дышать сделалось трудно, будто в лёгкие заливали густой сироп. Даже скудный свет из разбитых окон как-то разом изменился, став грязно-серым, с красноватым отливом, точь-в-точь как в комнатах проклятого особняка. Эмма воровато обернулась назад, прикидывая на глаз расстояние до спасительного выхода.

— Если начнётся замес — рвём к двери без оглядки, — выдохнула она, вытаскивая из кармана зажигалку и сжимая её в кулаке.

— Никакого «рвём», — отрезал Артур. — Пока стоим на месте. Надо понять, с чем мы вообще имеем дело.

Скрежет так же внезапно стих. Навалилась такая густая, осязаемая тишина, что стало слышно, как тяжело и неровно дышит каждый из них. Лиза застыла на месте с занесённым над блокнотом карандашом. Макс от напряжения переступил с ноги на ногу, и хруст мелкого щебня под его подошвой грохнул в этой тишине не хуже пистолетного выстрела.

— Чего она ждёт? — прошептал Макс.

— Может, чтобы мы сами к ней шагнули, — Артур медленно выдохнул и сделал один короткий шаг вперёд. Потом ещё один. Ботинки скрипнули по бетонной пыли.

Ничего не произошло. Он прошёл аккуратно между двумя массивными фрезерными станками, обогнул ржавый конвейер, с которого свисали лохмотья старой транспортёрной ленты, и внимательно взгляделся во мрак. Там, в самом ту-

пике прохода, колыхалась странная, неясная тень. Воздух в том месте мелко дрожал и пошёл рябью, как над раскалённым асфальтом в середине июля. Тень была бесформенной, но она занимала собой всё пространство между станками, от пола до потолка.

— Кажется, вижу её, — негромко сказал Артур, не сводя глаз с марева.

— И что там? Что она делает? — Лиза попыталась заглянуть через его плечо.

— Да просто стоит. Или висит в воздухе... Хрен разберёшь в такой темноте.

Дженни осторожно сделала пару шагов к Артуру и положила ладонь ему на плечо. Её запястье сейчас горело так, словно под кожу проделали раскалённую добела проволоку. Она чувствовала, как пульс отдаёт в кончики пальцев, и каждый удар отзывался болью в костяшках.

— Не подходи ближе, — попросила она, и голос её дрогнул от боли. — Не надо. Пусть сама.

Они замерли каменными изваяниями. Тень в конце прохода покачивалась из стороны в сторону, медленно, лениво, как медуза в тёплой воде. А затем она очень медленно, тягуче двинулась прямо на них. Она шла не по полу — она плыла напролом сквозь чугунные станки и кирпичные колонны, будто их вообще не существовало. Ржавый металл не издавал ни звука, когда марево проходило сквозь него — просто становился на мгновение видимым, а потом исчезал в серой

дымке. Чёткой формы у этой дряни не было, но она занимала собой всё пространство вокруг, напоминая плотный, клубящийся туман или волну удушливого горячего воздуха, которая надвигалась неумолимо.

— Отходим, — скомандовал Артур, не сводя глаз с приближающегося марева.

— Только без паники, медленно, — добавила Эмма, пятясь первой. Она двигалась спиной вперёд, держа зажигалку перед собой, словно та могла защитить.

Они начали аккуратно пятиться к выходу, стараясь не зацепить разбросанный хлам. Каждый шаг давался с трудом — ноги будто вязли в горячем воздухе. Тень не ускорялась, чётко держала дистанцию, но в цеху становилось всё жарче с каждым метром, а сладковатый запах сделался невыносимо приторным, до тошноты, до спазма в горле. Лиза на ходу, почти не глядя в блокнот, принялась судорожно чертить по бумаге — какие-то круги, рваные линии, прерывистые штрихи. Она сама не понимала, зачем это делает, просто нужно было хоть как-то занять дрожащие руки, чтобы не взвыть от страха. Карандаш ломался, она перехватывала огрызок и продолжала.

Вдруг тень замерла. На какую-то долю секунды Артуру показалось, что в этом колышущемся тумане отчётливо проступили очертания человеческого лица — страшного, смазанного, с абсолютно пустыми, чёрными глазницами. Губы беззвучно шевелились, но ни звука не доносилось. Но образ

тут же распался, рассыпался на клубы дыма.

— Она нас рассматривает, — тихо сказал он, чувствуя, как по спине бежит холодный пот.

— Или пробует на вкус, как Маркус говорил, — Макс крепче перехватил нож. — Я слышу, как она дышит. Горячий воздух, как из печки.

— Всё, валим отсюда, — скомандовал Артур.

Они спина к спине преодолели последние метры и упёрлись в железную дверь. Макс с силой навалился на неё плечом — створка с грохотом распахнулась наружу, ударившись о кирпичную кладку. С улицы сразу пахнуло резким холодным ветром и бензиновыми выхлопами. Этот привычный, грязный городской запах сейчас показался им самым лучшим ароматом на свете.

Ребята один за другим выскочили на разбитый асфальт. Артур выходил последним, пятясь лицом к темноте цеха. Тень замерла у самого порога, не пытаясь пересечь невидимую границу, но серое марево вокруг неё буквально кипело и шло пузырями от жара, как кипящая вода.

И тут у всех в головах — не в ушах, а именно внутри черепной коробки — раздался странный, тяжёлый толчок. Будто чья-то чужая мысль бесцеремонно вклинилась в их собственные рассуждения, продавала их, как палец продавливает глину:

«Не ваше место».

Голос был не мужским и не женским, не детским и не стар-

ческим — он был просто чужим. И он звучал одновременно в затылке, в груди и в кончиках пальцев.

Артур, сам не зная зачем, упрямо выкрикнул прямо в пустой проём двери, сжав кулаки:

— Завтра! Мы всё равно вернёмся сюда завтра!

Тень на пороге на секунду застыла, а потом медленно, беззвучно растворилась в глубокой черноте заброшенного цеха. Удушливый сладкий запах тут же испарился, уступив место обычному сырому воздуху с нотками плесени. Температура вокруг мгновенно упала до нормальной, и Макс, выдохнув, заметил, как изо рта пошёл пар от холода.

Артур с силой захлопнул железную дверь и дважды провернул ключ в замке. Металл лязгнул сухо и надёжно.

— Что это за херня сейчас была? — Макс опёрся руками о колени, тяжело и хрипло дыша, со лба у него градом катился пот, и капли падали на пыльный асфальт, оставляя тёмные пятна. — Она что, реально говорила?

— Пустота, — Дженни устало опустилась на какой-то бетонный обломок у стены. — Ну, или то, что свило себе гнездо внутри неё. И она нас знает. Точно знает, кто мы такие.

— Да откуда, блин?!

— По запаху определила. По крови, — Дженни подняла свои дрожащие ладони и посмотрела на бледную кожу. На запястье, там, где была нитка, остался красный, воспалённый след, будто от ожога. — Бруксы для этой твари — старые знакомые. Она их помнит.

— Так, хорош, погнали отсюда, — Эмма нервно дёрнула замок, проверяя, плотно ли закрыта дверь. — В мотеле всё перетрём. Здесь вообще не место для разговоров.

Они быстрым шагом двинулись обратно по разбитой дороге. Лиза плелась в самом хвосте группы, судорожно прижимая к груди свой альбом. На чистом листе, сама того не заметив в угаре страха, она набросала карандашом чёткий рисунок: абсолютно пустое человеческое лицо. Без единого намека на глаза, нос или рот — только гладкая поверхность, как у манекена.

Она быстро перевернула страницу, спрятав рисунок подальше, чтобы никто из ребят его случайно не увидел.

4 октября 1986 года. Детройт. Фабрика «Форд-Парк». Час спустя.

Обратно к этой кирпичной махине они притопали всего через час. Артур всю дорогу крутил в пальцах ключ Маркуса, и металл нагрелся от его ладони. Макс то и дело нащупывал в кармане рукоять ножа, проверяя, на месте ли. Небо над головой оставалось всё таким же глухим и серым, а в воздухе висел приторно-кислый душок гари. Но теперь они хотя бы понимали, к чему готовиться.

— Эта тварь нас засекла, — Макс сплюнул в жухлую траву у забора. — Стопудово запомнила.

— Ну и отлично, — Эмма равнодушно дёрнула плечом,

хотя пальцы её всё ещё поддрагивали, и она сжимала их в кулаки, чтобы унять дрожь. — Меньше времени уйдёт на знакомство.

Железная дверь поддалась с тем же противным, режущим уши визгом. Внутри их встретила привычная серая полутьма, ряды молчаливых чугуновых станков и густая ржавчина. Ну и тишина, конечно, — та же самая, давящая, вязкая. Группа цепочкой двинулась вперёд, держась поближе к левой стене. Лиза шла чуть боком, на ходу сжимая раскрытый блокнот и наточенный карандаш.

Вскоре они поравнялись с массивной бетонной колонной — тем самым местом, где в прошлый раз у всех сдали нервы. Здесь на полу ещё виднелись следы их ботинок на пыльном бетоне.

— Чего, прём дальше? — Макс остановился, глядя на Артура.

— Идём, проверим, что там, — Артур коротко кивнул.

Лиза первая осторожно заглянула за бетонную опору и сделала шаг вперёд, сразу принимаясь за набросок нового пролёта. На листе замелькали чёткие штрихи — очертания стен, дверные проёмы, тёмные коридоры. Грифель тихонько шуршал по плотной бумаге, попадая в такт её неровному дыханию.

Эта пакость возникла не сразу. Сперва по ногам ударила удушливая волна жара. Буквально через секунду воздух прямо перед ними пошёл плотной рябью и задрожал на уровне

не глаз, будто над раскалённой дорогой в самый спёк. Артур среагировал мгновенно: ухватил Лизу за куртку и с силой дёрнул обратно, пряча за колонну.

Бесформенное серое марево лениво перетекало по ржавому металлу, плавно огибая массивные опоры. Тварь не пыталась броситься на них, она просто зависла совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки.

Дженни резко выдохнула — красная нитка на руке выдала мощный тепловой толчок. В тот же миг где-то глубоко внутри у неё будто выключили важный тумблер. Больно не было, просто в голове образовалась пугающая пустота — чёрная дыра, куда провалилось что-то тёплое и живое. Дженни судорожно попыталась вытащить из памяти лицо того парня, с которым целовалась на прошлогодней тусовке. И ни черта не вышло. Имя стёрлось. Очертания его губ, улыбка, цвет глаз — всё просто испарилось. Осталось лишь смутное знание, что это вообще было, но с кем именно — полная загадка. Остался только вкус — солёный, чуть горьковатый, — но лицо, к которому он принадлежал, исчезло бесследно.

— Она утянула это, — тихо, почти безжизненно произнесла Дженни, глядя перед собой пустым взглядом. — Мой первый поцелуй. Я даже имя его забыла.

— В смысле — имя? Какое имя? — Макс непонимающе уставился на неё.

— Я же говорю — не помню.

Голос её звучал пугающе ровно, но Эмма заметила, как

сильно Дженни сжала кулаки, так что костяшки пальцев побелели, а ногти впились в ладони.

— Так, сдаём назад, — негромко, но твёрдо скомандовал Артур.

Серая тень плавно качнулась в их сторону. Но стоило удушливому мареву коснуться самого краешка бумажного листа, который сжимала Лиза, как Пустота резко отпрянула. Будто наткнулась на раскалённую сковороду. Лиза застыла, удивлённо моргнула, а потом упрямо выставила блокнот прямо перед собой. Тень тут же попятилась ещё на шаг в темноту.

— Она не лезет на чертёж, — взволнованно прошептала Лиза. — Реально боится этих линий.

— Черти круг! — Артур быстро сориентировался. — Прямо вокруг нас давай!

Лиза мигом бухнулась на колени прямо в заводскую пыль. Из кармана она выудила обломок мела, который успела прихватить у ворот, и принялась яростно возить им по серому бетону. Из-под её руки выходили кривые дуги, защитные подковы и жирные пересекающиеся линии. Она чертила быстро, почти не глядя, как тогда, в подвале у бабушки Дженни, когда они впервые учились рисовать эти знаки. Тварь замерла у самого края белой черты, словно наткнулась на глухую стену. Воздух внутри этого неровного круга сразу стал прохладнее, дышать сделалось легче, и сладкий запах отступил.

— Надолго этой защиты не хватит, — Лиза поднялась, вытирая испачканные мелом ладони о джинсы. — Мел ведь стереть запросто.

— Ничего, сейчас нам этого за глаза, — Артур быстро огляделся. — Макс, держи под прицелом выход. Эмма, не отходи от Дженни.

Пустота застыла на месте. Она медленно колыхалась перед ними, переливаясь грязными оттенками серого дыма. Но если присмотреться, там, в самой глубине этого удушливого облака, время от времени проступали человеческие лица — смазанные, едва различимые маски тех несчастных, чью память эта дрянь выпила досуха. Лица проплывали одно за другим: мужчина с усами, женщина с высоким воротником, мальчик лет двенадцати — их черты расплывались, таяли, сменялись новыми.

— Смотрите-ка, не лезет, — Макс расслабил плечи, но нож убирать не стал.

— Она выжидает, — тихо отозвалась Дженни, по-прежнему баюкая горящую руку. — Мы для неё просто очередной обед. Но прямо сейчас она не голодная. Наелась теми, кто шарился здесь до нас.

— Теми рабочими из старых газет? — Лиза поёжилась. — От которых одни тела без лиц остались?

— Да хрен её знает, может, она просто никуда не спешит, — буркнула Эмма.

Артур перевёл взгляд с колеблющейся тени на открытую

дверь позади них.

— Всё, сворачиваемся. На сегодня с нас точно хватит.

Он аккуратно взял Лизу за локоть и подтолкнул к выходу. Остальные дружно двинулись следом, стараясь не делать резких движений. Тварь не сделала ни попытки пойти вдогонку, она просто провожала их своим жутким невидимым взглядом — они чувствовали его на затылках, как холодное дуновение. И стоило Максу, который шёл последним, перешагнуть порог, как в глубине цеха разом пропали все остатки света — даже тот тусклый серый день, что шёл из окон, растворился в крошечной тьме.

Артур с силой притянул железную створку и дважды повернул ключ в ржавой скважине.

— Точно говорю, она нас срисовала и запомнила, — Макс шумно выдохнул, пряча нож в карман.

— Да она нас и без этого прекрасно помнила, — Дженни устало прислонилась спиной к кирпичной кладке, чувствуя холод камня даже через куртку. — По нашей крови. Для неё фамилия Брукс — это что-то вроде старых знакомых.

Эмма чиркнула зажигалкой и с наслаждением затянулась сигаретой, выпуская тонкую струйку дыма, чтобы хоть как-то унять дрожь в пальцах. Дым смешался с холодным воздухом и рассеялся.

— Ладно. Завтра придём сюда уже нормально подготовившись. С нормальными чертежами и готовым планом.

— И Дженни обязательно берём с собой, — добавил Ар-

тур, закидывая рюкзак на плечо. — Её кровь и этот запах — наш единственный работающий пропуск внутрь.

Они развернулись и побрели по разбитой дороге обратно в сторону мотеля. Лиза на ходу на секунду притормозила и оглянулась на заброшенный корпус фабрики. Окна здания чернели пустыми, мёртвыми провалами. Но девчонке на мгновение показалось, будто из этой крошечной темноты за ними кто-то пристально наблюдает. Кто-то совершенно без глаз и без лица. Кто-то, кто умеет очень хорошо ждать.

Она отвернулась и ускорила шаг, догоняя остальных. В кармане лежал блокнот с рисунком пустого лица, и бумага казалась тёплой на ощупь, как будто кто-то держал её в руке перед тем, как она начала рисовать.

ГЛАВА 6.

4 октября 1986 года. Детройт. Мотель. Вечер.

В номер они ввалились молча, за час до заката. Серая хмарь за окном уже набрякла темнотой, но свет включать никто не стал — все боялись собственных теней на стенах. Артур с порога задвинул щеколду — металл лязгнул глухо, по-подвальному. В тот же миг комната наполнилась запахами: дешёвый шампунь из настенного дозатора, сырые простыни, застарелый табачный дым, который вьелся в синтетические занавески так, что не вытравить даже сквозняком. В углу под батареей темнело влажное пятно — то ли от протечки, то ли от чьей-то разлитой воды, оставшейся здесь ещё до них.

Макс рухнул на край продавленной кровати и уронил голову в ладони. Пружины под ним скрипнули с протяжным стоном — будто кто-то живой, уставший и старый, выдохнул от облегчения, что его наконец снова нагрузили. Он не проронил ни слова — просто сидел, пропуская сквозь пальцы спутанные, влажные от пота волосы. Затылок был липким, и пальцы оставляли на коже тёмные следы. Эмма вжалась спиной в холодную стену, закрыла глаза и принялась машинально тереть пустую пачку из-под сигарет. Картон хрустел под пальцами, и звук этот был сейчас единственным, что хоть как-то возвращало в реальность.

Дженни опустилась на корточки у батареи — та едва ды-

шала теплом, отдавая в комнату не больше градуса. Она всё разглядывала свои ладони: сожмёт — разожмёт, сожмёт — разожмёт, будто проверяя, не исчезло ли что-то внутри, под кожей. Пальцы были грязными от заводской пыли, и в складочках ладоней засела серая, маслянистая грязь, вьёвшаяся в поры. Артур, не снимая куртки, привалился к подоконнику и выложил на облезлую краску ключ от фабрики. Железо было ледяным, как кусок речного льда, — даже спустя час оно не приняло тепло ладони. Под ним на подоконнике выступил маленький конденсатный кружок, как лужица на стекле.

Лиза молча расстелила на полу три листа, склеенных обрывками скотча: план цеха, траектория движения Пустоты и тот круг, что она вычерчивала мелом на бетонном крошewe. Углы листов загибались от сырости, она придавила их коленом и замерла, глядя на схему так, будто пыталась запомнить каждую линию до конца жизни.

— Что это было? — выдавил наконец Макс; голос прозвучал глухо, из-под ладоней, и слова словно прошли через фильтр из плоти.

— То, за чем мы приехали. — Артур оттянул ворот свитера, который налип на шею. — Пустота. Пожиратель воспоминаний.

— Она забирает не только воспоминания. — Дженни подняла голову; в полутьме глаза её казались совсем тёмными, почти чёрными, с едва заметной искрой в зрачках. — Она

забирает кусок тебя. Я не помню его лица. Вообще. Как будто его никогда не существовало.

— Может, и не существовало, — буркнул Макс, но тут же пожалел о сказанном.

Дженни резко выпрямилась, и он, поймав её взгляд — тот самый, колющий, будто она смотрела сквозь него, — тут же отвёл глаза.

— Извини. Я не это хотел сказать.

— Вкус, — негромко произнесла Эмма, не открывая глаз.
— Маркус говорил, вкус пропадает. Она забирает не только лица. Она забирает чувства. Всё, что делает человека человеком.

— Не всё. — Лиза плотнее прижала листы коленом, чувствуя, как бумага холодит ногу даже сквозь джинсу. — Мы здесь. Мы помним, зачем пришли.

— Пока помним, — сказал Артур. Голос его был ровным, но в нём слышалась глухая, тягучая нота.

Он повернулся к окну. За грязным стеклом Детройт зажигал редкие жёлтые квадраты — окна домов, светящиеся сквозь туман. Фонари на улице не горели, только окна, и от этого казалось, что город болен и лежит в лихорадке, изредка приоткрывая глаза.

— Она не напала. Могла, но не стала.

— Мы стояли в круге, — напредила Лиза.

— Не только. — Дженни покачала головой и медленно поднялась; колени хрустнули после долгой неподвижности,

и она придержалась рукой за батарею, чтобы не качнуться. — Она ждала. Она сыта. Маркус говорил: Пустота питается воспоминаниями, но не голодна постоянно. Она терпеливая. Как паук — плетёт паутину и ждёт, пока жертва сама дёрнется.

— Мы не жертвы, — отрезал Макс и наконец поднял голову; лицо было серым, под глазами залегли тени, а губы потрескались от сухости.

— Она так не думает.

Эмма вытащила из мятой пачки сигарету, повертела в пальцах, но прикуривать не стала — просто зажала фильтр зубами, чтобы чем-то занять рот и не дрожать. Губы её шевелились, будто она разговаривала с сигаретой, но звука не было.

— Что мы вообще узнали? Кроме того, что рисунки её держат.

— Она не выходит за пределы фабрики, — Артур постукал пальцем по подоконнику, и звук получился глухой, как в могилу. — Входная дверь — граница. Порог не пересекает.

— Как Кроули в особняке. Тоже не выходил, только приглашал.

— Значит, у каждого Пожирателя своя территория. Особняк, фабрика, театр. Они привязаны к месту.

— Или место привязано к ним, — тихо добавила Дженни. Она подошла к столу, взяла рисунок с кругом, провела пальцем по меловой линии, нарисованной на бумаге. Белая

пыльца осыпалась на пальцы тончайшим слоем, как мука или мелкая известь.

— Лиза, твой круг держал её. Но мел сотрётся. Он не навсегда.

— А что навсегда? — спросил Макс.

Дженни перевернула руки ладонями вверх. Надрез от вчерашнего ножа ещё не затянулся — тонкая красная ниточка, которая слабо пульсировала в такт ударам сердца. Кожа вокруг ранки была воспалённой, чуть припухшей.

— Моя кровь.

В комнате разом смолкло всё. Даже вода в трубах перестала гудеть, будто дом затаил дыхание. Эмма замерла с сигаретой у губ, так и не прикурив. Макс уставился на Дженни, приоткрыв рот, и в свете уличного фонаря, пробивающемся сквозь занавеску, его лицо казалось вырезанным из старой бумаги. Лиза перестала теревить край листа, и карандаш выпал у неё из пальцев, стукнувшись о пол. Артур медленно развернулся на стуле; дерево протестующе скрипнуло.

— Что ты сказала?

— Моя кровь. — Дженни говорила негромко, но каждое слово звенело, как натянутая струна, готовая лопнуть. — Когда я порезала ладонь вчера ночью, я почувствовала тепло. Не боль — тепло. Как будто внутри что-то проснулось. А сегодня, когда Пустота приблизилась, нитка нагрелась, а кровь... она закипела. Я чувствовала, что могу призвать её. Или отогнать. Понимаешь?

— Ты хочешь использовать себя как приманку. — Артур не спрашивал.

Дженни кивнула. Кадык дёрнулся, но голос остался ровным, хотя на висках у неё выступил пот.

— Я пойду в центр цеха. Одна или с вами, но в центре. Надрежу ладонь. Пустота учует запах. Пока она будет отвлекаться на меня, вы окружите её рисунками. Лизиными кругами. Или... — она на мгновение запнулась, сглотнула, и комок в горле прошел с трудом. — Или я попробую договориться.

— Договориться? — Макс вскочил с кровати так резко, что пружины взвизгнули, словно их резанули ножом. — С этой тварью, которая жрёт память?!

— Маркус договаривался. Он не лез в драку, он предложил сделку. Не вышло, но он хотя бы попробовал.

— Маркус потерял три дня жизни! До сих пор не помнит, что было.

— Но он жив. — Дженни повысила голос; с ней такое случалось редко, и в тишине номера это прозвучало почти как крик, ударившись о стены и затихнув в углах. — Он жив, он помнит мать, он ходит, говорит, дышит. Если бы он сунулся туда с ножом, его бы уже не было.

— У нас есть кинжал, — упрямо буркнул Макс, но уже тише, почти про себя.

— Кинжал в Нью-Йорке. Мы не поедем за ним, пока не закончим здесь. Или ты предлагаешь бросить Маркуса и его

мать?

Макс сел обратно. Кровать скрипнула уже жалобно, почти по-человечески, и он опустил плечи, стиснул зубы так, что желваки заиграли на скулах. Пальцы его вцепились в край матраса, сминая дешёвую ткань.

Артур встал, подошёл к окну, прижался лбом к ледяному стеклу. Холод пробирался под кожу, впивался в виски, помогал думать. На стекле от его дыхания образовалось мутное пятно, сквозь которое он смотрел на редкие огни города.

— Если ты пойдёшь первой, Пустота может забрать у тебя больше, чем просто поцелуй.

— Я знаю.

— Ты можешь забыть нас. Или себя.

— Я уже забыла лицо того парня. И имя. И голос. — Дженни усмехнулась, но усмешка вышла кривая, горькая, как привкус старого кофе. — Знаешь, что самое паршивое? Я не расстроилась. Я подумала: ну и ладно. Это был просто поцелуй. Не любовь. Не друг. Не брат. А если она заберёт что-то важное — я расстроюсь. И значит, я ещё живая. Расстроюсь — значит, вспомню, что потеряла. А если не вспомню... — она пожала плечами, ладони сжались в кулаки, ногти впились в кожу. — Значит, нечего было терять.

— Плохая логика, — бросила Эмма, наконец раскурив сигарету. Зажигалка чиркнула с третьей попытки, выбросила дрожащий язычок пламени, который осветил её лицо на мгновение — бледное, с провалившимися от усталости гла-

зами.

— Другая нет.

Лиза подняла голову. Глаза у неё блеснули, но не от слёз — от сосредоточенности, от той особенной ясности, которая наступает, когда больше нечего терять, кроме себя.

— Я могу рисовать круги вокруг тебя. Не один слой — несколько. Если мел сотрётся, под ним будет ещё один. И ещё. Я нарисую столько, на сколько хватит мела.

— А если не хватит? — Макс глянул исподлобья, и в его взгляде мелькнула такая же обречённая решимость, как у неё.

— Хватит. Я возьму два куска. И блокнот. И карандаши. Если мел кончится — буду рисовать карандашом.

— Карандаш сотрётся быстрее.

— Но не сразу. — Лиза вскинула подбородок почти с вызовом, и в этом жесте была вся она — упрямая, готовая стоять до последнего. — Не сразу.

Артур оторвал лоб от стекла, повернулся к Дженни. Взгляд тяжёлый, и под глазами у него залегли глубокие тени.

— Ты уверена?

— Нет. — Она покачала головой, и волосы мазнули по плечам, оставляя на ткани тёмные влажные следы. — Но я не хочу сидеть в мотеле, пока вы рискуете. Моя кровь — это не просто так. Бабушка говорила, Бруксы были Хранителями. Кроули сказал: «Берегите Дженни». Элиас повторил. В этом есть смысл. Я должна его найти.

Артур молчал долго — так долго, что Эмма выпустила струйку дыма в потолок и уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но он заговорил первым.

— Хорошо. Завтра идём снова. Лиза, готовь круги. Макс, Эмма — прикрываете Дженни с флангов. Я в центре, рядом с ней. Если что-то пойдёт не так — уходим все. Сразу.

— А если не получится уйти? — спросил Макс; пальцы его нащупали в кармане холодную рукоять ножа, и он сжал её так, что костяшки побелели.

— Получится. — Артур взял с подоконника ключ, сжал в кулаке — железо обожгло холодом, но он не отдернул руку. — У нас нет выбора.

Он сунул ключ в карман куртки и первым двинулся к двери. Щеколда лязгнула, впуская в комнату коридорный запах кофе и дешёвого мыла, и они разошлись по своим номерам.

Лиза унесла рисунки, прижала их к груди, как живое существо — тёплые, с ещё не остывшими от пальцев следами. Мел и карандаши торчали из карманов её джинсов, и она то и дело поправляла их, чтобы не выпали. Дженни села на кровать, стащила с руки нитку, повертела в пальцах — она была тёплой, почти горячей, — потом завязала обратно, потуже, так, что нитка впилась в кожу. Надрез на ладони саднил, но боль была почти приятной, как напоминание, что она ещё здесь и она ещё жива.

— Ты правда хочешь это сделать? — Эмма закрыла дверь в номер и привалилась к косяку, сложив руки на груди.

— Не хочу. Но надо.

— Глупо. — Эмма глубоко затаилась, выпустила дым в потолок и добавила, почти не разжимая зубов: — Но я бы сделала то же самое.

Она легла на кровать, отвернулась лицом к стене. Через минуту послышалось её неровное дыхание — не сон, а просто усталость, которая сильнее страха, которая сковывает тело, даже когда разум не даёт покоя.

Дженни лежала без сна. Слушала, как ровно, по-детски дышит Лиза — с тихим присвистом на выдохе, как будто она что-то шептала во сне. Потолок был в рыжих подтёках — протекала крыша, а может, чья-то ванна этажом выше. Она думала о кольце с буквой «Б», которое вывела машинально днём в библиотеке. О Марте Брукс, что стояла у станка и, может, точно так же, как она сейчас, сжимала порезанную ладонь, чувствуя, как тепло разливается по пальцам. Не смогла остановить Пустоту. Но оставила дневник. Кольцо. И кровь, которая сейчас текла по жилам Дженни — через поколения, через годы, через страх и надежду.

— Я не такая, как ты, — прошептала она в темноту, и губы почти не шевелились. — Я не сдамся.

Нитка на запястье отозвалась тихим, мягким теплом, будто кто-то взял её руку в свою — невидимый, но надёжный, как те, кто ушёл, но не оставил.

4 октября 1986 года. Детройт. Мотель. Поздний вечер.

Артур выскользнул на улицу минут через десять после того, как они вернулись с фабрики. В номере было не продохнуть — духота стояла густая, хоть режь, и стены давили так, словно медленно сдвигались к центру комнаты.

Макс так и сидел на кровати, уперев взгляд в одну точку на обоях — в бурое пятно, которое напоминало карту несуществующего континента. Его пальцы вцепились в край матраса, и он то сжимал их, то разжимал, считая удары собственного сердца. Лиза расстелила рисунки на полу, ползала между ними на коленях и проверяла каждый карандашный штрих, каждую меловую дугу — не стёрлись ли, не расплылись ли от сырости. Пальцы у неё были белые от мела, и она то и дело вытирала их о джинсы, оставляя на ткани серые разводы. Дженни сидела на скрипучей кровати, сжимала и разжимала ладонь — засохший порез натягивал кожу, и каждый раз, когда кулак смыкался, по краям ранки выступала сукровица, и она размазывала её большим пальцем, не чувствуя боли. Эмма курила в приоткрытое окно, пуская дым наружу, в сырую октябрьскую темень; ветер иногда задувал струйку обратно, и тогда по комнате плыл горьковатый запах, смешиваясь с запахом сырости.

— Я позвоню родителям, — Артур взял с тумбочки горсть монет, пересчитал их на ладони — тридцать семь центов, ровно на один звонок. — Надо.

— Скажи, что мы в музее, — буркнул Макс, не поднимая

головы от пятна на обоях.

— Не могу. Мать не дура.

Он натянул куртку — та всё ещё пахла вчерашней гарью, хотя он вытряхивал её на улице, — сунул монеты в карман и вышел.

Телефонная будка торчала на углу, у заправки, под единственным фонарём, который не горел уже несколько недель, а может, и лет. Лампочка внутри будки тоже перегорела, и в тесной стеклянной коробке было темно, хоть глаз выколи. Артур нащупал холодную щель монетоприёмника, протолкнул монету. Она звякнула и куда-то провалилась с глухим стуком. Набрал номер — диск крутился туго, с металлическим скрежетом, и каждый щелчок отдавался в пальцах. Длинные гудки. Один, второй, третий. В трубке что-то щёлкнуло, и он услышал знакомое дыхание.

— Алло?

Голос матери ударил прямо в грудь. Артур почувствовал, как что-то сжалось под горлом — тугой, болезненный ком, который не давал дышать.

— Мам, это я.

— Артур. — София выдохнула — шумно, длинно, будто держала воздух все эти часы и только теперь решилась выпустить. — Слава богу. Вы где?

— В Детройте. Всё в порядке. Мы сегодня ходили в музей. Завтра поедем на экскурсию.

— В музей, — повторила она, и в голосе не было ни капли

веры — только напряжение, которое она пыталась скрыть.
— В девять вечера? Вы в музее?

Артур зажмурился. Идиот. Музеи в Детройте закрывались в пять. Любой дурак знает. Он прикусил губу, чувствуя, как вкус крови заполняет рот.

— У нас была длинная дорога обратно. Мы только что поужинали.

— Артур, ты врёшь. Я слышу по голосу. — Она замолчала на секунду, и в этой паузе он услышал, как на заднем плане тихо работает телевизор — тот самый, который отец забывает выключить, оставляя гудеть в гостиной. — Я звонила матери Макса. Она сказала, что он не ходил к психологу. Что вы делаете на самом деле?

Он сжал трубку так, что побелели пальцы. Металл был ледяной, и от него ныла костяшка указательного, которую он стёр вчера о кирпичную стену. Сказать правду? Что они весь день провели в кишках заброшенной фабрики, что Дженни потеряла память о своём первом поцелуе, а сам он силится и не может вспомнить, как звучит отцовский смех, когда тот смотрит глупые комедии по телевизору? Что завтра они снова пойдут туда, и есть шанс, что кто-то из них забудет собственное имя, собственное лицо, собственную мать?

— Мы... помогаем одному человеку, — выдавил он. — Ему нужна помощь. Мы просто... мы не можем рассказать по телефону.

— Опасная помощь?

— Не знаю. Может быть.

София молчала. Так долго, что он посмотрел на трубку — не оборвалась ли связь. Но она была там, он слышал её дыхание — неровное, с присвистом, как у человека, который пытается не заплакать, но слёзы уже подступают.

— Ты обещал мне, что будешь осторожен. Ты обещал, что это просто поездка.

— Я знаю, мам.

— Ты похож на отца. — Голос дрогнул, сорвался на полтона выше, и в нём послышалась та дрожь, которую Артур не слышал уже много лет. — Он тоже в молодости лез, куда не надо. Думал, что неуязвим. Пока не сломал руку на стройке.

— У меня всё будет хорошо.

— Ты не можешь этого знать.

— Могу. — Артур сказал это твёрже, чем чувствовал, и слова обожгли горло, как сухой песок. — Я за них отвечаю.

— За Лизу тоже?

— За Лизу в первую очередь.

Она снова замолчала. Артур слышал, как она переложила трубку к другому уху, как вздохнула — теперь спокойнее, словно решение уже принято, словно она отпустила его в тот самый момент, когда услышала его голос.

— Перезвони завтра. В любое время. Я буду ждать.

— Хорошо, мам.

— И, Артур...

— Да?

— Береги себя. Пожалуйста.

Щелчок, и гудки. Длинные, монотонные, как шум дождя за окном.

Он постоял ещё несколько секунд, прижимая трубку к уху, хотя там уже давно гудело пустотой. Потом положил её на рычаг — осторожно, почти нежно, словно боялся разбить. Вышел из будки на холодный воздух.

Эмма стояла в трёх шагах, привалившись плечом к облупившейся стене мотеля. Сигарета тлела в пальцах, и дым поднимался вверх, смешиваясь с сыростью и запахом мокрого асфальта. Свет от далёкой витрины заправки падал ей на пол-лица, оставляя вторую половину в тени.

— Подслушивала? — спросил Артур.

— Ждала своей очереди. Телефон один на всех.

Он хотел сказать что-то колкое — и осёкся. Эмма выглядела так, будто не спала несколько суток. Круги под глазами, бледные, потрескавшиеся губы, и пальцы, державшие сигарету, чуть подрагивали, как листья на ветру. Он сам выглядел не лучше.

— Дай закурить.

Эмма перевела взгляд с тлеющего огонька на его лицо. В глазах у неё мелькнуло что-то вроде удивления — или понимания.

— Ты не куришь.

— А ты бросила.

— Не бросала. — Она вытащила из кармана смятую пач-

ку, протянула. — Просто стараюсь реже.

Артур вытянул одну сигарету, прикурил от её зажигалки. Пламя дёрнулось на ветру, и он вдохнул — и тут же закашлялся, согнувшись пополам. Дым разодрал горло, и в груди засадило, как будто внутрь залили кипяток.

— Дурак, — сказала Эмма, но без злости, почти ласково, и уголки её губ чуть дрогнули.

Они стояли рядом и молчали. Где-то далеко, за закрытой заправкой, залаяла собака, тут же поперхнулась лаем и смолкла. Телефонная будка за спиной мигнула лампочкой — раз, и погасла, теперь, кажется, навсегда. Воздух был густой от сырости, пах мокрым асфальтом и прелой листвой, и откуда-то издалека тянуло едким заводским дымом, который впитывался в одежду и кожу.

— Как она? — спросила Эмма, не глядя на Артура.

— Боится.

— Правильно боится. — Она глубоко затянулась, выпустила дым уголком рта, и он поплыл вверх, растворяясь в темноте. — Мы тоже должны бояться. Мы дети. Нас должны возить на экскурсии, кормить горячим обедом и укладывать спать в девять. А мы тут... монстров ловим.

— Ты жалеешь?

— Нет. — Она посмотрела на сигарету, на то, как дрожит огонёк, отражаясь в её зрачках. — Но иногда хочется, чтобы кто-то взрослый пришёл и сказал: «Отойдите, я сам разберусь».

— Никто не придёт.

— Знаю.

Эмма затушила сигарету о стену, резким движением, оставив на штукатурке серый мазок, и бросила окурок в урну. Он упал с тихим стуком.

— Это слабость, — сказала она. — Курить. Прятаться за дымом, чтобы не видеть, что происходит.

— Тогда брось.

— Бросаю каждый день. — Она усмехнулась одними губами, и в этой усмешке была усталость, старше её возраста. — Но сейчас не время.

Они вернулись в номер. Там было тихо, только вода в трубах гудела где-то в глубине здания, переливаясь с глухим стоном. Лиза спала, свернувшись калачиком, блокнот прижат к груди — она так и не выпустила его из рук, и карандаш застрял между страниц. От неё пахло пастелью и немного сыростью, как от мокрой травы. Дженни сидела на стуле, глядя в стену, и даже не обернулась на звук двери — её взгляд был пустым, направленным внутрь. Макс лежал, укрывшись одеялом с головой; из-под него торчали только носки кроссовок.

— Спите, — сказал Артур. — Завтра рано вставать.

— Не усну, — донеслось глухо из-под одеяла.

— Попробуй.

Он лёг на свою кровать, не раздеваясь. Под спиной пружины матраса продавлились неравномерно — одна впивалась в лопатку, и каждый раз, когда он шевелился, она входила

глубже. Артур уставился в потолок. Трещины, жёлтые пятна от сырости, старая лампа без плафона — на ней висела мушкетёрская мотылька, высохшая и хрупкая, как лист бумаги. Где-то за стеной кашлял ребёнок — надсадно, с присвистом, и кашель этот долго не мог уняться, разрывая тишину на части.

— Артур, — тихо позвал Макс.

— М?

— Ты веришь, что мы сможем это сделать? Завтра?

— Должны.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Макс замолчал. Через минуту его дыхание выровнялось, сделалось глубоким и ровным. Уснул, несмотря ни на что. Артур позавидовал ему — у самого сон не шёл, хоть глаза и резало от усталости, и веки наливались свинцом.

Он лежал и слушал, как тикают часы на тумбочке. Старые, ржавые, с погнутыми стрелками — они показывали половину восьмого, хотя он точно не заводил их и не помнил, чтобы они вообще шли. Но сейчас они тикали — мерно, настойчиво, и звук этот отдавался где-то под черепом, проникая в самые глубокие складки мозга.

Артур взял часы в руку, поднёс к лицу. Стекло треснутое, циферблат выцвел до бледно-жёлтого. Стрелки застыли. Но тиканье не прекращалось — оно, кажется, шло отовсюду сразу.

Он положил часы обратно. Закрыв глаза.

Перед внутренним взором встала фабрика. Серые стены, ржавые станки, тень, которая дышала жаром, и в этом жаре — чужие лица, как маски, что оплывают воском на свече. И Дженни, застывшая на мгновение, когда из неё вынули воспоминание. Он видел её лицо в тот миг — пустое, беззащитное, как у человека, который забыл, зачем вошёл в комнату, только в тысячу раз страшнее.

«Что, если завтра она потеряет не поцелуй, а нас? — подумал Артур. — Что, если проснётся и не узнает никого?»

Он отогнал мысль. Она не ушла, просто притаилась, затаилась под рёбрами, как зверёк, который ждёт, чтобы напасть.

4 октября 1986 года. Детройт. Мотель. Глубокая ночь.

Макс проснулся от того, что кто-то дышал ему в затылок.

Он лежал на животе, уткнувшись лицом в подушку, и чувствовал это чужое дыхание — тёплое, влажное, с запахом табака и старой кожи, как от человека, который курил всю жизнь и никогда не мыл руки. Не Артур. Не отец. Не мать. Совсем чужое, и оттого мороз продрал по хребту, проходя через позвоночник до самых пят.

Он не шевелился. Не открывал глаза. Сжал в кулаке край простыни — ткань была жёсткая, накрахмаленная, скрипнула под пальцами. Ждал. Сердце колотилось в ушах, и каждый удар отдавался в висках.

Дыхание не исчезало. Оно обдавало загривок, и каждый

выдох был чуть холоднее предыдущего, словно лёд таял где-то совсем рядом, в нескольких сантиметрах от его шеи.

Макс медленно, на пределе слышимости, повернул голову.

Никого. Темнота, влажный спёртый воздух и лунный свет, пробивающийся сквозь грязное окно — он лежал на полу бледными косыми квадратами, как разрезанный белой бумагой. Занавеска чуть колыхалась от щели в раме, и по комнате плыл запах мокрого асфальта, примешиваясь к табачному.

Он сел на кровати, стараясь не скрипнуть пружинами. Артур спал на соседней кровати, свернувшись калачиком, — не храпел, но дышал тяжело, с присвистом, как человек, застрявший в дурном сне, из которого не может выбраться. Часы на тумбочке показывали половину третьего. Он не помнил, чтобы они вообще шли, но сейчас они тикали — мерно, глухо, и звук этот разносился по комнате, как удары маленького молоточка по жести.

Макс уже хотел лечь обратно, но заметил полоску света под дверью. Не из коридора — из-под двери в номер, но свет был не электрический. Жёлтый, дрожащий, словно кто-то стоял с керосиновой лампой или старым фонариком на улице и светил прямо в щель.

Он встал. Половицы под босыми ногами были ледяными, и ступни мгновенно онемели от холода. На цыпочках подошёл к двери, прижался глазом к холодному металлическому глазку.

Коридор пуст. Только полоска света под дверью — и вдруг она исчезла, как будто кто-то задул свечу. Тишина. Потом где-то далеко скрипнула половица, и всё стихло, как будто звук утонул в вате.

Макс отодвинул задвижку — металл лязгнул, слишком громко в этой тишине, — и приоткрыл дверь.

На полу лежал конверт. Старый, мятый, без марок и обратного адреса. Бумага шершавая, желтоватая, будто пролежала в чьём-то кармане полвека, впитывая запах кожи и времени. Макс поднял его — конверт был холодным и чуть влажным, как от ночного тумана или от чужого дыхания, оставленного на бумаге. Зашёл в номер, закрыл дверь, снова задвинул задвижку.

Включил настольную лампу. Та зажглась не сразу — мигнула, потрескивая, и выбросила тусклый жёлтый свет, который едва доставал до края кровати, оставляя углы в густой тени.

— Артур, — позвал он шёпотом.

Никакой реакции. Только тяжёлое дыхание.

— Артур!

Тот вздрогнул, сел, моргая спросонья. Волосы торчали в разные стороны, на щеке краснел отпечаток подушки, и глаза были мутными, как у человека, которого вырвали из сна на глубине.

— Что? Что случилось?

— Тихо. Смотри.

Макс протянул конверт. Артур взял его, повертел в пальцах, потрогал край — бумага была ломкая, с волокнами, как старый пергамент, и на ощупь напоминала кожу.

— Откуда?

— На полу лежал. За дверью. Кто-то подсунул.

Артур вскрыл конверт, стараясь не порвать. Внутри оказалась фотография — чёрно-белая, картонная, с загнутыми уголками, как те, что печатали в начале века. От неё пахло пылью и чем-то сладковатым, как от старых книг и высушенных цветов. На снимке — мужчина в рабочем комбинезоне, с грубыми, мозолистыми руками, сложенными на коленях. Рядом женщина в длинной тёмной юбке, на руках — мальчик лет пяти. Деревянный дом за спиной, плетень, голое дерево, и небо, затянутое облаками. Семья. Обычная, бедная, каких тысячи.

На обороте карандашом, почти стёршимся: «Томас К. до цирка. 1919».

Макс потёр глаза, вгляделся в лицо мужчины.

— Кузнец. Тот самый. Которого Лиза рисовала. Которого Джек показывал на стекле.

Артур перевернул фотографию, посмотрел на лица. Мужчина не улыбался — только желваки на скулах, как у человека, который держит в себе слишком много. Женщина тоже. Мальчик глядел в объектив широко открытыми глазами — без страха, без улыбки, просто смотрел, как будто видел что-то за спиной фотографа, что-то, что ему одному было видно.

— Томас Кроули, — тихо сказал Артур. — До того, как стал клоуном. До того, как в него вселилась эта сущность.

— Кто её подбросил?

— Не знаю.

Макс заглянул в конверт — там лежало кое-что ещё. Маленький клочок бумаги, вырванный из блокнота, с неровными краями. На нём печатными буквами, чёрной ручкой, с сильным нажимом: «ВЫ НЕ ОДНИ. НЕ ДОВЕРЯЙТЕ ЛЮДЯМ В ФОРМЕ».

— Людям в форме, — прочитал Макс, и пальцы его сжали бумажку сильнее, чем нужно, так что она смялась по краям. — Полиция?

— Или военные. Или те, кто называют себя охотниками.

— Это не Саша?

— Саша не носила форму. И она не стала бы подбрасывать записки. Она пришла бы сама. — Артур взял клочок, поднёс к лампе, словно надеялся разглядеть водяные знаки или отпечатки. Бумага была самая обыкновенная, дешёвая, из школьной тетради.

Макс опустил на край кровати. Пружины скрипнули под его весом.

— Кто-то следит за нами. Знает, где мы остановились. Знает, кто мы.

— И хочет, чтобы мы не доверяли полиции.

— Ты и так не доверяешь.

— Теперь буду ещё меньше.

Артур положил фотографию на стол, рядом с ключом от фабрики. Жёлтый свет лампы падал на лицо кузнеца — тот смотрел прямо перед собой, и в его глазах читалось что-то вроде угрюмого спокойствия, как у человека, который знает больше, чем говорит. Ключ лежал рядом, холодный, как лёд, и от него исходил слабый металлический запах, смешиваясь с запахом старой фотографии.

— Надо показать остальным, — сказал Макс.

— Утром. Сейчас пусть спят. Им завтра в цех.

Макс кивнул. Лёг обратно, натянул одеяло до подбородка. Шерсть кололась, и каждый волосок впивался в кожу, как иголка. Он лежал и слушал, как за стеной капает вода — мерно, через ровные промежутки. Кап-кап-кап. Как метроном, который зачем-то завели посреди ночи.

Артур выключил лампу. Темнота навалилась плотная, вязкая, и в ней было трудно дышать.

Через минуту Макс снова сел.

— Я не усну.

— Я тоже.

— Откуда тот, кто подсунул конверт, знает про Томаса Кроули? Это было в особняке. В подвале. Только мы там были. И Джек.

— И Кроули.

— Кроули не мог. Он запечатан.

— Запечатан, — согласился Артур и повернулся на бок, скрипнув пружинами. — Но не уничтожен. Может, нашёл

способ передать весточку. Через Джека.

— Джек в подвале. Он не ходит по мотелям.

— Не ходит. Но кто-то ходит.

Помолчали. Где-то в коридоре скрипнула дверь — соседний номер. Шлёпанцы зашаркали по линолеуму: шарк-шарк-шарк. Потом стихли, как будто их поглотила стена.

— Может, это Лондон, — сказал Макс, глядя в потолок, где трещины складывались в карту несуществующей страны.

— Те, про кого говорила Саша. Хранители. Они следят.

— Или Кейн. Элиас сказал, он опасен.

— Или сам Элиас.

— Ты не доверяешь Элиасу?

Макс перевернулся на бок, подпёр голову рукой.

— Я никому не доверяю. После того, что мы видели, доверять можно только тем, кто прошёл через то же самое.

— Им, — Артур кивнул на стену, за которой спали Дженни, Лиза и Эмма. Оттуда не доносилось ни звука, только ровное дыхание сквозь тонкую стену.

— Им — да. Остальным — нет.

Макс снова лёг. Закрыв глаза. Сон не шёл. Перед внутренним взором стояли лица с фотографии — мужчина, женщина, мальчик. Мальчик смотрел на него не мигая, его глаза были тёмными, как две точки в пустоте.

«Ты вырастешь, — подумал Макс. — Ты станешь клоуном. Ты станешь монстром. И я должен буду тебя остановить».

Он перевернулся на живот, уткнулся лицом в подушку. Она пахла чужим шампунем — дешёвым, приторным, с отдушкой, которая только подчёркивала затхлость, въевшуюся в ткань за многие годы.

Под утро он всё-таки провалился в сон — тяжёлый, как вязкое болото, из которого не выбраться. Ему приснилась фабрика. Не та, куда они ходили днём, а другая — станки горели ровным оранжевым огнём, без дыма, и между ними бродили люди без лиц, без рук, одни силуэты, скользящие по металлу. В центре стоял кузнец — Томас Кроули — и бил молотом по наковальне. Каждый удар отдавался в груди, как второй пульс, глубокий, сотрясающий всё тело, и эхо от него разбегалось по цеху.

— Ты придёшь ко мне, — сказал кузнец, не поднимая головы, и голос его был как скрежет металла о металл, как ржавые петли, которые открывают в последний раз. — Все вы придёте.

Макс хотел ответить, но язык прилип к нёбу, и в горле стоял ком, который не давал дышать.

Он проснулся в холодном поту. Футболка прилипла к спине, и ткань была мокрой насквозь. За окном серело — то самое время, когда ночь уже ушла, а день ещё не наступил, и мир висит в пустоте между двумя состояниями. Часы на тумбочке показывали шесть утра.

Макс сел, потёр лицо ладонями. Кожа была липкой и горячей. Артур уже не спал — сидел на своей кровати, присло-

нившись спиной к стене, и сжимал в руке фотографию кузнеца. Его глаза были открыты, но он смотрел сквозь стену, куда-то вперёд.

— Доброе утро, — сказал Артур. Голос хриплый со сна, с металлической ноткой.

— Доброе.

— Ты храпел.

— Не храпел.

— Храпел. Но тихо. Как щенок.

Макс хотел огрызнуться, но передумал. Взял фотографию, ещё раз посмотрел на мальчика. Пять лет. Он сидел на руках у матери и не знал ещё, кем станет через двадцать лет.

— Ему было пять, — сказал Макс. — Он не знал.

— Никто не знает. Мы тоже не знали.

Макс положил фотографию на стол, рядом с ключом. Железо ключа всё ещё было холодным, и от него шёл слабый металлический запах, смешиваясь с запахом старой бумаги.

— Пора будить остальных.

— Пора, — Артур встал, потянулся так, что хрустнули плечи, и кости отозвались сухим треском.

Он подошёл к двери, выглянул в коридор. Пусто. Только половицы скрипели под чьими-то далёкими шагами, и в воздухе плавал запах кофе и дешёвого мыла, смешанный с запахом сырости. Мотель просыпался — хлопали двери, шумела вода в трубах, где-то кашлял тот самый ребёнок, надсадно и долго.

— Идём. Сегодня последний день.

— Или первый, — сказал Макс, натягивая свитер через голову. Ткань пахла потом и гарью.

— Первый чего?

— Первый день, когда мы перестанем бояться.

Артур посмотрел на него — долго, пристально, — потом кивнул. Ничего не сказал, но кивнул, и в этом жесте было больше, чем в любых словах.

Они вышли в коридор. Под ногами — истёртый линолеум, местами протёртый до дыр, под ним угадывались доски, которые скрипели при каждом шаге. Макс постучал в дверь девушек — три коротких удара, костяшками.

Эмма открыла сразу. Не спала — сидела на подоконнике, обхватив колени руками, и смотрела в окно, где серое утро разгоняло ночь. В комнате пахло сигаретами и холодом от открытой форточки, и на полу валялись скомканные окурки.

— Ты чего не спишь? — спросил Макс.

— Думала.

— О чём?

— О том, как не потерять себя.

Она спрыгнула с подоконника, взяла куртку. За её спиной Лиза уже запихивала в рюкзак блокнот, два куска мела — белый и жёлтый — и горсть остро заточенных карандашей. Движения были быстрыми, точными, она явно продумала каждое и не тратила времени на лишние жесты.

— Завтрак? — без особой надежды спросил Макс.

— Потом. Сначала фабрика.

Дженни вышла последней. Лицо бледное, почти серое, но глаза горели — сухие, сосредоточенные, с той особенной ясностью, которая приходит перед самым трудным шагом. На ладони был свежий порез, который она сделала ночью, чтобы проверить, работает ли ещё кровь. Работала. Нитка на запястье потеплела, едва она переступила порог номера, и тепло это разлилось по всей руке, до локтя, до самого плеча.

— Пошли, — сказала она, и в голосе не было ни страха, ни сомнения — только холодная, стальная решимость.

Они вышли на улицу. Детройт встречал их туманом — густым, молочным, он лежал в низинах и цеплялся за ржавые остовы машин, за брошенные крыши, за сухие ветки кустов. Воздух был холодный и влажный, пах гарью и прелой листвой, и откуда-то издалека тянуло кисловатым заводским дымом. Солнце ещё не поднялось, но небо на востоке уже наливалось бледной желтизной, пробиваясь сквозь серую пелену.

5 октября 1986 года. Детройт. Мотель. Утро.

Лиза не спала почти всю ночь.

Она лежала на кровати, свернувшись калачиком под колючим одеялом, но глаза не закрывались. В голове крутились круги — линии, дуги, пересечения, подковы, которые надо замкнуть в нужный момент. Она мысленно чертила их на по-

толке, где желтели разводы от протечек. На стенах, оклеенных дешёвыми обоями в цветочек. На обратной стороне век, стоило только опустить ресницы.

Когда в коридоре зашаркали шаги Макса и Артура, она уже сидела на кровати, скрестив ноги, и держала в руках раскрытый блокнот. Карандаш зажат в пальцах, грифель сточен почти под корень, и на пальцах остались тёмные следы от графита.

— Ты не спала? — Эмма села на кровати, зевая, и потянулась за пачкой сигарет на тумбочке.

— Спала, — Лиза мотнула головой, не отрываясь от рисунка. — Немного.

Врала она неубедительно — голос был сиплый, а под глазами залегли такие тени, что никакой сон не помог бы. Она встала, перешагнула через скомканное одеяло и подошла к столу. Разложила листы веером. План фабрики был почти готов — она дорисовывала последний цех, помечая колонны крестиками, проходы стрелками, а места, где Пустота возникала в прошлый раз, обводила красным карандашом, сильно нажимая, так что грифель крошился и оставлял на бумаге мелкие красные крупинки.

— Что это? — Дженни заглянула из-за её плеча. От неё пахло мылом и бинтами — она только что перевязывала ладонь, и бинт был свежим, белым, туго намотанным.

— Схема. Чтобы не заблудиться.

— А круги?

Лиза перевернула страницу. Там было нарисовано двенадцать кругов — разного размера, с подковами, пересекающимися дугами и мелкими значками по краям. Она скопировала их из старой книги бабушки Дженни, той самой, с защитными знаками, которую листала до дыр в подвале. Некоторые символы она не понимала до конца, но рука уже запомнила их наизусть — веди линию слева направо, закругляй к центру, ставь точку в нужном месте.

— Один круг держал её минуту. Двенадцать продержатся дольше.

— А если не продержатся?

— Тогда я нарисую ещё.

Она отложила блокнот, взяла со стола два куска мела — белый и жёлтый. Белый был мягче, пачкал пальцы и оставлял яркую, почти светящуюся линию на любой поверхности. Жёлтый — твёрже, суше, на сером бетоне его почти не видно, но он лучше держится, не стирается от влаги. Лиза сунула оба в карман куртки. Рядом положила запасные карандаши — простые и цветные, на всякий случай. Красный — для Пустоты. Синий — для воды, если вдруг понадобится отметить влажные пятна. Чёрный — для границ, самых чётких и важных.

— Ты берёшь всё это с собой? — Эмма прикурила сигарету, выпустила дым в форточку, наблюдая, как он тает в сыром утреннем воздухе.

— Всё. На фабрике не будет второго шанса сбегать за мел-

ком.

Лиза попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривая, одними уголками губ, и в глазах у неё блеснула влага, которую она тут же смахнула рукавом.

В дверь постучали. Три раза, коротко, костяшками.

— Это мы, — голос Артура из коридора прозвучал глухо, как сквозь подушку. — Маркус пришёл.

Лиза открыла дверь. На пороге стоял Маркус. Та же армейская куртка, тот же бритый череп, те же пустые глаза — но сегодня в них зажглось что-то ещё. Решимость? Или отчаяние? Лиза не могла разобрать. От него пахло табаком и уличной сыростью, на плечах куртки блестели капли тумана, и он сжимал в руке маленький пакетик — бумажный, свёрнутый в трубочку.

— Я иду с вами, — сказал он.

— Ты вчера сказал, что не вернёшься. — Артур встал у Лизы за спиной, скрестив руки на груди, и его голос был твёрже, чем он чувствовал.

— Передумал. — Маркус посмотрел на Дженни, которая сидела на кровати и перевязывала ладонь. — Она права. Если не закончить это сейчас, Пустота будет приходить снова и снова. К матери. Ко мне. К другим.

— А если не получится? — Макс высунулся из-за косяка, держа в руке нож, который он то открывал, то закрывал, проверяя механизм.

— Получится. — Маркус проговорил это без уверенно-

сти, но и без дрожи в голосе. — У неё нет выбора.

— У всех есть выбор.

— У неё нет. — Он поднял глаза на Артура, и взгляд был тяжёлый, как мокрый асфальт. — Потому что мы его уберём.

Лиза больше не слушала. Она собрала блокнот, проверила, не выпадают ли карандаши из карманов, завернула мелки в тряпку — старую фланелевую тряпицу, которую взяла у бабушки Дженни, чтобы не крошились в пути. Провела пальцами по каждому предмету: блокнот, карандаши, мелки, ластик, точилка. Всё на месте.

— Я готова.

— Я тоже. — Дженни встала, затянула бинт зубами, завязала узел и прикусила кончик, отрывая его.

— И я. — Макс поправил нож в кармане, проверяя, чтобы рукоять была под рукой.

Эмма молча кивнула, затушила сигарету в пепельницу, надела куртку и застегнула молнию до самого горла. Артур обвёл всех взглядом — медленно, задерживаясь на каждом, — потом посмотрел на Маркуса.

— Ты знаешь дорогу?

— Знаю. Я там был. Больше не хочу, но помню.

— Веди.

Они вышли из мотеля. Утро встретило их серым, влажным холодом, который пробирался под куртки и оседал каплями на волосах, на ресницах, на щеках. Солнца не было — небо затянуло низкой, тяжёлой пеленой, и где-то далеко, за

ржавыми крышами, гудел поезд. Звук этот смешивался с ветром и запахом гари — сладковатым, удушливым, который напоминал о фабрике. Воздух был такой плотный, что его можно было пить, и каждый вдох давался с трудом.

Маркус шёл первым, не оборачиваясь. За ним — Артур и Лиза. Потом Дженни и Эмма. Макс замыкал, то и дело оглядываясь через плечо, проверяя, не идёт ли кто следом.

— Ты не боишься? — спросила Лиза, догоняя Маркуса. Её шаги были короче, и ей приходилось почти бежать, чтобы поравняться с ним.

— Боюсь. — Он не сбавил шага, даже не повернул головы. — Но мать сказала: если не победить страх сейчас, он будет есть тебя всю жизнь.

— Умная мать.

— Была.

— Была? — Лиза споткнулась на ровном месте, и Артур поддержал её за локоть.

— Она жива. Но после того раза... — Маркус сжал кулаки в карманах, и ткань куртки натянулась, обрисовывая напряжённые мышцы. — Часть её умерла. Та, что улыбалась. Я хочу вернуть ей эту часть.

Лиза замолчала. Под ногами хрустел гравий, и ветер гнал по асфальту обрывки газет и жухлые листья, которые цеплялись за ботинки.

Фабрика выросла перед ними из тумана — внезапно, как скала из воды, вырастая из серой пелены. Красный кирпич,

выбитые окна, ржавые ворота, на которых ещё можно было разобрать полустёртые буквы: «Форд-Парк». Символы на асфальте, которые Лиза чертила вчера, почти стёрлись за ночь — дождь или ветер, или что-то другое, — но кое-где ещё белели прерывистые линии, как следы от мела на доске.

— Кто-то пытался запечатать вход, — сказал Маркус, глядя на остатки кругов.

— Не важно. — Артур остановился перед дверью. — Сегодня мы сделаем это сами.

Он повернулся к Лизе. В утреннем свете его лицо казалось старше — резче обозначились скулы, глубже залегли тени у глаз, и на лбу проступили тонкие морщины, которых не было вчера.

— Ты готова?

— Да.

Лиза достала из кармана белый мел — тот, что помягче, — присела на корточки прямо на холодный асфальт и начала чертить первый круг у самого входа. Мел оставлял яркую, почти светящуюся линию, и звук был такой — шершавый, скребущий, как будто кто-то проводил ногтём по штукатурке.

Дверь фабрики была приоткрыта. Из щели тянуло холодом и сладковатым запахом горелого дерева, который уже въелся в память и теперь ассоциировался только с одним.

Внутри ждала темнота. Густая, почти осязаемая, она колыхалась в дверном проёме, как вода в колодце — чёр-

ная, неподвижная, но готовая сомкнуться над головой, стоит только шагнуть вперёд.

— Идём, — сказал Артур, и голос его был ровным, как сталь.

Он шагнул первым. За ним — остальные. И дверь за ними закрылась с глухим, тяжёлым стуком, как захлопывается крышка гроба.

ГЛАВА 7.

5 октября 1986 года. Детройт. Фабрика «Форд-Парк», цех № 4. День.

В цех они вошли через два часа после рассвета. Свет с улицы едва пробивался сквозь запылённые окна под потолком, ложился на бетон косыми бледными полосами, в которых кружились мириады пылинок — медленно, как в замедленной съёмке. Воздух здесь был холодный и густой, пах ржавчиной, старым машинным маслом и чем-то сладковатым — тем самым, что теперь ассоциировалось только с одним. Этот запах уже вьёлся в ноздри, оседал на языке липким налётом, и от него хотелось откашляться, но горло сжималось.

Лиза шла первой. За ней тянулась белая меловая линия — она выводила круги, подковы, пересекающиеся дуги на каждом третьем шагу, приседая на корточки прямо на ходу. Мел скрежетал по бетону, и звук этот разносился по пустому цеху гулким эхом, отражался от станков, возвращаясь искажённым, как будто кто-то повторял его с другой стороны помещения. Каждый знак она рисовала медленно, с задержкой дыхания, чтобы рука не дрогнула. Один неверный штрих — и защита лопнет, как мыльный пузырь, и тогда они останутся без прикрытия. Бабушка Дженни говорила: «Рисунок должен дышать. Если линия дрогнула — стирай и начинай

заново». Лиза не стирала. Рука шла ровно, и мел крошился под пальцами, оставляя белую пыль на джинсах, на ботинках, на полу.

Маркус шагал следом, нёс старые часы. Тяжёлые, с толстым выпуклым стеклом и ржавым корпусом, облезшим по краям, с потёртой медной ручкой для завода. Внутри что-то тихо позвякивало — не тикало, а именно позвякивало, как будто шестерёнки цеплялись друг за друга в темноте, пытаюсь найти свой ритм. Он держал часы обеими руками, прижимая к животу, и от металла шёл холод, который пробирал даже через армейскую куртку, оставляя на груди мокрое пятно от конденсата.

— Стой, — сказала Лиза, когда они дошли до середины цеха.

Здесь потолок уходил выше, и колонны стояли реже — бетонные, массивные, с выщербленными углами и тёмными пятнами от старой плесени. Она начертила последний круг — самый большой, метра три в диаметре, прямо в центре помещения, там, где бетонный пол был ровнее всего, без трещин и выбоин. Белая линия замкнулась, и воздух вокруг сразу стал плотнее, словно на уши надавило невидимой подушкой. Лиза выпрямилась, встала на самой границе круга, подняла голову.

— Дженни, ты в центр.

Дженни молча кивнула и перешагнула белую черту. Под ногами хрустнула бетонная крошка, и звук этот был оглуши-

тельным в тишине. Она остановилась в центре, повернулась лицом к тому месту, откуда вчера сочилась тень.

Артур, Макс и Эмма расположились по краям, за линиями. Лица у всех были серые от холода и недосыпа — под глазами залегли тени, губы потрескались, и пальцы дрожали даже в карманах. Макс то и дело поправлял нож в кармане, проверяя, на месте ли рукоять, и каждый раз, когда пальцы касались металла, он чуть успокаивался. Эмма сжимала в пальцах незажжённую сигарету, как талисман, и вертела её так, что табак сыпался на пол мелкой коричневой пылью. Маркус встал рядом с Лизой, прижимая часы к груди — они уже начали нагреваться, и тепло это было слабым, но ощутимым даже сквозь ткань куртки.

— Ты готов? — спросил Артур, глядя на Маркуса.

— Нет. — Голос у того был глухой, с хрипотцой, как у человека, который не пил воды несколько дней. — Но мать ждёт.

Дженни вытащила из кармана маленький складной нож — Эмма одолжила, и лезвие блеснуло в сером свете, падающем из окон. Рукоятка была тёплой от чужой ладони, и на ней остался едва заметный отпечаток большого пальца. Дженни сжала её и посмотрела на свою руку. Старый порез ещё не зажил, кожа уже стянулась в тонкий розовый рубец, но под ним, глубоко, чувствовалось слабое биение — не пульс, а что-то другое, что просыпалось, когда она думала о фабрике. Она полоснёт рядом.

— Начиная.

— Погоди. — Артур перешагнул через линию круга, по-
дошёл к ней вплотную. Ботинки его скрипнули по бетону, и
мел под ними слегка стёрся, но он не обращал на это внима-
ния. — Ты уверена?

— Уже нет. — Она коротко выдохнула, и этот выдох по-
лучился почти смешком — горьким, сухим, без тепла. — Но
назад не побегу.

Он опустил взгляд на её ладонь. На старый порез, на све-
жий бинт, на красную нитку, которая сейчас пульсировала
теплом так явно, что он видел, как ткань на запястье чуть
приподнимается от каждого удара.

— Держись.

— Держусь.

Он вернулся за линию. Дженни подняла нож.

Маркус шагнул вперёд — к самому краю круга, так что
носки ботинок почти коснулись меловой черты, оставляя на
ней едва заметные следы от грязи.

— Пустота! — крикнул он.

Голос его дрожал, срывался на хрип, но эхо подхватило
крик и понесло по цеху, дробя о стены, о балки, о ржавые
кожухи станков. Слово «Пустота» повисло в воздухе, разрас-
таясь, и Лиза почувствовала, как мел на полу под её пальца-
ми стал чуть теплее.

— Я пришёл договориться!

Тишина. Густая, плотная, она навалилась на плечи и, ка-

залось, вытянула из цеха все звуки — даже шаги, даже дыхание, даже тиканье часов, которое вдруг заглохло, как будто время остановилось. Маркус стоял, сжимая часы, и слышал только собственную кровь, которая стучала в ушах.

А потом воздух начал нагреваться. Пошёл волнами, как над раскалённым асфальтом в самый зной — сначала у пола, потом выше, и каждый вдох стал обжигающим. Сладковатый запах усилился и стал приторным, почти тошнотворным, он забивал ноздри и оседал на языке, как сахарная вата, в которую добавили горечь. Из дальней стены, из трещины в кирпичной кладке, начала сочиться серая тень. Она вытекала медленно, лениво, клубилась у пола, перетекала через ржавые рельсы и брошенные станки, огибала колонны, как вода обходит камни. Внутри неё, в глубине, проступали лица — размытые, как отражения в грязной воде, как фотографии, которые пролежали в сырости десятилетия. Те, чью память она высосала досуха. Они проплывали одно за другим: мужчина с усами, женщина с высоким воротником, мальчик лет двенадцати — и исчезали, сменяясь новыми.

— Я отдам тебе свои воспоминания, — Маркус говорил громко, стараясь, чтобы голос не сорвался снова, но в горле пересохло, и каждое слово выходило с усилием. — Год школьной жизни. Ты возьмёшь их и уйдёшь. Навсегда. Оставишь мою мать. Оставишь этот город.

Пустота не отвечала. Она висела перед ними, переливаясь грязными оттенками серого — от пепельного до свинцового,

— и от неё тянуло жаром, таким сухим, что губы трескались прямо на глазах.

— Слышишь меня?

— Слышу.

Не голос. Вибрация. Воздух сам стал звуком, и звук этот шёл отовсюду сразу — от стен, от пола, от ржавых балок под потолком, от бетона, который начал вибрировать под ногами. Стены дрожали, мелкая пыль посыпалась с балок, и стекло в часах мелко задребезжало, издавая тонкий, пронзительный звон. Маркус прижал их к себе крепче, чувствуя, как вибрация передаётся в руки, в грудь, в зубы.

— Твоя память не нужна мне. — Слова тянулись, как патока, как густой сироп, который медленно стекает по стенкам банки. — Твоя мать — не нужна.

— А что тебе нужно? — Артур шагнул ближе к кругу, но за линию не переступил. Пальцы его вцепились в край куртки.

— Свежая кровь. — Пауза, и в этой паузе что-то закатало внутри тени — низкий, булькающий звук, как вода в пересохшем колодце, куда наконец упал камень. — Тёплая. С настроением.

— Бери! — крикнула Дженни.

Она полоснула ножом по ладони — резко, без замаха, и лезвие вошло в кожу с сухим, влажным звуком. Кровь брызнула на серый бетон, и капли задымились, как будто упали на раскалённую сковороду — белый пар поднялся от них, и за-

пах стал металлическим, острым, смешиваясь со сладостью.

Пустота дёрнулась. Вся её серая масса метнулась к Дженни, к кругу, и ударилась о невидимую стену с глухим, низким ударом, от которого пол под ногами качнулся. Белые линии круга вспыхнули холодным светом — не ярким, а именно холодным, как лунный свет в морозную ночь, — и мел засиял, как неоновая трубка, на миг осветив всю сцену. Тень отпрянула, зашипела — звук был похож на брызги воды на горячем масле, на то, как шипит мокрое полено в костре.

— Стоит, — выдохнула Лиза. Она стояла на коленях у края круга, сжимая в пальцах обломок мела, готовясь чертить новый слой, если этот начнёт стираться. — Круг держит.

— Долго? — Макс уже выхватил нож из кармана и сжимал его побелевшими пальцами, лезвие было направлено в сторону тени.

— Минуту. Может, две.

Дженни подняла порезанную руку. Кровь стекала по запястью, капала с пальцев, оставляла на бетоне тёмные, почти чёрные пятна, которые тут же впитывались в пористую поверхность, как вода в песок. Она держала руку высоко, чтобы капли падали с высоты и разбивались о пол с тихим, влажным шлепком.

— Ты хотела крови — бери. Но сначала отпусти Маркуса и его мать.

Пустота замерла. Она билась о границу круга — не рва-

лась, а именно билась, словно что-то огромное и невидимое упиралось в стекло, пытаясь продавить его, но стекло держало. И в этой неподвижности было больше угрозы, чем в любом движении. Серая масса переливалась, пульсировала, и внутри неё, в самой глубине, начало формироваться что-то похожее на лицо — смазанное, оплывающее, с провалами вместо глаз.

— Кровь Бруксов, — прошептал воздух, и звук этот прошёл сквозь кости, отдался в зубах, заставил вибрировать грудную клетку. — Старая. Сильная. Пахнет жертвой.

— Я последняя. — Дженни не опускала руки, хотя мышцы уже начинали дрожать от напряжения. — Бери, пока я не передумала.

Тень заколебалась. Медленно-медленно она вытянула нечто, похожее на руку — серую, зыбкую, без пальцев и без костей, один дым, сгусток марева, — и коснулась головы Маркуса.

Маркус застыл. Глаза его закатились так, что остались только белки, из носа потекла тонкая струйка крови, чёрная в полутьме, и побежала по губе, по подбородку, капая на воротник куртки. Часы в его руках затихли — перестали позвякивать, замерли, будто время внутри них остановилось.

— Забирай, — прошептал он, и губы едва шевелились, как у человека в глубоком сне.

Пустота начала тянуть из него светлую дымку. Она выходила из висков, из макушки, из полуоткрытого рта — тонкие,

светящиеся нити, которые тут же втягивались в серую тень, растворялись в ней, как капли краски в воде. Маркус отдавал год. Не самый важный, не самый счастливый, но живой. Лица одноклассников — прыщавые, смешливые, с разными причёсками и разными голосами. Имена учителей — миссис Харрис с родинкой на щеке, которая всегда пахла ванилью, мистер Гэллоуэй, который вечно кашлял и стучал указкой по столу. Первая контрольная по математике, страх перед красной ручкой, когда она опускается на тетрадь. Первая драка в раздевалке — разбитая губа и вкус крови во рту, солёный и железистый. Вкус школьного обеда — резиновые сосиски и жидкое пюре, от которого оставался неприятный привкус на нёбе. Запах меловой доски и мокрой тряпки, которой стирали надписи. Звонок на перемену — пронзительный, дребезжащий, от которого внутри всё сжималось. Всё это плыло в воздухе, светилось тусклым светом, и втягивалось в серую тень, исчезало навсегда, как будто никогда не существовало.

Маркус пошатнулся, но устоял, сжав челюсти так, что желваки заиграли на скулах. Эмма рванулась к нему и замерла у самой черты — не могла переступить, линии круга держали её, как невидимая стена, и она прикусила губу до крови.

— Отпусти мать, — выдавил он сквозь зубы. Голос его был чужим, как будто говорил кто-то другой из его горла.

Пустота снова коснулась его — уже мягче, почти невесомо, как касание сухой ладони. Дымка прекратилась. Тень от-

ступила на шаг, и жар, который шёл от неё, начал спадать, будто закрыли печную заслонку.

— Принято.

Слово упало, как камень в воду. Тишина сомкнулась, и Лиза почувствовала, как мел под её пальцами остыл, перестал светиться.

Пустота сжалась. Свернулась в серый клубок, уплотнилась, стала размером с кулак, потом — с грецкий орех, и втянулась в старые часы, которые Маркус прижимал к груди. Стекло часов щёлкнуло, и внутри что-то провернулось с металлическим скрежетом. Стрелки — обе, часовая и минутная, — дёрнулись, и начали тикать. Ровно, монотонно, как сердцебиение в пустой груди. Тик-так. Тик-так. Тик-так.

Цех опустел. Стал обычным. Холодным, тёмным, с запахом ржавчины и пыли, который вытеснил сладость и уступил место привычной заводской сырости. Сладковатый привкус ещё висел в воздухе, но уже выветривался с каждой секундой, как дым от потушенной свечи.

Маркус рухнул на колени. Часы выпали из его рук и покатились по бетону, оставляя на полу тонкий круговой след от пыли. Эмма перешагнула линию — мел уже стёрся, защита упала, — подхватила его под мышки, придерживая, чтобы он не упал лицом вниз.

— Живой? — спросила она, вглядываясь в его лицо. Она видела, как из носа всё ещё сочится кровь, и в глазах его было что-то мутное, как после долгого сна.

— Не знаю. — Он облизал губы, и язык оставил на них красный след от крови. — Кажется, да.

Дженни зажала ладонь платком — белая ткань быстро намочла и стала тёмно-красной. Лицо у неё стало белое, как тот самый мел, и глаза запали, будто она сама потеряла что-то важное, но она стояла на ногах, сжимая кулак.

— Вы как? — Артур подошёл, взял её за локоть, чувствуя, как она дрожит под его пальцами.

— Жива. — Она слабо улыбнулась одними губами, и улыбка эта была кривой, сухой. — Но больше никогда не буду донором.

Лиза подняла с пола часы — осторожно, двумя пальцами, как ядовитую змею. Стекло было тёплым, почти горячим, и она чувствовала под ним слабую вибрацию — тиканье, которое отдавалось в пальцах. Она завернула их в тряпку, которую принесла с собой, и они перестали быть видны, но слышны были — тихое, мерное сердцебиение.

— Пустота внутри, — сказала она. — Молчит.

— Надолго? — Макс убрал нож в карман, но руку не вынул — пальцы всё ещё сжимали рукоять через ткань.

— Пока часы идут.

— А если остановятся?

— Тогда она выйдет снова.

— Не остановятся. — Артур взял у Лизы свёрток, взвесил в руке. От часов исходило ровное тепло, и он чувствовал его даже сквозь тряпку и куртку. — Мы их спрячем. Там, где

никто не найдёт.

Маркус поднялся, опираясь на плечо Эммы. Его шатало, и колени подгибались, но он выпрямился, вытер кровь с лица тыльной стороной ладони, оставляя на коже красный развод.

— Отдайте их мне. Я спрячу. Я должен. Это мой город. Моя фабрика.

— Ты уверен?

— Нет. — Он протянул руку, и пальцы его дрожали, но не от страха — от усталости. — Но мать ждёт.

Эмма посмотрела на Артура. Тот кивнул, и в этом кивке было что-то тяжёлое, как окончательное решение.

Часы перешли к Маркусу. Он прижал их к груди, как ребёнок, и почувствовал, как тепло от них впитывается в ткань куртки, в кожу, в самое нутро.

Они вышли из цеха. Снаружи было светло — солнце наконец пробило серую пелену, и лучи легли на ржавые ворота, на мокрый асфальт, на выбитые окна, отражаясь в лужах. Детройт казался чуть менее серым, чем вчера. Или это просто усталость меняла восприятие, делала цвета ярче, контрастнее.

— Ты как? — Лиза догнала Маркуса у ворот. Ветер трепал её волосы, и она придерживала их рукой, глядя ему в лицо.

— Я не помню, как звали мою первую учительницу. — Он смотрел прямо перед собой, на дорогу, уходящую в город, на редкие машины и серые дома с облупившимися фасадами. — Не помню, что я делал на прошлый Новый год. Не пом-

ню, как плавал в первый раз — в реке, за городом. Но маму помню. Она улыбается.

— Ты справился.

— Мы справились.

Он опустил взгляд на свёрток в своих руках. Ткань уже начала подсыхать, и часы внутри тикали ровно, успокаивающе.

— Спрячу в подвале. Под половицей. Никто не найдёт.

— А ты сам найдёшь?

— Каждый день буду спускаться и слушать. — Он посту- чал пальцем по стеклу, и стрелки на мгновение сбились с ритма, но тут же вернулись. — Если тикают — всё в порядке.

Он развернулся и пошёл к своему дому, не оглядываясь. Фигура его быстро стала маленькой и серой на фоне серых домов, и через минуту он скрылся за углом, растворившись в городе, который начинал дышать свободнее.

Группа осталась стоять у ворот. Лиза смотрела на белые круги на асфальте — они уже стирались, превращались в пыль под ветром, который гнал по асфальту сухие листья.

— Детройт мы закрыли, — сказал Артур. Голос его был хриплым, и он откашлялся, прочищая горло.

— Теперь Нью-Йорк.

— Путь долгий.

— А мы никуда не спешим.

Эмма хотела возразить, но не стала. Вместо этого закури- ла наконец — долго, с наслаждением, вдыхая дым так глу-

боко, как будто это был первый вдох за всю поездку. Сигарета тлела, и запах табака смешивался с запахом уходящей сырости.

Они пошли к мотелю собирать вещи. У Лизы в кармане остался кусок жёлтого мела — тёплый, чуть влажный от пальцев. Она сунула туда же блокнот, карандаши, выцветшую фотографию кузнеца, которую кто-то подsunул им под дверь, и кольцо с буквой «Б», которое Дженни нарисовала и вырезала из плотной бумаги. Всё это теперь было частью их сети — тонкой, хрупкой, но живой.

Часы тикали в руках Маркуса где-то там, в глубине серых кварталов. Детройт выдыхал, и воздух становился чище, как после долгой грозы.

Лиза обернулась на фабрику. Окна чернели пустыми провалами, и ей показалось, что за ними больше никто не стоит. Никто не смотрит. Она перевела дыхание.

— Поехали, — сказала она.

Они свернули за угол, и фабрика скрылась за ржавыми крышами. Город провожал их тишиной — той особенной, глубокой тишиной, какая бывает только после того, как что-то страшное наконец закончилось.

5 октября 1986 года. Детройт. Дом Маркуса. Вечер.

До дома Маркуса добрались через час после фабрики. Солнце уже начало клониться к закату, и тени от домов ста-

ли длинными, вытянутыми, как пальцы, которые тянутся к земле.

Улица была узкая, зажатая между глухими брандмауэрами, и дом стоял в самом её конце — облупившаяся краска, покосившееся крыльцо с треснувшей ступенькой, заколоченное фанерой подвальное окно, в которое давно никто не заглядывал. Но за мутными, потрескавшимися стёклами горел свет. Тусклый, жёлтый, живой. Он пробивался сквозь занавески и ложился на чахлый куст у порога бледным квадратом, как приглашение войти.

Маркус толкнул дверь — она подалась с тяжёлым скрипом, и петли, заржавевшие от времени, протестующе застонали, — пропустил всех внутрь.

В прихожей пахло старыми вещами. Пылью, нафталином, капустным супом, который томился где-то в глубине дома, и табаком — дешёвым, крепким, от которого першит в горле и щиплет глаза. На деревянной вешалке висело мужское пальто — серое, пыльное, с залоснившимися рукавами, давно не ношенное, и от него пахло плесенью. Рядом — женская куртка, протёртая на локтях почти до дыр, с оторванной пуговицей на вороте. Из кухни тянуло теплом и запахом варёных овощей, и где-то в глубине дома тикали ходики — размеренно, как пульс.

— Мам, это они, — сказал Маркус.

Из кухни вышла женщина. Лет сорока, но выглядела на все пятьдесят — седые волосы стянуты в тугой узел на затыл-

ке, из которого выбились несколько прядей, глубокие морщины вдоль губ и на лбу, руки в трещинах, с тёмными ободками под ногтями. От неё пахло мылом и усталостью. Лицо было измученным, но глаза смотрели ясно, внимательно — и цепко, так цепко, что хотелось отвести взгляд. Она перевела его с одного на другого, задержалась на забинтованной руке Дженни, на бледном лице Лизы, на серых кругах под глазами Макса.

— Вы те, кто помог моему сыну. — Она не спрашивала, даже голоса не повысила, просто произнесла это как факт, как констатацию погоды.

— Мы просто... были рядом, — начал Артур.

— Не врите. — Она подошла к нему вплотную, задрала голову, заглянула прямо в лицо. От неё пахло табаком и луком, и дыхание было горячим. — Я не знаю, что вы сделали, но я вижу разницу. Он раньше не спал. Кричал по ночам так, что соседи стучали в стену, и я боялась, что они вызовут полицию. А сегодня пришёл — тихий. Не весёлый, но спокойный. Я смотрела ему в глаза и видела, что там кто-то есть.

— Мам, хватит. — Маркус шагнул к ней, взял за плечо, и пальцы его дрожали, но не от слабости.

— Не хватит. — Она стряхнула его руку — мягко, но решительно, как отмахиваются от назойливой мухи. — Ты мой сын. Я имею право знать, кто тебя спас.

Дженни вышла вперёд. Всё ещё бледная, с забинтованной ладонью, которую она держала прижатой к груди, но голос

держала ровно.

— Мы не спасали. Мы просто помогли ему договориться.

— С кем?

— С тем, что жило на фабрике.

Женщина перевела взгляд на Дженни. Смотрела долго — секунд десять, не меньше, и в эти секунды в комнате было так тихо, что слышно стало, как тикают старые ходики на стене и как где-то в подвале капает вода — кап-кап-кап, с интервалом в четыре удара сердца. Потом она перекрестилась — истово, по-старообрядчески, двумя перстами, от лба к животу, от плеча к плечу.

— Господь с вами, девочка.

— Может быть. — Дженни не отводила глаз. — Может, и нет.

Маркус мягко обнял мать за плечи, развернул к двери, ведущей в глубь дома.

— Мам, иди отдохни. Я провожу их и вернусь.

— Хорошо, сынок. — Она взяла его лицо в свои сухие, горячие ладони и поцеловала в лоб. Губы у неё были тёплые и шершавые, как старая бумага. — Возвращайся.

Она ушла вглубь дома. Скрипнула половица в коридоре, хлопнула дверь спальни, и всё стихло. Только ходики продолжали тикать.

Маркус вывел их на крыльцо. Вечерний воздух был холодным и влажным, пах мокрой землёй и прелой листвой, и ветер шевелил сухие листья у порога. Где-то далеко лаяла

собака, и звук этот разносился по пустой улице гулким эхом, как выстрел в коридоре.

— Вот. — Маркус вытащил из рюкзака старые часы, протянул Артуру. — Забрать не хотите?

— Ты говорил, спрячешь у себя.

— Передумал. — Он покачал головой и потёр бритый затылок ладонью, чувствуя, как под пальцами проступает лёгкая испарина. — Мать не должна знать, что это в доме. Если она узнает, что та тварь здесь, в нашем подвале, она не сможет спать. Никогда. А я хочу, чтобы она наконец выпалась.

— Ты уверен? — Лиза взяла его за рукав, легонько потянула, заглядывая в глаза. — Это твоё решение.

— Нет. — Маркус почти улыбнулся, и в этой улыбке была горечь. — Но вы лучше знаете, куда их деть.

Он сунул часы в руки Артуру. Тот принял их, взвесил на ладони. Стекло было тёплым — не горячим, но ощутимо тёплым, как кожа человека, который только что проснулся. Внутри что-то тихо тикало: тик-так, тик-так, ровно, монотонно, как сердце. Артур чувствовал это биение в кончиках пальцев, в запястье, и оно почти совпадало с его собственным пульсом.

— Мы спрячем их в надёжном месте.

— В Брукфилде? — Макс прищурился, глядя на часы.

— Может быть. Или в Нью-Йорке. Посоветуемся с Сашей и Элиасом.

Маркус кивнул. Он смотрел на часы в руках Артура, и в

этом взгляде было что-то странное — не страх, не облегчение, а скорее тихая, усталая благодарность, как смотрят на старого врага, с которым наконец заключили мир.

— Вы вернули мне мать. — Он произнёс это глухо, глядя в пол, на щербатые доски крыльца, на трещины, в которые забилась грязь. — Не знаю, как благодарить.

— Живи. — Эмма вытащила из пачки сигарету, повертела в пальцах, но прикуривать не стала — просто зажала фильтр зубами, чтобы чем-то занять рот. — Это лучшая благодарность.

Помолчали. Ветер налетел порывом, сорвал с дерева у забора несколько жухлых листьев, бросил на ступеньки, и они зашуршали, скользя по дереву.

— Детройт — город, где люди теряют лица, — сказала Эмма, глядя на тёмную улицу, где уже начали зажигаться редкие огни. — Мы вернули одно. Может, остальные сами найдутся.

Маркус поднял глаза. В его пустых, выцветших глазах что-то мелькнуло — короткая вспышка, как искра над костром, как отсвет далёкого огня.

— Я запомню вас. Даже если всё остальное забуду.

— Мы тоже запомним тебя. — Лиза шагнула вперёд и быстро, неловко пожала ему руку. Его ладонь была сухой и горячей, как печь, которая только что остыла.

И тогда он улыбнулся. Впервые за всё время — по-настоящему. Улыбка получилась кривая, неумелая, как у челове-

ка, который давно не пользовался этими мышцами, но она была. Она тронула уголки губ и задержалась на миг, прежде чем исчезнуть.

Они спустились с крыльца. Маркус остался стоять в дверях — тот же бритый череп, та же армейская куртка на плечах, та же красная нитка на шее, но что-то в нём изменилось. Пустоты стало меньше. Он не улыбался, но и не был пустым.

— Пока, — сказал Артур.

— Пока, — сказал Маркус.

Они пошли по улице, и шаги их гулко отдавались в тишине, как удары по пустому ведру. Уже темнело, небо на востоке стало густо-синим, почти чёрным, а на западе ещё догорала узкая оранжевая полоса, как последний огонёк в камине. Загорались первые звёзды — мелкие, колючие, как булавки на бархате.

— Думаешь, он справится? — Макс пихнул камешек носком ботинка, и тот запрыгал по асфальту, стуча о трещины.

— Справится. — Дженни поправила бинт на ладони, затягивая узел зубами. — У него есть мать.

— И нитка, — добавила Лиза.

— И память, которую никто не заберёт.

Артур сжал часы в кармане. Они лежали там, тёплые и тяжёлые, и тикали — тихо, размеренно, почти успокаивающе. Он чувствовал их биение через ткань, через кожу, и оно стало частью его собственного ритма.

— Нью-Йорк завтра, — сказал он. — Надо выспаться.

— Не выспимся, — Эмма всё-таки прикурила, и огонёк её сигареты заплясал в темноте, освещая её лицо на мгновение.
— Попробуем.

Они завернули за угол. Дом Маркуса скрылся из виду — только край крыши ещё виднелся над забором. Но в окне всё ещё горел свет. Тёплый, жёлтый, живой.

6 октября 1986 года. Детройт — Нью-Йорк. Автобус.
Утро.

Макс сел у окна. Место досталось по жребию — Артур вытащил короткую спичку, Лиза длинную, Эмма просто сказала «я сзади» и, едва зайдя, легла на два сиденья, поджав ноги, положив голову на свёрнутую куртку. Дженни опустилась через проход, прижалась виском к холодному стеклу и закрыла глаза ещё до того, как водитель захлопнул дверь. Стекло было ледяным, и оно быстро запотело от её дыхания.

Все молчали. После фабрики слова ощущались лишними — мелкими, как битое стекло, которое только зря ранит язык. Что нужно было сказать, сказали в мотеле, когда упаковывали вещи и пересчитывали деньги на билеты. Что нужно было сделать — сделали. Теперь оставалось просто ехать, и это «просто» давалось тяжелее всего.

Автобус вырулил с автовокзала Детройта в семь двадцать три. Двигатель гудел низко и надсадно, пол под ногами вибрировал, и вибрация эта передавалась через подошвы, через

сиденье, через позвоночник, заставляя каждую кость отзывать. Макс глянул на свои новые часы — дешёвку с пластиковым ремешком, которую купил в ларьке перед отъездом, потому что старые разбились на фабрике, когда он упал. Старые часы с Пустотой Артур упрятал в рюкзак, завернув в свитер. И всё равно Макс слышал их тиканье — даже сквозь ткань, даже через разделявшее их расстояние, через гул мотора и шум шин. Или это ему только казалось.

— Ты их чувствуешь? — спросил он, кивнув на рюкзак.

Артур сидел рядом. Пожал плечами, но как-то неубедительно, и в этом пожатии была тяжесть.

— Иногда. Как второй пульс. Как будто внутри запястья завёлся ещё один будильник.

— Это нормально?

— Ничего из того, что с нами происходит, не нормально.

— Он отвернулся к окну, глядя на серые дома, которые проплывали за стеклом.

Макс тоже уставился в стекло. Детройт исчезал за спиной — серые дома с облупившейся краской, ржавые заводские трубы, из которых уже не валил дым, заколоченные витрины с выцветшими вывесками, на которых ещё можно было разобрать названия когда-то шумных магазинов. Город, который они оставили с облегчением. Не потому, что он был плох. Потому что он был мёртв и не хотел оживать, и находиться в нём значило чувствовать эту мёртвость кожей.

За окном потянулись поля — мокрые, серые, с редкими

перелесками, где голые ветки чернели на фоне низкого неба, как вены на старческой руке. Дождь начался через час после выезда. Мелкий, противный, он барабанил по крыше, и звук был как дробь тысячи крошечных пальцев, стучащих по жести. Дворники скрипели, размазывая воду по стеклу, и этот скрип действовал на нервы, проникал в уши и оставался там, как заноза.

— Ты боишься Нью-Йорка? — Лиза перегнулась через спинку сиденья, и её волосы мазнули Макса по плечу, оставляя на куртке влажный след.

— Нет.

— Врёшь.

— Боюсь, — сказал он тише, почти шёпотом, чтобы никто больше не услышал.

Лиза кивнула, будто этот ответ её устраивал. Села обратно, достала блокнот, начала рисовать. Макс не видел что именно, но слышал, как карандаш чиркает по бумаге — быстро, зло, с нажимом, и грифель иногда крошился, и она сдувала крошки на пол, где они смешивались с пылью.

Он закрыл глаза. Под веками всё ещё плыли круги — белые меловые линии на сером бетоне, которые он видел каждую ночь, даже когда не спал. Они вращались медленно, как колёса старой мельницы, и он не мог их остановить.

Толидо. Остановка.

Автобус затормозил у автовокзала в половине одиннадцатого, дернувшись так, что Макс чуть не приложился лбом о

переднее сиденье. Водитель объявил двадцать минут, и голос его был хриплым, как у человека, который говорит одно и то же каждый день. Макс выбрался первым — нужно было размять затёкшие ноги, вдохнуть воздух, который не пах бы бензином и чужим потом. На улице было сыро и зябко, пахло мокрым асфальтом и жареным луком из закуской, и этот запах был почти домашним, тёплым.

Автовокзал оказался маленьким, обшарпанным — жёлтый кафель на стенах с трещинами и пятнами, деревянные скамьи с облезшим лаком, единственный автомат с газировкой, который гудел, как рассерженный шмель, и иногда выплёвывал стаканчики с шипящей жидкостью. Эмма купила кофе в бумажном стаканчике. Сделала глоток, поморщилась, чувствуя, как горячая, безвкусная жидкость обжигает горло.

— Бурда.

— Зато горячая, — сказал Артур, отхлёбывая из своего.

— Зато.

Дженни стояла у расписания, изучала маршрут, прикусив губу и водя пальцем по строчкам. Ветер трепал её волосы и задувал под куртку, заставляя ёжиться.

— До Нью-Йорка ещё часов девять, — сообщила она, поворачиваясь к ним. — Будем к ночи.

— Если не сломаемся, — буркнул Макс.

— Ты всегда ждёшь худшего.

— И оно всегда приходит.

Водитель посигналил — резко, дважды, — и группа снова

зашла в автобус. В салоне прибавилось пассажиров: трое новых, занявших места в передней части. Двое мужчин в рабочих куртках, от которых пахло соляжкой и машинным маслом, и пожилая женщина с корзиной, прикрытой клетчатым платком, из которой торчали зелёные перья лука.

И ещё один.

Макс заметил его сразу — даже не глазами, а каким-то внутренним толчком, от которого напряглись плечи и по спине пробежал холод.

Мужчина сидел в середине салона, через два ряда от них. Лет шестьдесят — шестьдесят пять. Седые волосы зачёсаны назад, открывая высокий лоб с глубокими морщинами. Серый плащ — слишком лёгкий для октября, без подкладки, без шарфа, — но ему, кажется, было всё равно. Лицо как старая древесина, прорезанная глубокими морщинами, как карта местности, которую изучали много лет. Глаза светлые, почти прозрачные, как вода в банке, и в них не было возраста — только внимательность.

Он не читал. Не смотрел в окно. Не спал. Просто сидел, сложив руки на коленях ладонями вниз, и смотрел прямо перед собой, в спинку переднего сиденья, но Макс чувствовал, что взгляд его направлен не туда.

— Видишь? — тихо спросил Макс, наклоняясь к Артуру. Артур проследил за его взглядом.

— Вижу.

— Он смотрит на нас.

— На пассажиров все смотрят. Это не преступление.

— Не на пассажиров. На нас.

Мужчина повернул голову — медленно, плавно, как будто слышал их слова сквозь гул двигателя и шорох шин. Макс встретился с ним взглядом. Секунда. Две. Холод пошёл не по коже — внутри, под рёбрами, как ледяная вода, которая медленно заполняет пустоту. Такой же холод он чувствовал на фабрике, когда Пустота приблизилась вплотную. Только этот холод был другим — не голодным, а оценивающим. Как будто его рассматривали, взвешивали и делали выводы, как на допросе.

Мужчина отвёл взгляд.

Макс выдохнул и только сейчас заметил, что всё это время не дышал.

Автобус тронулся.

Дорога пошла через южный Мичиган, потом — Огайо. Поля сменялись перелесками, перелески — полями. Дождь то начинался, то прекращался, оставляя на стекле грязные разводы, сквозь которые мир казался размытым и нереальным, как акварельный рисунок, который размыли водой. Макс смотрел в окно, но краем глаза, боковым зрением, постоянно держал мужчину в сером.

Тот не двигался. Не доставал книгу. Не просил воды. Не ходил в туалет в конец салона. Только сидел, иногда поправляя манжету на правом запястье — не нервно, а машинально, как делают люди, которые носят часы и привыкли их про-

верить, даже когда часов нет.

На втором часу Макс заметил татуировку.

Мужчина поднял руку поправить воротник — обычный жест, — и манжета сползла на сантиметр. Под ней мелькнуло чёрное. Змея, кусающая собственный хвост. Уроборос. Макс читал о таком в энциклопедии, которую нашёл в библиотеке Брукфилда, когда искал информацию о древних символах: вечность, цикл, замкнутый круг, символ, которому тысячи лет.

— Артур, — сказал он одними губами, не поворачивая головы.

— Вижу.

— Это не случайно.

— Не случайно, — эхом отозвался Артур, и рука его сама потянулась к рюкзаку, туда, где лежали часы.

Макс достал блокнот, записал быстро, корявым почерком, нацарапал карандашом на коленке: «Толидо. Мужчина, серый плащ. Тату уроборос на правой руке. Следит за нами». Сунул блокнот обратно в карман, чувствуя, как бумага холодит ногу.

— Может, подойти? — спросила Лиза, которая тоже заметила; она отложила карандаш и теперь сидела прямо, напряжённая, как струна, и пальцы её сжимали блокнот так, что он начал загибаться.

— Не надо. — Артур покачал головой, и в этом жесте была усталость. — Если хочет что-то сказать — скажет сам.

— А если не хочет?

— Тогда не наше дело.

Макс не был согласен, но спорить не стал. Артур прав в одном: провоцировать незнакомца, который смотрит так, будто знает их имена, — плохая идея. Он снова уставился в окно, но уже не видел полей — только отражение мужчины в стекле, серый плащ, седые волосы, и каждые несколько минут он ловил этот силуэт в отражении и вздрагивал.

Кливленд появился через четыре часа. Автобус въехал в город по серой развязке, мимо складов с выбитыми окнами, мимо заводов, не лучше детройтских, с теми же ржавыми трубами и пустыми площадками. Макс увидел озеро — свинцовое, холодное, сливающееся с небом на горизонте так, что нельзя было понять, где кончается вода и начинаются тучи. Чайки кричали над причалами, но крика их не было слышно сквозь шум двигателя и гул колёс.

Мужчина в сером встал.

Макс напрягся так, что заныли плечи, и он вцепился в подлокотник, чувствуя, как пластик продавливается под пальцами. Артур выпрямился, его рука снова легла на рюкзак. Лиза перестала рисовать и замерла с карандашом в воздухе, затаив дыхание.

Мужчина медленно пошёл по проходу к выходу. Шаги его были почти беззвучными — только лёгкий скрип половиц под ковровой дорожкой, как будто он не касался пола, а плыл над ним. Проходя мимо их ряда, он остановился. Ровно на

секунду. Повернул голову к Артуру. От него пахло чем-то старым — не неприятным, а именно старым: сухой бумагой, пылью, одеколоном, который вышел из моды десятилетия назад, и ещё чем-то, напоминающим запах старой библиотеки.

— Передайте Элиасу, — голос был сухой, с металлическим оттенком, как старая аудиозапись, — протокол нарушен. За периметром следят.

— Кто вы? — Артур подался вперёд, и сиденье под ним скрипнуло.

Мужчина не ответил. Вместо этого он приподнял манжету — медленно, давая рассмотреть. Татуировка уробороса проступила отчётливо: чёрная змея, кольцо, чешуя, глаз с вертикальным зрачком, который казался живым. Линии были чёткими, как будто их нанесли вчера, а не много лет назад.

— Вы из «Круга»? — Лиза подалась через спинку сиденья, и блокнот выпал у неё из рук, но она не обратила на это внимания.

— «Круг» не один. — Мужчина поправил манжету обратно, и ткань скрыла змею. — Запомните это.

Он пошёл дальше. Дверь автобуса открылась с шипением, впустив холодный воздух и запах озера — сырой, с примесью водорослей и ржавчины, от которого защипало в носу. Мужчина спустился по ступенькам на тротуар, поднял воротник плаща и растворился в серости Кливленда, как капля чернил в воде — сначала был силуэт, потом тень, а потом ничего.

Только мокрый асфальт и редкие прохожие, которые даже не взглянули в его сторону.

Дверь закрылась. Автобус тронулся, и Макс снова выдохнул.

— Что за хрень? — выдохнул он.

Артур молчал, глядя на опустевший проход, на то место, где только что стоял мужчина. Потом перевёл взгляд на рюкзак.

— Ты записал? — спросил он через секунду.

— Да. «Протокол нарушен. За периметром следят». И про «Круг» не один.

— Зачем он показал тату?

— Чтобы мы поверили.

— Поверили во что? — Лиза всё ещё сидела, вцепившись в спинку сиденья, и блокнот лежал у её ног, раскрытый на пустой странице.

— В то, что он свой. — Дженни не открыла глаз, но голос прозвучал ясно. Она не спала — слушала каждое слово. — Или чужой, который притворяется своим.

— Как Кейн? — спросил Макс.

— Как Кейн.

Артур посмотрел на рюкзак, где лежали часы с Пустотой. Тиканье их стало громче — или это кровь стучала в ушах, перекрывая звук мотора.

— Элиас говорил, что в «Круге» не все чисты. Что есть те, кто хочет использовать Пожирателей для своих целей.

— Этот хотел нас предупредить, — сказала Дженни и наконец открыла глаза. В них была та же усталость, что и у всех, но ещё и решимость.

— Или запутать.

Замолчали. Автобус катил дальше, и гул двигателя снова заполнил салон. Макс смотрел на пустое место в середине салона, где сидел мужчина, и чувствовал, как оттуда всё ещё тянет холодом.

Лиза открыла блокнот, нашла чистую страницу и начала рисовать по памяти. Змея, кусающая хвост. Круг, линия, чешуя — каждый штрих ложился точно, как будто рука знала сама, куда вести карандаш. Глаз она заштриховала особенно тщательно, и он смотрел с бумаги — холодный, живой, оценивающий.

— Оставляю для Саши, — сказала она, отрывая лист. — Может, она знает, что это значит.

— Или Элиас.

— Или Элиас.

Макс молча смотрел в окно. Кливленд исчез. Поля вернулись, но теперь за каждым деревом, за каждой встречной машиной, за каждым далёким силуэтом у дороги ему мерещилась тень — человек в сером плаще, или кто-то другой, кто следит за периметром, о котором они ничего не знают.

— Мы не одни, — сказал он вслух.

— Уже знаем. — Артур переложил рюкзак с пола на колени, поближе к себе, и часы внутри глухо стукнули о бок.

— Кто-то подбросил фото. Кто-то прислал записку. Кто-то сел к нам в автобус. Это не совпадения.

— Это игра.

— И мы в ней пешки.

— Или ферзи. — Эмма свесила голову с заднего сиденья, волосы упали вниз, как водоросли, и она смотрела на них вверх ногами. — Пешек едят первыми. Мы ещё живы.

Никто не засмеялся.

Поздний вечер. Пенсильвания.

За окном темно. Огни редких городков мелькали и гасли, как спички на ветру — зажгутся на секунду и погаснут. Макс перестал смотреть в окно и уставился в спинку переднего сиденья. Кожа на ней была потрескавшаяся, кое-где порванная — кто-то ковырял пальцем, оставляя рваные дыры, как чёрные точки на карте. Он машинально сунул палец в одну, но тут же отдёрнул — внутри было холодно и жёстко, как на ощупь старая кость.

— У тебя руки дрожат, — заметил Артур, не поворачивая головы.

— Устал.

— Мы все устали.

— Я больше, чем все.

— Почему?

— Потому что я не сплю. — Макс потёр глаза тыльной

стороной ладони, чувствуя, как веки горячие и сухие. — Я не спал в мотеле, не спал в автобусе, не спал в Детройте, не спал в Брукфилде. Я, кажется, вообще разучился спать.

Артур повернулся к нему всем корпусом. Сиденье скрипнуло, и он положил руку на плечо Макса.

— Хочешь, я посторожу?

— Ты и так сторожишь. Ты сторожишь всех. — Макс смотрел на свои руки — пальцы действительно дрожали, мелко, противно, как листья на ветру. — Это не помогает.

— Что помогает?

Он задумался. В голове было пусто, как в выбеленной комнате.

— Нож под подушкой.

— Он у тебя есть.

— Он всегда есть.

Артур кивнул — просто, без лишних слов, будто это всё объясняло. И в этом кивке была та самая тихая поддержка, которая не требует фраз.

— Когда вернёмся в Брукфилд, я попрошу отца записать тебя к нормальному врачу. Не к психологу. К тому, кто разбирается в бессоннице.

— Думаешь, это бессонница?

— Думаю, это страх. А страх не лечат таблетками.

Макс хотел возразить, но не стал. Артур был прав, и от этого становилось только хуже. Он замолчал, снова уставившись на дыру в спинке сиденья, и считал удары сердца, пы-

таясь отвлечься.

— Мне нужны сигареты, — раздался голос Эммы из заднего ряда. Она не спала — слушала их разговор, лёжа на спине и глядя в потолок, на грязный пластик, по которому бежали тени от фар встречных машин.

— Ты бросила, — бросил Макс.

— Я не бросала. Я пытаюсь.

— Не ври.

— Сам не ври.

Макс замолчал. Лиза, сидевшая через проход, протянула Эмме свой блокнот.

— Нарисуй, — сказала она.

— Что?

— Что угодно. Помогает.

Эмма взяла блокнот, повертела в руках, пролистнула несколько страниц с меловыми кругами и уроборосом. Потом взяла карандаш и нарисовала квадрат — ровный, с прямыми линиями, без единого наклона, будто по линейке. Внутри квадрата — точку, чёткую, жирную.

— Что это? — Лиза заглянула через плечо.

— Мы. Точка в квадрате. Заперты.

— Или защищены, — сказала Лиза.

— Одно и то же.

Она вернула блокнот и снова легла, закинув руки за голову, глядя в потолок.

Макс закрыл глаза. Под веками плыли круги — белые

меловые линии на сером бетоне. Он видел их даже сейчас, сквозь усталость и нервную дрёму, как они переплетаются, замыкаются, защищают или ловят. Круги, подковы, пересекающиеся дуги. Защита. Ловушка. И то и другое сразу.

«Протокол нарушен, — повторил он про себя, и слова отдались эхом в голове. — За периметром следят».

Кто следит? Где этот периметр? И почему Элиас им ничего не сказал?

Он открыл глаза. Артур спал, уронив голову на свёрнутый свитер, прижатый к окну, и его дыхание было ровным, как у человека, который наконец-то позволил себе отключиться. Дженни смотрела в окно на огни, бегущие мимо — жёлтые, редкие, как свечи. Лиза рисовала, выводя на бумаге какие-то новые символы. Эмма лежала, глядя в потолок.

Автобус катил в ночь.

Нью-Йорк был впереди. Где-то там, в бетонных джунглях, за мостами и тоннелями, их ждал кинжал. Кинжал, ради которого они ехали через полстраны, не зная, вернутся ли. Кинжал, который мог запечатать Маэстро. Кинжал, который давал им шанс.

Маленький шанс. Но другого не было.

Макс закрыл глаза и впервые за двое суток провалился в сон — тяжёлый, без сновидений, как обморок, как провал в чёрную яму. Только тиканье часов в рюкзаке Артура ещё долго отдавалось где-то на грани слуха, смешиваясь с гулом колёс и шёпотом ветра за окном.

Когда он проснулся, за окнами горел свет — целое море огней, далёких и близких, как рассыпанные угли, которые кто-то небрежно разбросал по бархату. Нью-Йорк приближался. Запахло выхлопными газами и рекой — сыростью, машинным маслом и чем-то ещё, электрическим, как озон перед грозой.

Он приоткрыл глаза и увидел, как город вырастает из темноты, как огромный зверь, который ждал их в конце пути.

ГЛАВА 8.

7 октября 1986 года. Нью-Йорк. Порт-Аторити. Вечер.

Эмма вышла из автобуса последней.

Она задержалась в проходе нарочно — дала остальным высыпаться наружу, вдохнуть чужого воздуха, осмотреться, а сама возилась с лямкой рюкзака, перетягивала ремешок, который и так сидел плотно. Просто тянула время. Ей требовалось подготовиться — собрать мысли в кулак, притушить ту дрожь, что поднималась откуда-то из живота. Ладони вспотели ещё в салоне, и она вытерла их о джинсы, чувствуя, как грубая ткань царапает кожу. Пальцы всё ещё пахли ржавчиной из Детройта — вьелось, не отмыть.

Нью-Йорк не походил ни на Брукфилд, ни на Детройт, ни на сонный Кливленд. Он гудел. Гул этот шёл отовсюду сразу — от машин, которые ревели в пробках, от подземки, которая ухала где-то под ногами, от толпы, от неона, уже загоравшегося над крышами, хотя солнце только начало оседать за Гудзон. Гул пробирался в грудную клетку и вибрировал там, как бас-гитара, которую перегрузили. У Эммы заложило уши, и она потрясла головой, чтобы их прочистить.

— Оглохнуть можно, — бросила она, спускаясь по железным ступенькам на асфальт. Подошвы кроссовок чавкнули в какой-то луже — то ли вода, то ли что похуже.

— Это ты ещё на Таймс-сквер не была, — усмехнулся

Макс. Он уже стоял в стороне, привалившись к ржавому ограждению, и выглядел паршиво: глаза красные, волосы всклокочены, а руку он держал в кармане, где лежал нож. От него всё ещё пахло автобусным сиденьем и усталостью — запах, который въедается в кожу за долгую дорогу.

— Мы туда не пойдём, — отрезал Артур.

— Пойдём, если цирк рядом.

— Цирк в Бруклине. Другой конец города.

— Значит, увидим его завтра.

Они постояли немного, переваривая пространство. Порт-Аторити был огромным, грязным, и вонял он бензином, мочой и жареным луком — запахи смешивались в такой коктейль, что от него першило в горле. Стены серые, в потеках, кое-где заклеенные афишами с облезлыми краями, на которых уже нельзя было разобрать ни названий, ни дат. Люди текли сплошным потоком: бизнесмены с портфелями, матери с орущими детьми, подростки с бумбоксами на плечах, бомжи, толкающие тележки с горой тряпья. Никто ни на кого не смотрел. Никто не останавливался. Каждый шёл в своём направлении с такой сосредоточенностью, будто от этого зависела его жизнь.

— Детройт хотя бы замечал нас, — сказала Дженни, шурясь от яркого света. — Здесь мы просто... пятна.

— Здесь все пятна, — Эмма вытащила из кармана мятую пачку сигарет, повертела в пальцах. Пачка хрустнула, и табак высыпался на ладонь. Курить хотелось до зубного скре-

жета, но она смяла её и сунула обратно. Сейчас нужна ясная голова. Вместо сигареты она сжала в кулаке свой жетон — старый, медный, с выцветшим гербом города, который она носила на шее с тех пор, как отец ушёл из дома.

— Где хостел? — спросил Макс, переминаясь с ноги на ногу.

Артур выудил из рюкзака карту, которую им дала Клэр — потёртую, сложенную вчетверо, с пометками красной ручкой. Кончик её был обкусан, и на сгибах бумага почти протёрлась до дыр.

— Два квартала пешком. Гранд-стрит.

— Тогда идём.

Они двинулись к выходу. У самых дверей стоял коп — молодой, с усами, в тёмно-синей форме, и лениво провожал глазами прохожих. Его взгляд скользнул по Лизе, задержался на Дженни, потом на Эмме, и он отвернулся. Слишком быстро. Слишком равнодушно.

— Люди в форме, — прошептал Макс.

— Я помню, — сказал Артур.

Эмма тоже помнила. Конверт с фото кузнеца и записка: «НЕ ДОВЕРЯЙТЕ ЛЮДЯМ В ФОРМЕ». Относилось ли это к нью-йоркским копам? Проверять не хотелось. Она невольно коснулась своего запястья с красной ниткой — та была холодной, как и весь этот город, но под пальцами чувствовалась тонкая пульсация.

Они вышли на улицу.

Нью-Йорк ударил в лицо.

Даже не светом — звуком. Гудки такси, крики уличных торговцев, музыка из открытых дверей баров, шарканье сотен ног по асфальту. Запахи смешались в тошнотворный коктейль: жареные каштаны, бензин, гнилые овощи из мусорных баков, чей-то приторный парфюм. У Эммы закружилась голова. Она принялась считать шаги — раз, два, три, — это помогало не отвлекаться, держать себя в руках. С каждым шагом воздух становился плотнее, и дышать было трудно, как будто город втягивал её в себя, обволакивал со всех сторон.

— Ты как? — Лиза догнала её и пошла рядом, почти вплотную.

— Нормально.

— Врёшь.

— Привыкай.

Лиза не обиделась. Она вообще редко обижалась — просто кивала и принимала то, что ей говорили. Это и бесило Эмму, и восхищало. Лиза достала на ходу блокнот и принялась что-то чиркать, поглядывая на верхние этажи домов, на линии крыш, на тени, которые падали от карнизов. Её карандаш двигался быстро, почти механически, фиксируя то, что она видела, чтобы потом не забыть.

Они свернули на Гранд-стрит. Здесь стало тише — не как в Брукфилде, но хотя бы можно было расслышать собственные мысли. Хостел оказался четырёхэтажным зданием с об-

лезлым фасадом и мигающей вывеской: «GRAND HOTEL — ROOMS BY NIGHT OR WEEK». Буква «G» в слове «NIGHT» не горела, и получалось «NIHT» — бессмысленное слово, похожее на имя древнего бога или заклинание, которое забыли произнести правильно.

У входа, привалившись спиной к грязной стене, сидел бомж. Старый, с седой, сваявшейся бородой, в рваном пальто, накинутом поверх нескольких свитеров, которые, казалось, никогда не снимали. Он держал картонный стаканчик с мелочью и раскачивался вперёд-назад — мерно, как маятник. От него разило кислятиной и немытым телом, и ещё чем-то сладковатым, почти приторным, что Эмма уже научилась узнавать.

Когда группа проходила мимо, бомж прошелестел:

— Кукловод... Кукловод смотрит.

Эмма замерла на месте. Её подошвы приклеились к асфальту, и она почувствовала, как холодок пробежал по спине, от затылка до копчика.

— Что вы сказали?

— Кукловод смотрит. — Бомж не поднял головы, только качнулся сильнее. — Дёргает за нитки. Все танцуют, никто не хочет. Но танцуют.

— Какие нитки?

Он поднял руку. На его запястье, грязном, в язвах и струпях, болталась тонкая красная нитка. Завязанная бантиком.

У Эммы перехватило дыхание. Она почувствовала, как её

собственная нитка на руке стала тёплой — отчётливо, словно кто-то приложил к коже нагретый камешек, который медленно отдавал своё тепло.

— Откуда у вас это?

— Кукловод дал. Всем дал. Ты тоже танцуешь, девочка. Просто ещё не знаешь. — Он засмеялся — сухо, скрипуче, как несмазанная дверь, которую открывают впервые за много лет.

— Идём. — Артур потянул её за рукав.

Эмма не двинулась.

— Кто такой Кукловод?

Бомж перестал смеяться. Медленно поднял голову. Глаза у него были разного цвета — один карий, другой голубой. Как у Джека. Та же гетерохромия, та же глубина, которая пугала до дрожи.

— Тот, кто дёргает. Не клоун. Не тень. Не дирижёр. Тот, кто за ними. Тот, кто ПЕРВЫЙ.

— Где он?

— Везде. Нигде. Спит. — Бомж прижал грязный палец к губам, отчего на потрескавшейся коже остался тёмный след.
— Тсс. Не буди.

Он опустил голову и снова закачался, как сломанная игрушка, у которой кончился завод.

Эмма почувствовала, как на её плечо легла рука. Дженни. Ладонь была холодной, но хватка крепкой.

— Пойдём. Он больше не скажет.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он уже сказал всё, что мог. Остальное — бред.

— Бред здесь — единственная правда, — пробормотал Макс, и его голос прозвучал глухо из-под воротника, которым он прикрыл рот от ветра.

Они вошли в холл хостела.

Внутри пахло сыростью, дешёвым чистящим средством и застарелым потом. Пол — линолеум с вытертым рисунком, под которым угадывались доски, стены — жёлтые, в подтёках, с облупившейся краской у плинтусов. Стойка регистрации была деревянной, старой, с допотопным телефоном и ключами на крючках. Где-то наверху играло радио — приглушённо, сквозь шум воды в трубах, и мелодия была старой, джазовой, с хриплым саксофоном.

За стойкой сидел портье — худой, с залысиной и тонкими, бескровными губами. Он листал журнал, облизывая палец перед каждой страницей, и делал это медленно, с какой-то болезненной тщательностью. Даже не поднял головы, пока Артур не кашлянул.

— Нам нужны две комнаты.

Портье поднял глаза. Медленно осмотрел группу — пять подростков, рюкзаки, усталые, серые лица, красные нитки на запястьях. Хмыкнул.

— Две комнаты — сорок долларов за ночь. Деньги вперёд. Артур полез в бумажник. Деньги, которые Эмма копила

всё лето, подходили к концу — купюры были мятыми, потёртыми, и он пересчитал их дважды, чтобы убедиться, что хватает. Отсчитал, положил на стойку. Портье сгрёб их в ящик, звякнув монетами, и выдал два ключа с деревянными брелоками — цифры «307» и «308» были вырезаны ножом и залиты чёрной краской, которая уже начала выцветать.

— Третий этаж. Туалет в конце коридора. После десяти не шуметь.

— Мы будем тихими, — пообещала Лиза.

— Все так говорят. — Портье помолчал, потом добавил совсем буднично: — И ещё. Не выходите после полуночи.

— Почему? — Эмма подалась вперёд, опершись руками о стойку.

— Потому что в этом районе по ночам находят людей. Без лиц.

— Без лиц? — переспросил Макс, и его пальцы сами сжались в кулаки.

— Как яйцо. Чисто. Гладко. — Портье произнёс это таким тоном, каким говорят о погоде, о том, что дождь будет завтра. — Полиция говорит — банда. Но банды оставляют кровь. А здесь — ни капли. Просто люди засыпают с лицами, а просыпаются без.

— И часто? — Дженни прищурилась.

— Раз в месяц. Иногда чаще. Не советую проверять.

Он снова уткнулся в журнал, и страница, перевёрнутая влажным пальцем, шлёпнула по столу.

Эмма переглянулась с Артуром. Тот кивнул — обсудим позже, в номере, за закрытой дверью, когда не будет чужих ушей.

Они поднялись по скрипучей лестнице. Ступени были вытерты тысячами ног до впадин, и в некоторых местах дерево просело на пару сантиметров. Перила шатались, и от них пахло полировкой, которой их пытались освежить много лет назад. Коридор третьего этажа оказался узким, с тусклой лампочкой под потолком и ковровой дорожкой, протёртой до дыр, сквозь которые проглядывали половицы. Пахло пылью и сырой штукатуркой, а где-то в конце коридора капал кран — монотонно, как метроном.

Две комнаты рядом — 307 и 308. Артур отпер первую, заглянул внутрь.

— Ну... не «Ритц».

— Мы и не в «Ритце», — сказала Эмма, протискиваясь следом.

Комнаты были маленькими, с железными кроватями, тонкими матрацами и окнами, выходящими на глухую кирпичную стену, в которой чернели влажные пятна. На тумбочках — лампы без абажуров, в углу — умывальник с ржавым краном, из которого капала вода, оставляя на эмали бурый след. Обои местами отклеились, открывая серую штукатурку с прожилками плесени. Эмма провела пальцем по подоконнику — осталась тонкая полоса сажи, словно кто-то много лет назад зажигал здесь свечи.

— Лучше, чем в Детройте, — сказал Макс, заходя следом и оглядывая обстановку. — Там хотя бы кровати не скрипели.

— Здесь скрипят, — Дженни надела на матрас, и тот отозвался жалобным скрежетом пружин, которые, казалось, помнили каждого, кто на них спал.

— Ну... почти.

Эмма бросила рюкзак на кровать у окна, села, стащила куртку. Тело ныло после четырнадцати часов в автобусе — спина затекла, ноги гудели, а в висках пульсировала тупая боль, которая отдавала в глаза. Она хотела спать, есть, курить — в любом порядке. Но сначала — разговор. Красная нитка на запястье всё ещё была тёплой.

Артур закрыл дверь, запер на задвижку. Металл лязгнул, и звук этот прозвучал в тишине как приговор.

— Люди без лиц. Как в Детройте. Как на фабрике.

— Это не Пустота. — Дженни села на край кровати, принялась распускать бинт на ладони, чтобы проверить рану. Бинт был грязным, и она отматывала его медленно, чтобы не задеть запёкшуюся кровь. — Пустота запечатана. Часы у нас.

— Значит, здесь другой.

— Маэстро? — Лиза подняла глаза от блокнота, который уже снова был у неё в руках. — Он в Чикаго.

— Может быть, и здесь тоже. Или что-то новое.

— Или старое, — сказал Макс и потёр переносицу. — Очень старое.

Эмма молчала. Она смотрела на красную нитку на своём запястье. Та была тёплой — не горячей, но ощутимо тёплой, как кожа только что выключенного утюга, ещё хранящая жар. Предупреждала. Она провела по ней большим пальцем, и нитка пульсировала в такт её сердцу.

— Бомж говорил о Кукловоде, — произнесла она наконец. — «Тот, кто за ними. Тот, кто первый. Спит». Это не Маэстро. Это что-то... больше.

— Что-то, чем нас не пугали, — добавила Дженни, морщась, когда бинт потянул за краешек раны, и на нём проступило красное пятно.

— Может, пугали, но мы не слушали. Элиас упоминал Спящего.

— Спящий — миф. Даже в «Круге» многие не верят.

— После того, что мы видели, — Артур присел на корточки перед рюкзаком, проверяя, на месте ли часы с Пустотой, и его пальцы коснулись холодного металла через ткань, — я верю во всё.

Эмма встала, подошла к окну. За стеклом — кирпичная стена, мокрая, в подтёках, с ржавой пожарной лестницей, которая вела в никуда. Где-то далеко взывала сирена, но звук быстро утонул в общем шуме города. Здесь, в колодце двора, было тихо. Слишком тихо. Стекло холодило лоб, и она чувствовала, как холод проникает в кожу, в кости, в самую глубину.

— Мы не можем останавливаться. Завтра цирк. Нужно

найти кинжал. Всё остальное — потом.

— А если Кукловод реален? — Лиза перестала рисовать и подняла голову. Её карандаш застыл над бумагой, и на ней осталась незаконченная линия.

— Тогда мы будем иметь дело и с ним. Но сначала — кинжал.

Артур кивнул.

— Разумно.

— Я всегда разумна. — Эмма отвернулась от окна. — Поэтому и курю.

Никто не засмеялся. Только Макс тихонько фыркнул, но звук вышел сухим, без тепла.

Они распределили комнаты: девушки — в 307, парни — в 308. Макс перед уходом проверил замок в их двери, покачал головой, подпёр ручку стулом — ножки протестующе скрипнули по полу, оставляя на линолеуме царапины.

— Если что — кричите.

— Если что — мы не будем кричать. — Эмма встретила его взгляд. — Мы будем драться.

Макс усмехнулся — коротко, без веселья, — и вышел. Дверь за ним закрылась, и задвижка лязгнула.

Девушки остались одни. Дженни села на кровать, стянула ботинки, принялась растирать ступни — на пятках вздулись водяные мозоли, и она морщилась при каждом прикосновении. Лиза устроилась по-турецки на своей койке, раскрыла блокнот и сразу начала рисовать бомжа у входа: его разно-

глазное лицо, грязное пальто, красную нитку на запястье. Грифель скрипел, и звук этот был сейчас почти убаюкивающим, как шум дождя за окном.

— Ты веришь ему? — спросила она, не поднимая головы.

— Не знаю. — Эмма стянула свитер через голову, бросила в ноги. — Но он знал про нитки. А про нитки знают Пожиратели.

— Или те, кого они коснулись.

— Или те, кто за ними следит.

Она легла на кровать, не раздеваясь, только скинула кроссовки. Тело вдавилось в продавленный матрас, и пружины скрипнули под её весом. Закрыла глаза. Под веками всё ещё горел неон — красный, синий, жёлтый. Буквы, которых она не читала. Лица, которых не знала. Город, который не спал и не давал спать другим.

— Эмма, — позвала Лиза.

— М?

— Ты помнишь лицо своей матери?

Эмма открыла глаза. Тишина набухла, заполнила комнату, и слышно стало, как капает кран в умывальнике.

— Помню. А ты?

— Сейчас — да. Но я боюсь, что однажды перестану.

— Мы все боимся.

Лиза кивнула, продолжая рисовать. Эмма слушала шорох карандаша, как колыбельную, и этот звук был единственным, что удерживало её в реальности.

Через полчаса она всё-таки встала. Половицы под босыми ногами были холодными, и холод этот поднимался от ступней выше, по ногам, до самого живота.

— Я выйду на пару минут.

— Не надо. — Дженни говорила, не открывая глаз, но голос был предостерегающим, как у человека, который чувствует опасность даже сквозь сон. — Сейчас ночь.

— Я не за сигаретами. Я проверю периметр.

— Какой периметр?

— Тот, о котором говорил мужик в автобусе.

Она накинула куртку, сунула в карман маленький складной нож — подарок Макса после Детройта, с деревянной рукояткой, на которой были вырезаны какие-то знаки, — и вышла в коридор. Тишина давила на уши. Только половицы скрипнули где-то наверху, и вода в трубах загудела, переливаясь с глухим стоном.

Эмма спустилась в холл. Портье спал, положив голову на скрещенные руки, его журнал валялся на полу, раскрытый на странице с рекламой сигарет, где улыбалась женщина в белом платье. Она перешагнула через него и выскользнула на улицу.

Бомж всё ещё сидел у входа. Не спал — смотрел в небо, где меж туч проглядывали редкие, колючие звёзды, как булавки на бархате. От него всё так же пахло кислятиной, и ещё мокрой шерстью и чем-то сладковатым, что Эмма уже научилась не замечать.

— Ты вернулась, — сказал он, не оборачиваясь.

— Ты сказал про Кукловода. Что ты знаешь?

Бомж покачал головой, и его седые космы мазнули по воротнику, оставляя на нём тонкие светлые волоски.

— Ничего. Всё. Что можно знать о том, кто снится?

— Снится?

— Он спит. А когда спит — видит сны. И эти сны ходят по улицам. Смотрят. Ждут.

— Чего?

— Пробуждения.

Эмма помолчала. Ветер принёс запах гари — не то из метро, не то из мусорного бака, что стоял на углу и был переполнен до краёв.

— Как его остановить?

— Никак. Можно только не будить. — Бомж повернулся к ней. Разные глаза блеснули в свете уличного фонаря, и один зрачок был чуть больше другого. — Тот, кто ищет кинжал, должен знать: кинжал будит. Будит всё, что спит. Ты готова к этому, девочка?

У Эммы пересохло во рту. Она не ответила. Только сжала в кармане рукоятку ножа, чувствуя, как дерево нагревается от её ладони.

— Иди спать. Завтра будет долгий день.

Она развернулась и зашла в холл. Портье проснулся и моргал, глядя на неё мутными глазами, в которых ещё стояла дрёма.

— Ты выходила? — голос его был хриплым со сна, и он потёр горло.

— Нет. Показалось.

— Не ври. Я слышал дверь.

— Вам послышалось.

Эмма поднялась по лестнице, не оборачиваясь. Ступени скрипели под её ногами, и каждый скрип отдавался в груди.

В комнате Дженни уже спала, свернувшись калачиком под тонким одеялом, и её дыхание было ровным, почти детским. Лиза всё ещё рисовала — теперь в блокноте был законченный портрет бомжа, точный до мельчайших деталей. Даже грязь под ногтями, даже складки на пальто, даже нитка на запястье, завязанная в бантик.

— Я закончила, — Лиза показала рисунок.

Эмма взяла блокнот, поднесла ближе к лампе. На бумаге бомж выглядел почти нормальным — только глаза были обведены красным, а нитка на запястье горела, как раскалённая проволока, прочерченная жирным карандашом.

— Хорошо. Сохрани.

— Куда?

— В нашу коллекцию страхов.

Лиза слабо улыбнулась, закрыла блокнот и положила его под подушку.

Эмма легла на кровать и уставилась в потолок. Трещина шла из угла в угол, напоминая карту реки, которой не существовало, но которая текла где-то глубоко под землёй.

«Кукловод. Спящий. Тот, кто снится».

Она сжала красную нитку на запястье. Та была тёплой. Живой. И она пульсировала в такт её сердцу.

За стеной, в соседней комнате, Макс проверял нож под подушкой — лезвие тускло блеснуло в свете луны, пробивающемся сквозь щель в занавесках. Артур сидел на кровати и смотрел на часы с Пустотой. Они тикали, ровно, монотонно, отсчитывая время, которое ещё оставалось. Тик-так. Тик-так. Спокойно, как сердце спящего.

Нью-Йорк не спал. Где-то в темноте его улиц, в переплетении подземных тоннелей и обветшалых театров, прятался цирк Барнума. А в нём — кинжал.

Эмма закрыла глаза. Завтра они его найдут.

8 октября 1986 года. Нью-Йорк. Хостел на Гранд-стрит. Утро.

Лиза проснулась первой.

Будильника никто не заводил — она просто открыла глаза в сером утреннем свете, который сочился сквозь грязное окно, и сразу поняла, что сна больше не будет. Свет был вялым, пыльным, и в нём медленно кружились пылинки, как в старой комнате, которую давно не проветривали. Рядом на соседней кровати спала Эмма — отвернувшись лицом к стене, натянув одеяло до уха, и её дыхание было тихим, почти беззвучным. Дженни сидела на полу, скрестив ноги, и перечи-

тывала дневник Марты — тот самый, что забрала из библиотеки Детройта, с пожелтевшими страницами и выцветшими чернилами. Она подняла голову, когда Лиза пошевелилась, и закрыла дневник, проведя пальцем по корешку, где кожа потрескалась от времени.

— Выспалась?

— Нет. — Лиза села, потянулась. Позвонки хрустнули, и она поморщилась от боли в затёкшей шее. — Но это не важно.

Она взяла с тумбочки блокнот, пролистала до чистой страницы. Рисунок бомжа всё ещё лежал между страниц — разноглазый, с красной ниткой на запястье, и его глаза смотрели с бумаги куда-то вглубь. Лиза перевернула его. Сон, который ей приснился, — коридор из зеркал, и в каждом что-то двигалось не в такт её шагам, — она решила не рисовать. В нём не было линий, одни отражения, и этого хватало, чтобы захотелось встряхнуть головой. Вместо этого набросала лицо Эммы — спящей, с жетоном на шее, который та не снимала даже ночью. Лиза вывела каждую ресницу, стараясь передать, как ровно дышит подруга, как её пальцы сжимают край одеяла.

Через час в дверь постучали. Три раза, коротко. Как всегда, Артур.

— Мы готовы, — сказал он через дверь.

Лиза открыла. Артур стоял в коридоре, рюкзак на одном плече, под глазами залегли тени, а свитер был надет задом

наперёд — он этого даже не заметил, и воротник торчал странным углом. Макс за его спиной проверял лезвие ножа — машинально, уже не глядя на металл, просто проводил большим пальцем вдоль кромки, чувствуя, как она острая. Поднял глаза.

— Портье передал пакет. Сказал, оставили ночью. Для нас.

— От кого? — Эмма, уже проснувшись, натягивала куртку. Молния заела, и она дёрнула её со злостью, но та не поддалась.

— Не назвался. Сказал — «для группы с красными нитками».

Артур протянул бумажный свёрток. Бумага была крафтовая, шершавая, пахла типографской краской и чем-то кислым, напоминающим уксус. Лиза взяла его, развернула на кровати. Внутри лежала карта Бруклина, сложенная вчетверо, с обведённым красным карандашом кварталом в промзоне у воды. Рядом — старый латунный ключ с зеленоватыми пятнами окиси по краям, такими толстыми, что они крошились под пальцами. На бородке — цифра «7», вырезанная глубоко, словно её не гравировали, а выжгли калёным железом. И ещё одна красная нитка, завязанная бантиком.

— Ещё одна. — Дженни взяла нитку, поднесла к свету. — И такая же грязная. Как у нас.

На нитке были тёмные пятна, и бантик выглядел затёртым, будто его носили много лет.

— Значит, цирк, — Макс разглядывал карту, водя пальцем по красной линии, которая вела к самому краю Бруклина, к пирсам. — Раньше мы его искали вслепую, а теперь у нас есть точный адрес.

— И ключ, — Артур взвесил его на ладони. — Кто-то очень хочет, чтобы мы туда попали.

— Или чтобы мы оттуда не вышли, — тихо сказала Эмма. Никто не ответил. Лиза взяла ключ, провела пальцем по цифре «7». Металл был тёплым. Не нагретым — а именно тёплым, как будто его только что вынули из чьей-то ладони, и он ещё хранил тепло тела.

— Он тёплый, — сказала она.

Макс подошёл, потрогал, пожал плечами:

— Ерунда. Просто нагрелся в кармане у портье.

— У портье не было карманов, — всё так же тихо заметила Дженни. — На нём был вязаный жилет.

Они вышли из хостела через полчаса. Портье не поднял головы, только буркнул: «Возвращайтесь до темноты». Бомж у входа спал, свернувшись на картонке, и его красная нитка свешивалась с запястья прямо в пыль, касаясь земли. Лиза заметила, что на ней не было бантика — просто завязанный узел, словно нитку оборвали в спешке, не заботясь о форме.

Улицы Бруклина встретили их холодным ветром с реки. Лиза шла и рисовала мысленно — она всегда так делала, когда хотела запомнить место. Прямые линии промзон, ржавые двутавровые балки над головой, граффити на кирпич-

ных стенах. Не те, что в Детройте, — злые, угловатые, наспех намалёванные. Здесь рисунки были старше, многослойные, одни теги перекрывали другие, как годовичные кольца на спиле дерева. Город-палимпсест, сказал бы Элиас. Лиза подумала: «Слои памяти, которые никто не стирает». Она запомнила каждый слой: синий поверх жёлтого, чёрный поверх синего, красный — поверх всего.

Макс шёл первым, оглядывая переулки. Он хмурился, вздрагивал на каждый скрип ржавой арматуры под ногами, на каждый хлопок где-то далеко. На втором перекрёстке он резко замер, вглядываясь в щель между двумя кирпичными складами, где темнота сгущалась даже при утреннем свете, образуя чёрный провал.

— Там кто-то стоял.

— Уверен? — Артур подошёл к нему.

— Нет. Но я видел тень.

— Здесь много теней, — сказала Эмма и поправила лямку рюкзака, который давил на плечо. — Мы в промзоне.

— Эта двигалась. — Макс не отводил глаз от щели, и его пальцы сжались в кулаки.

Они подождали, но никто не вышел. Ветер трепал обрывки старых афиш на стене — цирковые медведи, акробаты, клоуны с размазанной краской, чьи лица были стёрты временем почти до неузнаваемости. Лиза зарисовала один обрывок: клоунская маска, но под ней ей почудилось другое лицо — человеческое, усталое. Губы под гримом были сжаты

в тонкую линию, и от этого казалось, что клоун не смеётся, а терпит боль, которую не может показать.

— Долго ещё? — спросила Дженни. Она держалась за запястье, где под рукавом пульсировала нитка, и чувствовала, как тепло разливается по пальцам. — Не Пожиратель, но место... тяжёлое. Будто земля пропитана. Под ногами дрожит.

— Карта говорит — два квартала, — ответил Артур и сверился с красной линией, которая на карте была нарисована жирно, с нажимом. — За пирсом.

Они миновали ржавый козловой кран, застывший над водой как мёртвый динозавр, чьи кости проржавели насквозь. Запах соли и гнили стал сильнее, к нему примешивался запах мазута, и от этого сочетания першило в горле. Где-то далеко кричали чайки, но здесь, среди контейнеров, крики звучали приглушённо, будто через вату, как из другой комнаты. Лиза заметила, что вокруг не было ни души — только брошенные машины с выбитыми стёклами, контейнеры с сорванными пломбами, запертые ворота с ржавыми цепями. Окна складов смотрели на них пыльными глазницами, за которыми угадывалась пустота. Она шла и рисовала пальцем в воздухе линии горизонта — чтобы не потерять равновесие, потому что мир вокруг начал казаться перекошенным, как будто сама земля накренилась.

За очередным поворотом улица упиралась в строительные леса, огораживающие фасад старого здания. Огромный купол, осыпавшаяся штукатурка, колонны, увитые ржавыми

гирляндами, которые когда-то были золотыми. Вывеска над входом отсутствовала, но на стене, под слоем грязи, ещё читались гигантские буквы: «BARNUM & BAILEY». Краска на них когда-то была золотой, а теперь остались только тёмные контуры, и ветер крошил штукатурку по краям, осыпая её мелкими белыми хлопьями.

— Цирк, — выдохнул Макс.

— Вернее, то, что от него осталось, — сказал Артур и запрокинул голову, разглядывая купол, в котором зияла огромная дыра, открывающая серое небо.

Лиза подошла ближе к главному входу. На заколоченных дверях кто-то нарисовал красный круг, перечёркнутый линией. Знак, похожий на те, что чертила бабушка Дженни. Защита. Или предупреждение. Лиза провела пальцем по линии — краска была старой и шелушилась, осыпаясь под ноготь красной пылью, как сухая кровь.

— Сюда, — позвала Эмма.

Она обнаружила боковую дверь, скрытую за лесами: стальная, с единственной замочной скважиной, без таблички, без ручки — только резной замок, вросший в металл так, что казался частью двери. Артур достал ключ с цифрой «7». Латунь слабо блеснула в утреннем свете, отражая мутное небо.

— Дженни, чувствуешь что-нибудь?

Она шагнула вперёд, коснулась стены ладонью. Прикрыла глаза. Её пальцы дрожали, и она сжала их в кулак.

— Пульсация слабая. Как сердцебиение спящего. — Она помолчала, и в этой паузе слышно было только дыхание ветра. — Очень старое. Не злое. Скорее... грустное. Как будто оно ждёт, но уже не надеется.

Артур вставил ключ в скважину. Замок щёлкнул — громко, как выстрел в тишине. Эхо разнеслось по пустому переулку и замерло где-то далеко, среди контейнеров.

— Все готовы? — спросил он, не оборачиваясь.

— Готовы, — сказала Лиза и достала из кармана мелок.

Она не знала, что ждёт их внутри, но уже понимала: то, что они увидят, нужно будет запомнить. Или хотя бы нарисовать.

Артур толкнул дверь. Петли заскрипели — протяжно, жалобно, как старый зверь, которого разбудили в его логове после долгой спячки. Изнутри пахло опилками, плесенью и чем-то сладковатым, почти забытым, что напоминало детство, но детство, которое обернулось кошмаром.

Запахом детства, которое обернулось кошмаром.

— Пошли, — сказал Артур и шагнул через порог.

Лиза вошла следом. Её рука уже чиркала мелом по косяку, оставляя первую белую линию — подкову, разомкнутую дугу, которая должна была защитить их спины. Мел крошился, и белая пыль оседала на её пальцы, смешиваясь с ржавчиной и грязью.

Где-то в глубине здания, под ареной, проснулся Шёпот.

8 октября 1986 года. Нью-Йорк. Цирк Барнума. День.

Артур перешагнул порог и сразу понял: это место не было мёртвым.

Он ожидал пыли, тишины, запустения — как на фабрике в Детройте, как в особняке до того, как они разбудили Кроули. Но цирк дышал. Воздух был густым, спёртым, пропитанным запахом опилок и старого бархата — того особенно, чуть сладковатого бархата, что веками впитывает в себя пот и пудру, и запах этот висел в воздухе, как облако. Где-то высоко под куполом скрипела ослабшая растяжка: звук походил на тихий, протяжный стон, который повторялся каждые несколько секунд. Света не было, но тьма не казалась пустой — она шевелилась, перетекала из угла в угол, шептала что-то неразборчивое прямо в уши, и от этого шелестело в голове, как от старой плёнки.

— Все целы? — спросил Артур, не оборачиваясь.

— Да, — сказала Лиза за его спиной. Её голос прозвучал громче, чем она хотела, и эхо подхватило его, понесло под купол, где он смешался с другими шорохами и замер где-то наверху, растворившись в темноте.

— Здесь кто-то есть, — сказала Дженни. Она сжимала запястье, на котором пульсировала нитка, и под рукавом разливалось тепло, такое сильное, что она отдёрнула руку, будто обожглась. — Не Пожиратель. Что-то другое.

— Страж, — предположил Макс и вытащил нож, просто

чтобы чувствовать рукоять в ладони, холодную и твёрдую.
— Как те тени в особняке.

— Хуже, — тихо отозвалась Эмма. — Тени хотя бы молчали.

Артур достал фонарик. Луч прорезал темноту, выхватывая фрагменты: ободранные кресла партера с вылезшими пружинами, свисающие лохмотья занавеса, ржавую конструкцию под куполом — когда-то там крепились трапеции. Всё было ветхим, изъеденным временем, но сохранившим странную, почти пугающую упорядоченность. Как будто кто-то уходил отсюда не в спешке, а медленно, с достоинством, оставляя вещи на своих местах. Даже опилки на полу лежали ровным слоем, словно их только вчера разровняли граблями, и ни одна пылинка не нарушала этой геометрии.

Они двинулись по проходу между рядами. Под ногами хрустели опилки — настоящие, цирковые, перемешанные с осколками стекла и чем-то, что Артур предпочёл не рассматривать. Макс шёл справа, сжимая нож. Лиза — слева, с мелком в одной руке и блокнотом в другой, готовая в любой момент оставить знак. Эмма и Дженни замыкали, то и дело оглядываясь через плечо, проверяя, не смыкается ли за ними тьма.

— Стойте, — вдруг сказала Лиза.

Она присела на корточки, провела пальцем по полу. В луче фонаря блеснула белая линия — меловая, полустёртая, но ещё различимая. Под ней угадывался изгиб круга.

— Кто-то чертил здесь круги. До нас.

— Хранители? — Макс наклонился, вглядываясь в линию, стараясь не дышать, чтобы не сдуть мел.

— Или те, кто пытался ими стать. — Лиза поднялась, отряхнула ладонь о джинсы, и белая пыль осыпалась на тёмную ткань. — Линия старая. Может, десять лет. Может, больше.

— Она ещё работает?

— Нет. Она стёрта. Но тот, кто её чертил, знал, что делал.

Артур посмотрел на белую линию, уходящую в темноту. Ему стало холодно — не от страха, а от ощущения, что они идут по чьим-то следам. По чьей-то неудаче. В горле запершило, и он сглотнул, чувствуя, как сухой комок проходит вниз.

Они двинулись дальше. Проход расширился, и фонарь выхватил из темноты арену.

Круглая, посыпанная теми же опилками, она казалась почти нетронутой. Барьер, ограждающий её, потрескался, но держался, и на нём ещё можно было разглядеть остатки позолоты. Над ареной висели обрывки трапещей — как верёвки виселицы, подумал Артур и тут же отогнал эту мысль. Она была непрошеной, чужой — как будто само место вкладывало ему в голову такие картинки, чужие воспоминания, которые не принадлежали ему. В висках загудело, и он потряс головой, чтобы избавиться от звука.

В центре арены стоял алтарь.

Он был каменным, грубо вытесанным, чуждым всему остальному цирку — никакого бархата, никакой позолоты, только серый гранит с выбитыми на нём символами. Артур не узнал их, но почувствовал: эти знаки не были защитой. Они были замком, который держал что-то внутри или снаружи.

На алтаре лежал кинжал.

Лезвие тускло блестело в луче фонаря. Длинное, прямое, с простой рукоятью, обмотанной вытертой кожей. Кожа потемнела от времени и чужих ладоней, и на ней проступили тёмные пятна, похожие на следы пота или крови. Кинжал не был украшен, не выглядел древним или магическим. Он выглядел как оружие, которое долго ждало своего часа и не ржавело только потому, что ждало.

— Кинжал Первого Хранителя, — прошептала Дженни, и её голос дрогнул, сорвавшись на высокую ноту.

— Не подходи, — сказал Артур.

Но опоздал. Макс уже шагнул к арене.

И цирк заговорил.

Сначала — шёпот. Множество голосов, детских и взрослых, мужских и женских, наслаивающихся друг на друга, как волны на гальку. Артур не разбирал слов, только интонации: мольба, страх, отчаяние, гнев. Голоса шли отовсюду — из-под купола, из-под пола, из стен, из воздуха. Они звучали внутри головы, а не в ушах, и от этого было ещё страшнее — нельзя было заткнуть уши, нельзя было зажмуриться, чтобы

они исчезли.

— Назад, — скомандовал Артур, схватив Макса за плечо и дёрнув его к себе.

Макс отступил на шаг, другой. Его лицо побледнело до серости, и капли пота выступили на лбу. Нож в руке дрожал, и лезвие ловило блики фонаря, отражая их на стенах.

Голоса стали громче. Теперь Артур разбирал слова:

— Не подходи... пожалуйста... я не хочу... мама... где моя мама... мы хотели только посмотреть... он сказал, это игра... больно... больно...

Шёпот пропавших детей. Тех, кто забрёл в цирк и не вышел. Тех, кого Пожиратели забрали десятилетия назад и чьи голоса остались здесь, вплетённые в стены и опилки, как нити в старую ткань. Их были десятки, может, сотни, и каждый звучал отчётливо, пока не сливался в общий хор, который бился о стены и возвращался эхом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.